СОДЕРЖАНИЕ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Иконников Д. С.
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЮЛОВСКОГО ГОРОДИЩА X–XIII ВВ. 3

Иконников Д. С., Карев И. Н., Баишева М. И.
НАРОВЧАТСКОЕ ГОРОДИЩЕ XIV В.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР 12

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО

Капитонова Е. А.
ГЕНЕЗИС ПОНИМАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ПУТЕЙ ВОСТОКА И РОССИИ 20

Синцов Г. В., Первушкин А. В.
ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРИЧИНЫ ЗАРОЖДЕНИЯ 25

Зернов И. В.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СПАССКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 30

Чернова А. А.
ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ 36

Геращенко М. М., Геращенко С. М.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 40

Уланова О. В., Щеглов Ю. А.
ПРОБЛЕМА РЕЙДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 44

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Иконников Д. С., Калмин О. В., Калмина О. А.
КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БЕДНОДЕМЬЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV ВВ. 47

Архипов А. П., Ильина Н. Л., Скороделова М. И., Микуляк Н. И.
ОСОБЕННОСТИ АКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ И МОЩНОСТИ РИТМОВ МОЗГА У СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ 59

Дьячкова Е. В., Кузнецова К. С., Никольская М. В.
КОМОРБИДНЫЕ СОСТОЯНИЯ ПРИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ 64

Афтаева Л. Н., Мельников В. Л., Кубрина О. Ю., Орешкина А. А.
ОСОБЕННОСТИ ТЕЧЕНИЯ ВНЕБОЛЬНИЧНЫХ ПНЕВМОНИЙ 68

Лебедев М. В., Керимова К. И., Захарова И. Ю.
ЧАСТОТА И СТРУКТУРА ВРОЖДЕННЫХ ПОРОКОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛЕНИЯ ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ХИРУРГИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙКЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ИМ. Н. Н. БУРДЕНКО) 74

Лебедев М. В., Захарова И. Ю., Керимова К. И.
ПЛЕОМОРФНАЯ АДЕНОМА ОКОЛОУШНОЙ СЛЮННОЙ ЖЕЛЕЗЫ 77

Степанов Д. А., Федорова М. Г., Аверкин Н. С.
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТОМАТОЛОГИИ 80

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902

Д. С. Иконников

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЮЛОВСКОГО ГОРОДИЩА X–XIII вв.

Аннотация. Осуществляется реконструкция сельского хозяйства и промыслов населения Юловского городища X–XIII вв. Данный археологический памятник располагается в Верхнем Посурье. Он относится к группе памятников булгарского типа. Данные археологии позволяют установить, что основным занятием местного населения было земледелие. На втором месте по своей значимости стояло животноводство. Охота и рыболовство не играли существенной хозяйственной роли.

Ключевые слова: Волжская Булгария, памятники булгарского типа, Юловское городище, земледелие, животноводство, промыслы.

Юловское городище X–XIII вв. представляет собой одно[1] из наиболее важных поселений в системе памятников булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья. Его территория в настоящее время частично перекрывается современной застройкой п.г.т. Городище, районного центра Пензенской области, возникшего в 1681 г. [1, с. 52–53].

О существовании здесь археологического памятника было известно, по крайней мере, с конца XVIII в., так как о следах «старого татарского городка» упоминается в первом томе «Путешествия по разным местам Российского государства в 1770–1773 гг.» академика П. С. Палласа [2]. В XIX в. памятник неоднократно посещался исследователями. О нем упоминали в своих работах Ф. Ф. Чекалин и А. А. Спицын. В XX в. изучением истории памятника занимались Н. И. Спрыгина, П. Д. Степанов, М. Р. Полесских [3, с. 31–32]. В 1985–1992 гг. в зоне, свободной от застройки, проводились раскопочные работы под руководством Г. Н. Белорыбкина [4–11]. Благодаря археологическим работам, удалось установить особенности материальной культуры Юловского городища, в том числе основные направления хозяйственной деятельности местного населения.

В данной работе будет предпринята попытка определить особенности сельского хозяйства и промыслов населения Юловского городища и его окрестностей.

Материал и методы. Археологические разведки и раскопки на территории археологического памятника дали обширный материал. Для данного исследования интерес представляют находки земледельческих орудий (деталей плугов, серпов, жерновов), следы зернохранилищ и остеологические материалы, которые позволяют осуществить реконструкцию систем животноводства, охотничьего и рыболовных промыслов. Определением видов животных, которым принадлежали кости, происходившие из культурного слоя Юловского городища, в 1990-е гг. занимались А. Г. Петренко и О. Г. Богаткина. Результаты их исследования будут использованы в данной работе.

Результаты и обсуждение. О существовании *земледелия* у местного населения прежде всего говорят находки земледельческих инструментов, представленных деталями плугов, жатвенными орудиями и жерновами.

© Иконников Д. С., 2019.

Лемехи (2 экз., железо [5, рис. 47; 10, табл. I] (рис. 1: 1-2)) предназначались для подрезания и переворачивания пластов земли при распашке. Лемех представлял собой крупную подтреугольную пластину из железа с приостренным режущим краем и разомкнутой втулкой. Лопасть имела характерный продольный прогиб. В одном случае рабочая часть была усилена дополнительной оковкой, оба лемеха имели симметричную форму. Общая длина колебалась от 32,5 до 32,8 см, наибольшая ширина лопасти – от 19,6 до 20,5 см, длина втулки – от 9,5 до 10 см. Отношение общей длины к длине втулки колеблется от 3,3 до 3,4 (табл. 1). Юловские лемехи соответствуют типу IVB2 по Ю. А. Краснову. Изделия этого типа характеризуются массивностью (общая длина 23,8–38 см), сравнительно короткой втулкой (от 1/3 до 1/8 общей длины наконечника) и отношением общей длины к ширине от 1,2 до 1,8, рабочий край умеренно заострен [12, с. 52].

Таблица 1

Пропорции плужных лемехов

	Источник	Длина (см)	Ширина (см)	Длина втулки (см)	Длина/ ширина	Длина/ длина втулки	Форма
1	Белорыбкин, Отчет..., 1992, рис. 68	32,5	20,5	9,5	1,59	3,4	Симметричная
2	Белорыбкин, Отчет..., 1987, рис. 47	32,8	19,6	10	1,67	3,3	Симметричная

Жатвенные орудия Юловского городища представлены косой-горбушей.

Коса-горбуша (1 экз. [11, рис. 29:1] (рис. 1:3)) предназначалась для жатвенных работ. Она представляет собой слабоизогнутый дуговидный клинок в виде полотна с уступом при переходе к черенку, отогнутому в сторону. Основание дуги лезвия составляло 32 см при длине черенка 10,8 см.

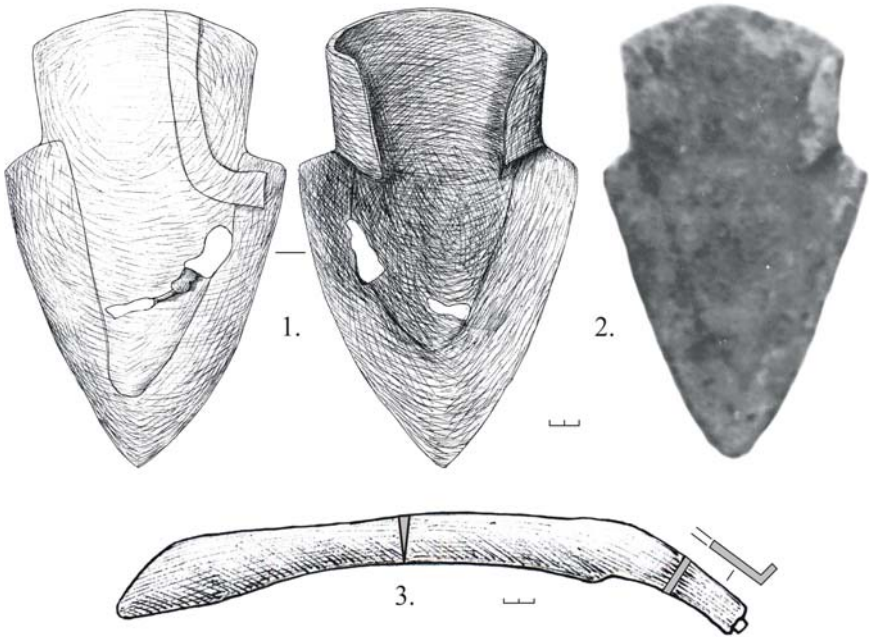


Рис. 1. Земледельческие орудия с территории Юловского городища:
1–2 – лемехи (железо); 3 – коса-горбуша (железо)

Жернова (13 экз., камень (инв. №№ ГКМ I / 34957, [10, рис. 78: 1-2; 79: 1-6; 11, рис. 32: 2-3, рис. 33: 1-2] (рис. 2:1-10)) представляют собой дисковидные массивные изделия, по характеру рабочей поверхности различаются диски с выпуклой, вогнутой и ровной рабочей поверхностью.

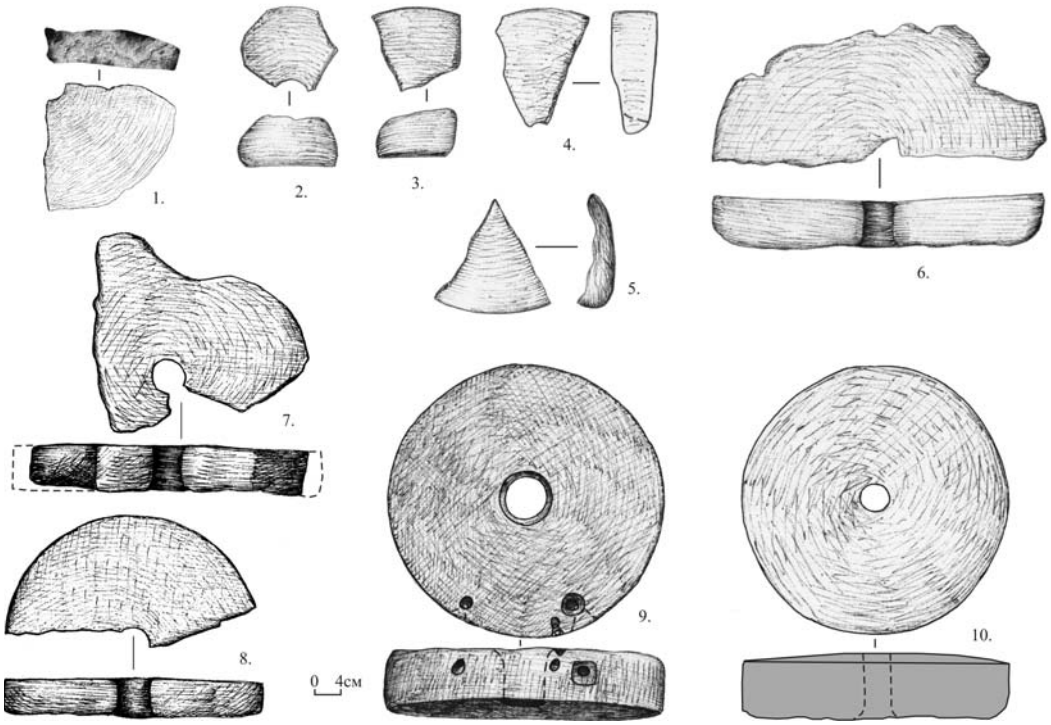


Рис. 2. Каменные жернова с территории Юловского городища

Диаметр дисков преимущественно колеблется от 37 до 40 см (табл. 2). Только в одном случае он достигает 48 см. Характерной особенностью одного диска является наличие трех диагональных отверстий в периферийной части, сделанных для фиксации деревянной рукоятки (11, рис. 33:2).

Таблица 2

Пропорции каменных жерновов

Источник:		Диаметр диска (см)	Диаметр внутреннего отверстия (см)	Высота диска у периферийного края (см)	Высота диска у края внутреннего отверстия (см)	Характер рабочей поверхности
1.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 78:1	48	5	6	7	Выпуклая
2.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 78:2	40	5	5	6	Выпуклая
3.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 79:1	≥26	5	6,5	6,5	Ровная
4.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 79:2	37	?	6,5	?	Выпуклая
5.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 79:3	37	4	4,5	6	Выпуклая
6.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 79:4	34	4	?	?	?
7.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 79:5	46	?	?	?	?
8.	Белорыбкин, Отчёт…, 1992, рис. 79:6	38	?	8	7	Вогнутая
9.	Белорыбкин, Отчёт…, 1993, рис. 32:2	≥22	?	1	?	Выпуклая
10.	Белорыбкин, Отчёт…, 1993, рис. 32:3	≥24	?	8	?	?
11.	Белорыбкин, Отчёт…, 1993, рис. 33:1	40	4	8	10	Выпуклая
12.	Белорыбкин, Отчёт…, 1993, рис. 33:2	40	6	10	8	Вогнутая
13.	1992, без номера	≥18	?	3	?	Выпуклая

О существовании земледелия у местного населения говорят также находки ям, которые могли представлять собой *зернохранилища*. Так как в их заполнении не были встречены палеоботанические материалы, сооружения не могут однозначно интерпретироваться как зерновые ямы. В дальнейшем мы будем называть их кладовыми ямами (рис. 3).

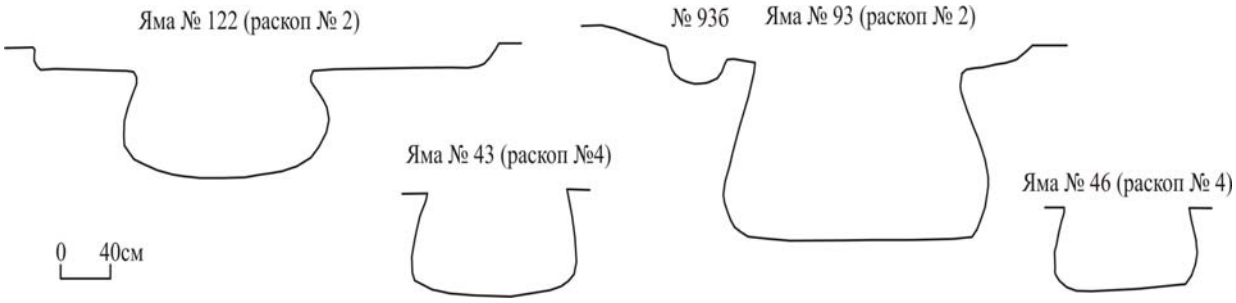


Рис. 3. Кладовые ямы с территории Юловского городища (профили)

Кладовая яма № 1 (яма № 93 с раскопа 2 (кв. Щ-6, Э-6, Э-7, Ю-6), рис. 3:1) отличалась характерным грушевидным профилем. Глубина ямы составляла 130 см. В плане яма имела округлую форму. Диаметр ямы в верхней части составлял приблизительно 160 см, диаметр у дна – 180 см. Наибольший диаметр ямы прослеживался на высоте 20–30 см от дна и достигал 200 см. Дно было ровным. В заполнении встречены 204 фрагмента керамики, кости животных, железный нож, железная пластина, железный предмет неясного назначения, глиняное пряслице и кости животных [8, с. 12, рис. 32, 35]. В непосредственной близости от сооружения, к югу и к западу от него, находились столбовые ямы № 93а, 93б, 93в и яма № 94 [8, с. 12, рис. 32]. Это могло говорить о том, что над сооружением могла находиться навесная конструкция.

Кладовая яма № 2 (яма 122 с раскопа 2 (кв. Р-4, Р-5, С-4, С-5, Т-4, Т-5), рис. 3:2) также имела грушевидный профиль. Верхняя часть сооружения на глубину 15 см от уровня первоначального выявления представляла собой большую овальную площадку размерами 360×140 см. В средней части этого углубления находилась собственно кладовая яма, имевшая грушевидный профиль и округлую в плане форму. Глубина этой ямы составляла приблизительно 60 см. Диаметр ямы на уровне выявления составлял 150 см. Наибольший диаметр прослеживался на уровне середины глубины ямы и составлял 160 см. Ниже этого уровня яма плавно закруглялась, так что дно приобретало форму перевернутой полусферы. Заполнение ямы состояло из серой супеси, в заполнении были обнаружены фрагменты керамики (741 фрагмент), две бронзовых пластины, кости животных и угли [8, с. 16, рис. 32, 35].

Кладовая яма № 3 (яма № 17 с раскопа 4 (кв. А-2, А-3)) отличалась характерной цилиндрической формой с практически вертикальными отвесными стенками. Верхняя часть ямы была выявлена на глубине 35 см от современной поверхности и представляла собой площадку подпрямоугольной формы размерами 200×160 см. Собственно яма была обнаружена на глубине 50 см. Она представляла собой цилиндрическое углубление диаметром около 150 см и глубиной около 100 см. Заполнение ямы состояло из темно-серой супеси, в заполнении встречено 25 фрагментов керамики, кости животных и вкрапления угля [9, с. 9, рис. 3].

Кладовая яма № 4 (яма № 43 с раскопа 4 (кв. 113, 117), рис. 3:3). Форму профиля ямы было бы правильно назвать не грушевидной, а сглаженно-трапециевидной. Сооружение было выявлено на глубине 30 см от современной поверхности. Яма имела округлую в плане форму, ее глубина от уровня выявления составляла 75 см, диаметр на уровне выявления – 130 см, диаметр у дна – 149 см. Заполнение состояло из темно-серой супеси,

в заполнении были встречены фрагменты керамики (31 экз.), два железных гвоздя, железный наконечник стрелы, два глиняных лощила, кости животных [10, с. 6, рис. 8].

Кладовая яма № 5 (яма № 46 с раскопа 4 (кв. 110), рис. 3:4) характеризовалась грушевидным профилем. Сооружение было выявлено на глубине 30 см от современной поверхности. Диаметр ямы на уровне выявления составлял 100 см, глубина от уровня выявления – 55 см, наибольший диаметр прослеживался на высоте 10–15 см от дна и составлял приблизительно 112 см. Заполнение ямы состояло из темно-серой супеси. В заполнении были встречены фрагменты керамики (25 экз.), железный гвоздь, железный замок, костяное навершие нагайки, кости животных [10, с. 7, рис. 8].

В целом кладовые ямы Юловского городища, которые могли служить зернохранилищами, представляли собой округлые в плане углубления с грушевидным, реже трапециевидным и цилиндрическим профилем. Иногда над зерновыми ямами могли возводиться дополнительные навесные конструкции. Эти сооружения являются косвенным подтверждением существования земледелия у населения Юловского городища.

О существовании *животноводства* у населения памятников булгарского типа говорят находки остеологических материалов, которые были встречены во всем культурном слое Юловского городища [7, с. 3] и в заполнении многих сооружений. Всего на памятнике обнаружено более 100 ям и полос, в заполнении которых были найдены кости животных [4–11].

Видовой состав стад был в основном определен А. Г. Петренко и О. Г. Богаткиной [13, 14]. На Юловском городище были встречены кости крупного и мелкого рогатого скота: лошади, свиньи, собаки, верблюда, лося, зайца. Судя по остеологическим материалам, основными поставщиками столового мяса были крупный и мелки рогатый скот и лошади. Кости других животных были представлены единичными находками.

На первом месте по численности стояли кости крупного рогатого скота. Отдельные кости крупного рогатого скота составляли 36,9 % от всех остеологических материалов, принадлежавших млекопитающим, полученных за время раскопок 1985–1991 гг. Минимальное количество особей крупного рогатого скота за эти годы составило 218 (29,0 % от минимального количества особей всех видов млекопитающих) [13, табл. 1; 14, табл. 1–3].

Второе место по численности занимали кости мелкого рогатого скота, составлявшие 35,3 % всех остеологических материалов, принадлежавших млекопитающим. Минимальное число особей мелкого рогатого скота достигало 359 (47,7 % от всех млекопитающих) [13, табл. 1, 14, табл. 1–3].

На третьем месте по численности находились кости лошади. Этому животному принадлежали 24,0 % всех остеологических материалов, принадлежавших млекопитающим. Минимальное число особей составляло 160 (21,3 % от всех млекопитающих) [13, табл. 1; 14, табл. 1–3].

Кости других животных были представлены единичными находками. На Юловском городище в единичных экземплярах встречены кости свиньи (9 экз.), верблюда (14 экз.) и диких животных [13, табл. 1; 14, табл. 1–3]. Абсолютное преобладание костей домашних животных среди остеологических материалов с Юловского городища свидетельствовало том, что животноводство в хозяйстве населения памятников булгарского типа играло несравненно большую роль, чем охота.

На первом месте по числу голов скота стоял мелкий рогатый скот, на втором – крупный рогатый скот, на третьем – лошади. При этом специалисты отмечали, что «основным мясным продуктом питания была говядина. Второе место по удельному потреблению занимала конина, и только третье – баранина» [13, с. 62]. Такое распределение было связано не только с численностью поголовья скота, но и с количеством мяса, которое могут давать отдельные виды животных [14, с. 78].

Сложно сказать, насколько адекватно юловские материалы отражают общую ситуацию и место животноводства в экономике населения памятников булгарского типа Верх-

него Посурья и Примокшанья. Юловское городище представляет собой торгово-ремесленный центр, хотя с большой долей вероятности часть его жителей занималась сельским хозяйством. Состав юловских остеологических материалов является, скорее, показателем столовых предпочтений, так как часть животных могла поступать на городище в результате товарообмена с жителями сельской округи.

Интересно еще одно обстоятельство. Процентное соотношение костей крупного и мелкого скота с разных участков городища неодинаково. В 1980-х – начале 1990-х гг. раскопки памятника проводились на двух участках: раскоп 2 (исследовался в 1985–1989 гг.) располагался в центральной части Юловского городища, раскоп 4 (1990–1992 гг.) – в северной части памятника [4–11]. Процентное соотношение общего числа костей крупного рогатого скота к общему числу костей мелкого рогатого скота с раскопа 2 составляло 119,8 %, аналогичное отношение минимального числа особей составляло 74,4 % (данные для подсчетов взяты из [13, табл. 1; 14, табл. 1–3]). То есть общее число костей крупного рогатого скота было несколько больше общего количества костей мелкого рогатого скота, а минимальное количество особей крупного рогатого скота было ненамного меньше минимального количества особей мелкого рогатого скота.

Иная картина складывалась при подсчете остеологических материалов с раскопа 4. Процентное соотношение общего числа костей крупного рогатого скота к числу костей мелкого составляло 56,4 %, процентное соотношение минимального числа особей – 55,6 % (данные для подсчетов взяты из [13, табл. 1; 14, табл. 1–3]). То есть костей мелкого рогатого скота было почти вдвое больше, чем костей крупного. То же касается минимального числа особей. Если эти различия не обусловлены случайными обстоятельствами, можно предположить, что в разных районах городища проживало население, мясной рацион которого был различен.

В значительной степени скот разводился с пищевыми целями. Об этом говорило то, что остеологические материалы с территории памятника были широко представлены «кухонными», по выражению А. Г. Петренко, останками, характеризовавшимися сильной раздробленностью [13, с. 63].

Кроме того, о функциональном назначении может говорить возраст, в котором скот отправлялся на убой. Большая часть крупного рогатого скота по материалам 1989–1991 гг. (62,3 %) была забита в возрасте более 28 мес. [14, табл. 7, с. 80], меньше процент животных (29,5 %), забитых в возрасте 18–28 мес., остатки крупного рогатого скота до шести месяцев (1,5 %) и 6–18 мес. (6,6 %) редки [14, с. 80, табл. 7]. Это говорит о том, что крупный рогатый скот разводился не только с целью получения мяса. О. Г. Богаткина вполне обоснованно считала, что направление разведения скота у населения Юловского городища было мясо-молочным [14, с. 80]. Кроме того, быки и волы использовались в качестве тягловой силы в гужевом транспорте.

Более половины лошадей по материалам 1989–1991 гг. шли на убой в раннем возрасте, не достигая половой зрелости, но при этом 46,9 % поголовья оставлялось на длительный срок и, вероятно, использовались для транспортных целей. На памятнике встречены даже кости лошадей, достигавших двадцатилетнего возраста [14, с. 81]. Вероятно, это говорит о том, что лошади сравнительно широко использовались для транспортных целей.

48,6 % мелкого рогатого скота, возраст которого поддается определению, забивалось в возрасте более 24 мес., 45,7 % мелкого рогатого скота забивалось в возрасте 12–24 мес. [14, табл. 7]. Это говорит о том, что овцы разводились юловским населением как для пищевых целей, так и для получения шерсти [14, с. 81]. О. Г. Богаткина отмечает, что овцы Юловского городища «заметно отличались по своим морфологическим признакам, и прежде всего по росту» [14, с. 81]. Следовательно, на городище уже прослеживались зачатки племенного дела, возможно, мелкий рогатый скот уже подразделялся на мясные и шерстяные породы.

Все три основных вида, таким образом, использовались как для получения столового мяса, так и с другими целями. В частности, для получения молока (крупный рогатый скот), для транспортных нужд (лошади, крупный рогатый скот) и для получения шерсти (мелкий рогатый скот).

Для Волжской Булгарии характерны две группы крупного рогатого скота: I группа «лесной, мелкий, комолый, грацильный» и II группа «степного» облика, сравнительно крупный, с небольшими роговыми стержнями. Это отражало сосуществование двух животноводческих традиций [15, с. 41]. Коровы Юловского городища имели рост в холке от 106,0 до 113,2 см [13, с. 63; 14, с. 80], здесь, вероятнее всего, присутствовали коровы обеих групп [13, с. 63; 14, с. 80]. Средний рост волов А. Г. Петренко оценивала в 118,0 см [13, с. 63]. Рост в холке одного быка с Юловского городища составлял 117,5 см [14, с. 80], рост одного вола достигал 146,9 см [14, с. 80]. Вероятно, обе особи относились ко II группе скота.

Мелкий рогатый скот с Юловского городища был разнороден по облику. Высота овец в холке колебалась от 65,8 до 82,2 см [14, с. 81].

Высота юловских лошадей в холке составляла 132,0–141,0 см по пясти, 130,0–138,0 по плюсне (для материалов 1985–88 гг.) [13, с. 64] или 131,7–140,3 см по пясти и 133,3 см по плюсне (для материалов 1989–1991 гг.) [14, с. 81]. Лошади Волжской Болгарии подразделялись на два типа: «лесной» (среднелобые или узколобые, полутонконогие, высотой в холке 120–128 см) [15, с. 105] и «степной» (широконогие или средненогие, широколобые, высотой в холке 132–142 см) [15, с. 106]. На Юловском городище преобладали лошади «степного» облика, как в материалах Танкеевского могильника X–XII вв. [15, с. 106] и Сувара [13, с. 66]. Это отличало юловские материалы от материалов с памятников мордвы, так как на Кельгинском могильнике и Итяковском городище представлены останки низкорослых лошадей [16, с. 58] и материалов Биляра, где также преобладала лошадь «лесного» облика [15, с. 106].

Рыболовство реконструируется на основе находок костей рыб и деталей рыболовецких снастей, представленных железными рыболовными крючками (рис. 4).

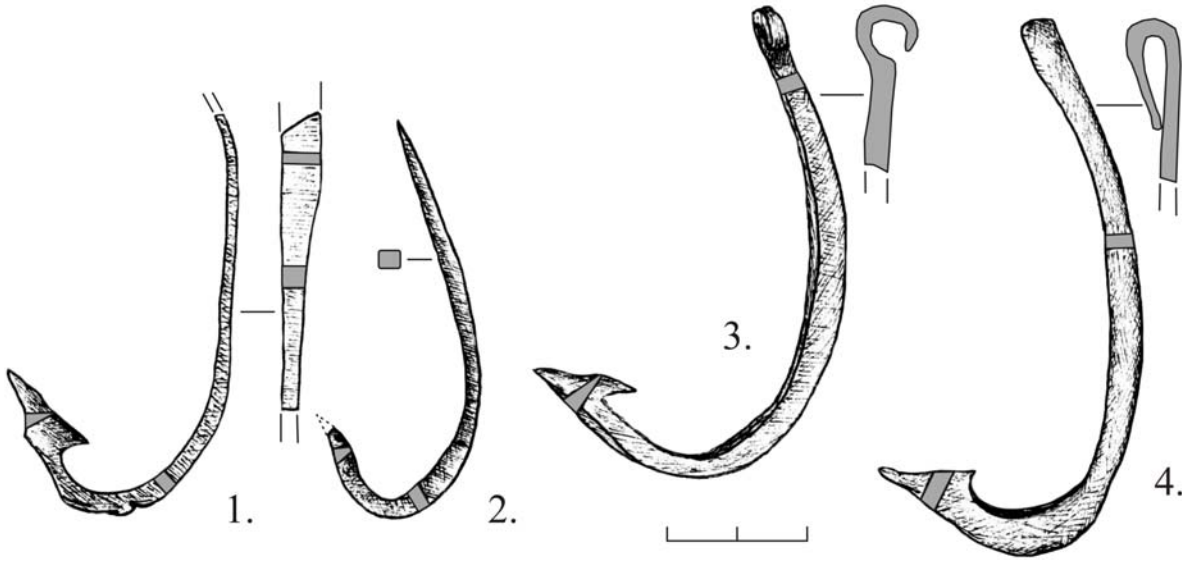


Рис. 4. Рыболовные крючки с Юловского городища (железо)

Кости рыб встречены на Юловском городище во время раскопок 1989–1991 гг. (10 экз.). Доля костей рыбы в разные годы составляла всего 0,06–0,3 % от всех остеологических материалов [14, табл. 1–3]. Это говорило о том, что у местного населения существовала рыбная ловля, но ее экономическое значение было невелико.

На памятнике были встречены также рыболовные крючки (4 экз., железо, инв. № ПАМ 61/ 142-145, рис. 4:1–4). Общая высота крючков колеблется от 52 до 72 мм, все крючки имеет характерную «бородку». Два изделия подвешивались на нитку при помощи петли, образованной путем сгибания стержня спинки в бок, два других крючка подвешивались при помощи плоского расширения, расположенного в верхней части спинки. Все крючки отличались массивностью, что говорит о промысле сравнительно крупной речной рыбы.

О существовании *охотничьего промысла* у населения Юловского городища говорят находки костей диких животных: лося, зайца, медведя, барсука [13, табл. 6; 14, табл. 1–3]. Кости диких животных единичны [14, табл. 4]. Таким образом, охота не играла существенной роли в хозяйственной деятельности населения. Предположительно охота велась с целями добычи столового мяса, кожи, меха и рогов.

Выводы. Население Юловского городища занималось земледелием, животноводством, рыбной ловлей и охотой. Две первых хозяйственных отрасли имели большое экономическое значение, две последних были вспомогательными.

О существовании земледелия говорили находки сельскохозяйственных орудий (лемехов, косы, жерновов) и сооружений, которые могли представлять собой зерновые ямы.

Юловские лемехи относя к типу IVB2 по Ю. А. Краснову. Плужные наконечники этого типа зафиксированы в центральных и южных районах лесной полосы Восточной Европы. Особенно широко этот тип представлен в материалах Волжской Булгарии [12, с. 70]. Это указывает на генетическую связь домонгольского земледелия Верхнего Посурья и Примокшанья с хозяйственными традициями этого государства. Коса-горбуша имеет ряд аналогов в русских древностях [17, с. 113, рис. 49], у мордвы [16, с. 60] и на памятниках Волжской Булгарии [18, с. 76].

Большинство жерновов городища сравнительно невелики. Они соответствуют типу I по Р. С. Минасяну. Этот тип был широко распространен в Восточной Европе в Средние века и сохранялся до XIX в. [19, с. 23]. Интересно, что на Юловском городище был встречен верхний диск жернова с характерным отверстием для рукояти. Этот признак больше соответствует дискам типа II по Р. С. Минасяну, однако сам жернов имеет сравнительно небольшой диаметр (около 40 см).

На Юловском городище, по-видимому, наблюдалась традиция хранить зерно в примитивных зерновых ямах. Другие категории зернохранилищ на памятнике не были встречены.

Обширный остеологический материал, обнаруженный в ходе раскопок на территории памятника, представляет интерес для реконструкции особенностей животноводства на памятниках булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья. Их население разводило мелкий рогатый скот, крупный рогатый скот и лошадей. На городище почти нет костей свиньи. Это отличает местную животноводческую традицию от мордовской, для которой характерно развитое свиноводство [16, с. 59].

Кроме того, местное население занималось охотой и рыболовством, но большого значения для хозяйства эти отрасли не имели.

Библиографический список

1. Белорыбкин, Г. Н. Отчет о раскопках Пензенской археологической экспедиции в 1985 г. / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Казань, 1986. – 29 с.

2. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1989 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1990. – 22 с.

3. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1992 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1993. – 11 с.

4. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1986 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1987. – 19 с.

5. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1987 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1988. – 14 с.

6. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1988 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1989. – 23 с.

7. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1990 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1991. – 16 с.

8. Белорыбкин, Г. Н. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1991 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – Пенза, 1992. – 20 с.

9. Белорыбкин, Г. Н. Историография древней истории Пензенского края : учеб.-метод. пособие для студентов исторического факультета / Г. Н. Белорыбкин, С. А. Кишинская. – Пенза, 1995. – 154 с.

10. Богаткина, О. Г. Структурные элементы скелета субфоссиотных млекопитающих Юловского городища как источник реконструкции морфологических признаков и хозяйственного использования этих животных / О. Г. Богаткина // Страницы истории Волго-Донья. – Пенза, 1995. – С. 73–85.

11. Завьялов, В. И. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства / В. И. Завьялов, Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова. – Москва, 2007. – 170 с.

12. Краснов, Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов. – Москва, 1987. – 234 с.

13. Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – Москва, 1985. – 216 с.

14. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи / П. С. Паллас. – Санкт-Петербург, 1773. – Часть первая. – 558 с.

15. Петербургский, И. М. Вадская мордва в VIII–XI вв. / И. М. Петербургский, В. Н. Аксенов. – Саранск, 2006. – 145 с.

16. Петренко, А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья / А. Г. Петренко. – Москва, 1984. – 171 с.

17. Петренко, А. Г. К истории хозяйственной деятельности населения Юловского городища / А. Г. Петренко // Страницы истории Волго-Донья. – Пенза, 1995. – С. 61–73.

18. Полубояров, М. С. Мокша, Сура и другие… : материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области / М. С. Полубояров. – Москва, 1992. – 197 с.

19. Хузин, Ф. Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.) / Ф. Ш. Хузин. – Казань, 2006. – 582 с.

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры анатомии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: ikonnikof-ds@mail.ru

Образец цитирования:
Иконников, Д. С. Сельскохозяйственная и промысловая деятельность населения Юловского городища X–XIII вв. / Д. С. Иконников // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 3–11.

УДК 902

Д. С. Иконников, И. Н. Карев, М. И. Баишева

НАРОВЧАТСКОЕ ГОРОДИЩЕ XIV в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Характеризуется история исследования материальной культуры золотоордынского города Мохши (Наровчатское городище). Поселение возникло на территории Верхнего Примокшанья в XIV в. Первым, кто в конце XIX в. обратил внимание на ряд интересных археологических находок на территории памятника, был пензенский краевед и археолог-любитель В. М. Терехин. Саратовский археолог А. А. Кротков в 1920-е гг. издал ряд статей. В них он доказал, что Наровчатское городище представляет собой следы золотоордынского города Мохши, столицы северо-западного улуса Золотой Орды. В 1950-е гг. пензенский археолог М. Р. Полесских и краевед В. И. Лебедев выпустили научно-популярные работы, в которых рассказывалось об истории города Мохши. В конце 1960-х – 1970-е гг. выходит ряд статей известного археолога А. Е. Алиховой, в которых она характеризует результаты своих археологических работ на территории Наровчатского городища и в его окрестностях. В настоящее время история города Мохши является предметом исследования археолога Ю. А. Зеленеева.

Ключевые слова: Золотая Орда, город Мохши, Наровчатское городище, историография, археология.

Наровчатское городище, представляющее собой следы золотоордынского города Мохши, вызывает большой научный интерес. Этот город был крупным торгово-ремесленным и культурным центром, возникшим в начале XIV в. на территории, заселенной преимущественно мордвой-мокшей. С большой долей вероятности можно утверждать, что город Мохши имел статус улусного центра и имел право чеканить собственную монету. Однако период расцвета города был недолгим. В 1360-х гг. он наравне с другими золотоордынскими городами вступает в полосу упадка, а в 1395 г. претерпевает нашествие войска Тамерлана.

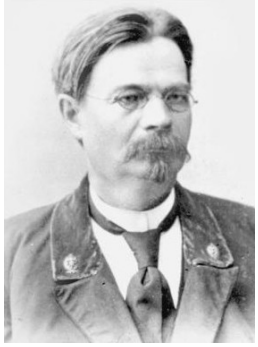
На территории памятника неоднократно проводились археологические работы, результаты многих из которых были опубликованы. До настоящего времени территория Наровчатского городища и его окрестностей остается перспективной с точки зрения археологического исследования. В данной работе будет предпринята попытка обобщить материалы по историографии истории материальной культуры Наровчатского городища XIV в. При этом авторы ограничатся материалами по археологии. Научные работы по нумизматике не будут привлекаться для исследования, так как требуют специального подхода и должны стать темой отдельного исследования.

Впервые о существовании золотоордынского города Мохши стало известно благодаря нумизматическим данным. Первые сведения о монетах с чеканом «Мохши» появились в 1830-х гг. Они были описаны Х. Д. Френом в работе «Монеты ханов улуса Джучиева» в 1832 г. [1, с. 5]. Место их чеканки тогда еще не было известно и не ассоциировалось с Наровчатским городищем.

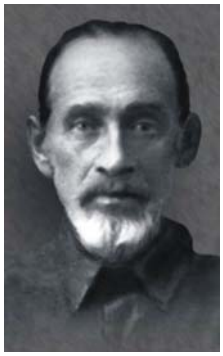
В конце XIX в. в поле зрения исследователей попадают археологические материалы, обнаруженные на Наровчатском городище. Так, Владимир Михайлович Терехин (1852–1916), член Пензенского статистического комитета, в 1893 г. писал: «На юго-западе от г. Наровчата сохранились признаки городища длиною более версты. Это городище… было, быть может, становищем того самого татарского князя Тогая, от Бездежа, который, по свидетельству летописи, отвоевал «Наровчатскую сторону у ордынского царевича Абдула… Были находки… и медных, и серебряных монет, одни по виду татарские, другие напоминают болгарские с изображением на лицевой стороне каких-то животных» [2].

© Иконников Д. С., Карев И. Н., Баишева М. И., 2019.

Кроме того, В. М. Терехин в числе первых обратил внимание на важную находку – большую группу каменных плит, обнаруженных во время строительства Покровского собора в центральной части Наровчата в 1870 г. 9 сентября 1902 г. В. М. Терехин совместно с В. П. Семечкиным на заседании Пензенской архивной комиссии сделал заявление о том, что древние каменные плиты, имеющие историческое значение, находятся при соборном храме Наровчата и не пользуются заслуженным вниманием. На заседании было постановлено ходатайствовать перед епархиальным начальством об их осмотре. Вероятно, осмотр был произведен, и одна плита была доставлена в Музей Пензенской ученой архивной комиссии [3, с. 7]. Дальнейшая судьба артефакта неизвестна.



Новый этап исследования истории Наровчатского городища был связан с деятельностью А. А. Кроткова (1866–1945), саратовского археолога, нумизмата и краеведа. Материалы, полученные в ходе исследования памятника, были изложены А. А. Кротковым в статьях «В поисках Мохши» [4], «К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства» [5] и в рукописи «Наровчат и его окрестности в его историко-археологическом отношении» [3], изданной через много лет после смерти исследователя, в 2011 г. [6].



Статья «В поисках Мохши» вышла в свет в 1923 г. в сборнике «Труды общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете» (вып. 34). Главной задачей, которую ставил перед собой автор, было аргументировать, что золотоордынский город Мохши тождествен Наровчатскому городищу. В своей аргументации А. А. Кротков опирался на данные исторической географии и нумизматики. Так, указывая, что известные науке монетные дворы «…были распространены в свое время по периферии Золотой Орды… причем главная масса их была сосредоточена к югу от Сараев и лишь редкие города к северу от них» [4, с. 28], А. А. Кротков предположил, что «г. Мохши надо искать севернее Н. Сарая и севернее Укека» [4, с. 29]. Кроме того, исследователю сразу бросились в глаза «грубость чекана, отсутствие… симметричности в расположении надписей и, наконец, примитивность в изображении эмблематических фигур» [4, с. 28–29]. Следовательно, поиск города Мохши должен был осуществляться в отдалении от южных городов Золотой Орды, так как «резчики по металлу в Мохши не проходили хорошей школы, которая чувствуется в монетах юго-восточных и южных городов Золотой Орды» [4, с. 29].

Но главным аргументом в пользу тождественности Мохши и Наровчатского городища А. А. Кротков считал данные нумизматики. Исследователь основывался на научной теории В. В. Григорьева, согласно которой находки золотоордынских монет с чеканом того или иного города преимущественно концентрировались на территории того населенного пункта, на котором были отчеканены. Исключение составляли монеты Сараев и Гулистана, распространенные по территории всей Золотой Орды [4, с. 29]. Среди золотоордынских монет, собранных на территории Наровчата и в его окрестностях, 62 % имели чекан Мохши [4, с. 30–31].

В статье «К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства», опубликованной в 1928 г. в «Известиях Общества исследования и изучения Азербайджана» (Баку), исследователь характеризовал материалы, полученные во время археологических работ 1925–1926 гг. [5, с. 71]. Прежде всего были отмечены находки сооружений из кирпича. К тому времени было известно два здания золотоордынского времени [5, с. 74]. Кроме того, А. А. Кротков подробно остановился на находках золотоордынских монет [5, с. 74–75].

Главный вывод, который был сделан в статье, сводился к тому, что в Наровчате и его окрестностях были обнаружены следы «…не какого-либо маленького “татарского” поселка XIV столетия, не какой-либо усадьбы золотоордынского магната-князька, а… значительного города, которому мы… придаем значение областного, улусного центра, с наименованием его – г. Мохши» [5, с. 74–75]. Главной причиной выделения нового улуса А. А. Кротков считал перспективность региона с точки зрения развития земледелия и некоторых видов промыслов [5, с. 77]. Непосредственным поводом для превращения Мохши в улусный центр, по мнению А. А. Кроткова, была политическая конъюнктура начала XIV в., когда наблюдался «…период подъема и особого усиления государственности» [5, с. 77]. Для усиления централизации появилась необходимость в новом опорном пункте [5, с. 77].

Немалое значение имеет также рукопись А. А. Кроткова «Наровчат и его окрестности в историко-культурном отношении» [3], изданная в 2011 г. [6]. Оригинал рукописи хранился и хранится в Наровчатском музее-заповеднике. Эту работу часто использовали археологи и историки при изучении истории Наровчата и Мохши. В этой работе А. А. Кротков выделил три этапа в истории Наровчата: 1) время, когда на месте современного населенного пункта находилось мордовское поселение; 2) период золотоордынского города Мохши; 3) период, когда на месте золотоордынского города возникает русская крепость, которая затем превращается в уездный город [6, с. 40–41]. Предположение А. А. Кроткова о том, что город Мохши возник не на пустом месте, выглядит гипотетичным, но правдоподобным [6, с. 39]. Главным доказательством тому служит исторически зафиксированное двойное название города (Мохши и Наровчат).

Следующий этап истории города А. А. Кротков характеризовал следующим образом: «…это татарский Норовчат (так в тексте – Д. И. и др.) XIII–XIV вв., который в 1313 г. при Узбекхане был сделан торгово-административным центром среди мордовско-мокшанских земель с данным ему правом бить свою местную серебряную и медную монету» [6, с. 40]. По мнению А. А. Кроткова, в это время население города было этнически смешанным. Исследователь считал, что этот этап завершился в 1395 г., когда Мохши вместе со многими золотоордынскими городами был разрушен Тамерланом [6, с. 40].

А. А. Кротков предпринял также попытку реконструировать историю улуса Мохши. Исследователь считал, что первоначально его территория входила в состав улуса Укека, но около 1313 г. выделилось в самостоятельный улус [6, с. 32].

В принципе, основные вехи истории города Мохши изложены А. А. Кротковым правдоподобно и доказательно. Работы А. А. Кроткова сохраняют актуальность до настоящего времени. Главной заслугой исследователя является научная аргументация тождественности золотоордынского города Мохши и Наровчатского городища. Кроме того, работы А. А. Кроткова являются тем базисом, на котором основывается все современное изучение данного археологического памятника.

В 1950-е гг. в Пензе выходят научно-популярные работы М. Р. Полесских «В недрах времен» [7] и В. И. Лебедева «Загадочный город Мохши» [1]. Михаил Романович Полесских (1908–1992), пензенский археолог и краевед, сам ни разу не проводил раскопок на Наровчатском городище, но в своих работах нередко упоминал о находках с этого памятника, в частности о находках железных изделий и отходов кузнечного ремесла [8, с. 95], о керамических материалах (в том числе о деталях водопроводных труб и кирпичей) [7, с. 95; 8, с. 95] и т.д. Исследователь внес определенный вклад и в изучение этнокультурного состава местного населения. Он отмечал полиэтничность населения края [7, с. 79] и процесс культурного взаимодействия между различными народами в золотоордынское время.

М. Р. Полесских предполагал, что Наровчатское городище появилось еще в домонгольское время, причем его основатели, носители культуры памятников с красно-коричневой гончарной посудой, «…были в какой-то мере родственны волжским болгарам, которые корнями своего происхождения уходили к сармато-аланским племенам» [7, с. 96]. Данное предположение дискуссионно. В целом, главная заслуга М. Р. Полесских с точки зрения исследования материальной культуры города Мохши состоит в популяризации его истории.

Виталий Иванович Лебедев (1932–1995) также внес существенный вклад в изучение истории Наровчатского городища. Его научно-популярная брошюра «Загадочный город Мохши» (1958) стала первой обобщающей работой о памятнике.

Ее автор считал Мохши крупным торгово-ремесленным центром. Местное население, по его мнению, владело деревообрабатывающим, кузнечным, кожевенным, ювелирным ремеслами, техникой обработки камня и т.д. [1, с. 43]. В. И. Лебедев отметил, что на Наровчатском городище нередко встречаются черепки глиняной посуды [1, с. 10, 24]. Красноглиняную керамику он датировал золотоордынским временем [1, с. 31] и определил основные типы орнаментации посуды [1, с. 31–32]. Исследователь уделил внимание архитектуре города Мохши [1, с. 22–23, 26–27], в том числе строительным материалам, использовавшимся при возведении золотоордынских зданий [1, с. 21–22]. В. И. Лебедев сделал также ряд замечаний по этнокультурной истории края. По его мнению, основную часть населения Мохши составляла мордва, но сказывалось и влияние Востока [1, с. 33, 42–43].

В конце 1960–1970-х гг. выходят статьи Анны Епифановны Алиховой (1902–1989), сотрудника Института археологии АН СССР, посвященные истории города Мохши. Все работы были основаны на результатах археологических работ, проводившихся в 1959–1963 гг.

Первая статья А. Е. Алиховой, в которой осуществлялась характеристика материалов с территории Наровчатского городища, «Гончарные горны города Мохши-Наручади (Наровчат Пензенской области)» вышла в свет в 1969 г. [9, с. 78–80]. В статье описывались гончарные горны, обнаруженные на территории Советской площади Наровчата. Находку двух горнов А. Е. Алихова характеризовала как целостный производственный комплекс [9, с. 78]. Горн № 1 сохранился сравнительно хорошо, он имел цилиндрическую форму, его диаметр составлял приблизительно 2 м. Горн имел две камеры [9, с. 78]. Горн № 2 сохранился значительно хуже, чем горн № 1. Фактически в распоряжение исследователей попала часть стенки высотой 195 см и жерло топки. А. Е. Алихова в своей статье стремилась максимально полно реконструировать форму этого производственного сооружения [9, с. 79]. Кроме того, она описала околотопочную яму [9, с. 80]. Исследовательница предполагала, что спуск в яму находился с северо-западной стороны, а также то, что над конструкцией некогда находилась легкая крыша или навес, опиравшийся на столб, находящийся в центре ямы, где сохранилась столбовая яма [9, с. 80].

В 1973 г. в журнале «Советская археология» была опубликована статья А. Е. Алиховой «Мавзолеи города Мохши-Наровчата». В статье описывались материалы, полученные во время раскопок в районе урочища Мизгить. А. А. Кротков считал, что здесь располагался жилой район. Об этом как будто бы говорила находка фундамента кирпичного здания размерами 13×7,2 м, раскопанного здесь в 1920-х гг. [10, с. 227]. В статье А. Е. Алиховой показывалось, что в районе Мизгити ранее находился золотоордынский могиль-

ник, а остатки кирпичных сооружений, найденных здесь, вероятнее всего, представляли собой не жилые здания, а мавзолеи [10, с. 227].

Большая часть статьи была посвящена описанию отдельных мавзолеев [10, с. 228–236]. В целом, А. Е. Алихова констатировала в статье «разнообразие архитектурных форм» [10, с. 237]. Она стремилась восстановить архитектурные и погребальные традиции местного населения. Конструкция склепа мавзолея № 1, по мнению исследовательницы, находила аналогии на территории Азербайджана: там также прослеживаются «…двухэтажность, крестообразная планировка склепа и близкая конструкция окон» [10, с. 230]. С другой стороны, некоторые черты свидетельствовали о влиянии населения Средней Азии, о чем говорил «наземный способ захоронения, противоречащий мусульманскому вероисповеданию» [10, с. 233]. Такая специфическая погребальная традиция, по мнению А. Е. Алиховой, представляла собой пережиток зороастризма, который мог быть принесен переселенцами из Средней Азии, поскольку «…этот способ захоронения распространен среди части узбеков Хорезма» [10, с. 233].

Последней работой А. Е. Алиховой по материалам города Мохши была статья «Постройки древнего города Мохши» (1976), также опубликованная в журнале «Советская археология». В статье характеризовались сооружения, выявленные на территории урочища Красный Ключ. А. Е. Алихова подробно описала планировку общественной бани [11, с. 167, 169–170]. Она имела значительные размеры (11×10,5 м) и подпольное отопление, печь примыкала к зданию с севера. Планировка мыльни была крестообразной, в центре мыльни располагался водоем (возможно, с фонтаном), в южной части мыльни находилось помещение, которое могло служить либо бассейном, либо емкостью для воды [11, с. 167, 169–170]. Сооружение по планировке и конструктивным особенностям было близко Красной палате города Булгара [11, с. 170].

Постройки № 1–3 и 5–8, по мнению А. Е. Алиховой, представляли собой частные бани. Планировка этих сооружений была стандартна. От них сохранялся фундамент, состоящий из стен и столбиков из сырцового, реже обожженного кирпича, предназначавшихся для поддержки пола. Кроме того, все сооружения были снабжены дымоходами и печами [11, с. 171]. А. Е. Алихова не останавливалась подробно на характеристике каждой частной бани, отмечая только особенности некоторых сооружений [11, с. 174–176]. Предположение А. Е. Алиховой о функциональном назначении сооружений этого типа прочно закрепилось в науке [12, 13]. Но сама А. Е. Алихова не была в нем уверена [11, с. 178–179].

Кроме того, в статье была описана чайхана: «Это довольно крупное здание, размером 7,8×6 м», с входом, располагавшимся с северной стороны [11, с. 178]. «Главной отличительной особенностью, позволяющей судить о назначении этой постройки, является расположенный в центре погреб. Он был выложен из кирпича, положенного плашмя. Дно погреба, расположенное на глубине 1,7 м, считая от пола постройки, было вымощено хорошо пригнанными кирпичами» [11, с. 178]. Кроме того, А. Е. Алихова упомянула о небольшой постройке размерами 2×2,9 м, располагавшейся неподалеку от общественной бани. Исследовательница была склонна рассматривать это сооружение как сторожку «для охраны общественной бани» [11, с. 178].

А. Е. Алихова считала, что Красный Ключ в золотоордынское время был жилым районом. Отсутствие находок жилых построек она объясняла тем, что «раскопки описанных бань, разбросанных на площади 2 га, не дают полной характеристики очерченного района, так как между постройками не исследованы большие площади» [11, с. 178]. Это положение выглядит сомнительным, так как сама же А. Е. Алихова отмечает, что в разведочных траншеях, прокладывавшихся между отдельными сооружениями, находки были малочисленны [14, с. 28–31].

Значение археологических работ А. Е. Алиховой весьма велико. Во многом именно на них основывается современное представление о материальной культуре Наровчатского городища и его окрестностей. Статьи А. Е. Алиховой внесли коррективы в научное представление о планировке города Мохши. Большое значение для дальнейшего изучения истории города Мохши имело «открытие» могильника на территории урочища Мизгить.

Начиная с 1990-х гг. исследованием истории материальной культуры города Мохши активно занимался Ю. А. Зеленеев. Под его руководством на территории Наровчатского городища в 1989–1993 гг. проводятся раскопки.

Ю. А. Зеленеев преимущественно интересовался вопросами этнокультурной истории города Мохши и улуса. В 2005 г. в статье «Региональные этнокультурные особенности золотоордынских городов Поволжья» исследователь отмечал этнокультурную многокомпонентность населения города Мохши. В частности, «при наличии традиций центрально-азиатского градостроительства следует отметить присутствие в материальной культуре этого города значительного культурного мордовского пласта» [15, с. 244].

В 2015 г. вышла статья А. Ю. Зеленеева и Ю. А. Зеленеева «Этнополитическая история мордвы в XIII–XV вв. (по археологическим данным)», где рассматривался вопрос о взаимоотношениях между туземной мордвой и золотоордынским пришлым населением и золотоордынской ханской администрацией. По мнению исследователей, последствия монголо-татарского завоевания в регионе были преодолены сравнительно быстро, о чем говорило отсутствие существенных изменений в ареале расселения мордвы по сравнению с домонгольским временем [16, с. 31]. В конце XIII и в первой половине XIV в. даже наблюдается расширение территории расселения мордвы, которое авторы связывали с развитием пашенного земледелия и поиском плодородных земель [16, с. 31–32]. В зоне традиционного расселения мордвы А. Ю. Зеленеев и Ю. А. Зеленеев отметили неравное положение, в котором находились мордва-мокша и мордва-эрзя. Так, мокша, проживавшая на территории с лесостепным ландшафтом, оказалась в более близком контакте с золотоордынской администрацией из-за переселения «некоторой части завоевателей» в места проживания этого народа [16, с. 32]. Что касается мордвы-эрзи, то, по мнению исследователей, власть ханской администрации в ее землях была слабее, а «…к концу XIV в. золотоордынские ханы контроль над эрзей почти потеряли» [16, с. 31].

Формирование золотоордынского административного устройства в землях мордвы исследователи связывали с рубежом XIII и XIV вв., когда в Верхнем Примокшанье появляется город Мохши, который представлял собой «…первое поселение городского типа» в землях мордвы [16, с. 32]. Исследователи считали, что большой процент населения города составляла мордва [16, с. 33]. Период политического господства Мохши над подвластным ему административным округом был, по их мнению, временем экономической стабильности и поступательного развития, который был прерван «великой замятней» [16, с. 34]. Многое в указанной статье дискуссионно, но сама попытка рассмотреть научную проблему с точки зрения взаимодействия золотоордынской администрации с туземным населением представляет интерес.

Кроме того, Ю. А. Зеленеев внес определенный вклад в исследование экономической истории региона в золотоордынский период. В 2011 г. появилась его статья «Городское и сельское население Примокшанья в XIII–XV вв.», где был затронут вопрос о функции Наровчатского городища как торгового центра золотоордынского времени. В частности, большое значение города Мохши Ю. А. Зеленеев связывал с тем, что он играл важную роль в торговле «…по Дону с Причерноморьем» [17, с. 144]. Это предположе-

ние спорно, но идея заслуживает внимания. Кроме того, Ю. А. Зеленеев подчеркивал роль города во внутренней торговле, отмечая, что «по распространению красноглиняной керамики в регионе можно говорить о том, что торговля города охватывала до 50 км округи» [17, с. 144].

В том же 2011 г. вышла в свет совместная статья Ю. А. Зеленеева и Е. Е. Филипповой под названием «Гончарный горн города Мохши (по результатам исследований 1989–1990 гг.)». В статье описываются материалы, полученные в ходе раскопок 1989–1990 гг. на территории Советской площади Наровчата [18, с. 45–51]. Обнаруженный в ходе раскопок гончарный горн, по мнению исследователей, относился к типу «сельских» и предназначался для производства неполивной керамики относительно невысокого качества, «…которая была ориентирована на рынок города и его ближайшей округи в радиусе 30–40 км» [18, с. 50]. Ю. А. Зеленеев и Е. Е. Филиппова констатировали сходство наровчатского горна с золотоордынскими аналогами из Крыма и Булгара [18, с. 51]. По мнению исследователей, тип горнов, аналогичных наровчатскому, использовался «индивидуальными мастерскими с узкой специализацией и небольшим объемом производства» по Г. А. Федорову-Давыдову [18, с. 51], что подтверждалось также тем, что подобные мастерские, как правило, концентрировались «…в одном квартале по ремесленному принципу» [18, с. 51], т.е. так же, как и на территории Советской площади Наровчата.

«Первооткрывателем» золотоордынского города Мохши следует считать А. А. Кроткова, работавшего над вопросами материальной культуры преимущественно в 1920-е гг. Результаты его научной деятельности в основном сводятся к следующему:

1) научная аргументация тождественности города Мохши, известного по нумизматическим данным, и Наровчатского городища XIV в.;

2) составление приблизительного плана города Мохши;

3) предположение о существовании домонгольского поселкового памятника на территории Наровчатского городища.

Роль М. Р. Полесских и В. И. Лебедева в первую очередь сводится к популяризации истории Наровчатского города и его окрестностей в золотоордынское время.

Работами А. Е. Алиховой был существенно скорректированы представления о планировке города Мохши, высказанные А. А. Кротковым. Исследовательница определила, что территория урочища Мизгить в золотоордынское время представляла собой крупный мусульманский могильник с мавзолеями, чем опровергла предположение А. А. Кроткова о том, что территория города Мохши превышала территорию современного Наровчата приблизительно в два раза. Кроме того, А. Е. Алихова ввела в научный оборот обширный материал по постройкам города Мохши в урочище Красный Ключ.

В 2010 г. Ю. А. Зеленеевым предпринимаются попытки использовать данные материальной культуры города Мохши для осуществления этнокультурных обобщений.

Наровчатское городище продолжает оставаться перспективным с точки зрения проведения археологических работ памятником. Кроме того, еще многие материалы с этого памятника еще предстоит ввести в научный оборот. Исследование истории золотоордынского города Мохши еще далеко не закончено.

Библиографический список

1. Лебедев, В. И. Загадочный город Мохши / В. И. Лебедев. – Пенза, 1958. – 48 с.

2. Терехин, В. М. Археологические раскопки и розыскания, произведенные в 1892 году в уездах Краснослободском и Наровчатском / В. М. Терехин // Сборник Пензенского Губернского статистического комитета / под ред. В. П. Попова. – Пенза : Типография губернского правления, 1893. – Вып. 1. – С. 1–6.

3. Кротков, А. А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения) / А. А. Кротков // Научный архив Пензенского государственного краеведческого музея. Ф. VI. № 132/14. – Наровчат, 1939. – 23 с.

4. Кротков, А. А. В поисках Мохши / А. А. Кротков // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. – Саратов, 1923. – Вып. 34. – С. 27–31.

5. Кротков, А. А. К вопросу о северных улусах Золотоордынского ханства / А. А. Кротков // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. – 1928. – № 5. – С. 71–79.

6. Кротков, А. А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения): К 145-летию со дня рождения / А. А. Кротков. – Пенза, 2011. – 74 с.

7. Полесских, М. Р. В недрах времен / М. Р. Полесских. – Пенза, 1956. – 103 с.

8. Полесских, М. Р. Археологические памятники Пензенской области / М. Р. Полесских. – Пенза, 1970. – 163 с.

9. Алихова, А. Е. Гончарные горны города Мохши-Наручадь (Наровчат Пензенской области) / А. Е. Алихова // Краткие сообщения Института археологии. – Москва : Наука, 1969. – Вып. 120. – С. 78-80

10. Алихова, А. Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата / А. Е. Алихова // Советская археология. – 1973. – № 2. – С. 226–236.

11. Алихова, А. Е. Постройки древнего города Мохши / А. Е. Алихова // Советская археология. – 1976. – № 4 – С. 166-178

12. Зиливинская, Э. Д. Еще раз о банях города Мохши / Э. Д. Зиливинская // Из истории области: Очерки краеведов. – Пенза, 1990. – Вып. II. – С. 129–138.

13. Зиливинская, Э. Д. Бани Золотой Орды / Э. Д. Зиливинская // Практика и теория археологических исследований. – Москва, 2001. – С. 174–225.

14. Алихова, А. Е. Отчет о раскопках в с. Наровчат Пензенской области / А. Е. Алихова // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 2570. – Москва, 1962. – 18 с.

15. Зеленеев, Ю. А. Региональные этнокультурные особенности золотоордынских городов Поволжья / Ю. А. Зеленеев // Регионология. – 2005. – № 5–6. – С. 241–245.

16. Зеленеев, А. Ю. Этнополитическая история мордвы в XIII–XV вв. (по археологическим данным) / А. Ю. Зеленеев, Ю. А. Зеленеев // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве республики Мордовия. – 2015. – № 2 (34). – С. 28–35.

17. Зеленеев, Ю. А. Городское и сельское население Примокшанья XIII–XV вв. / Ю. А. Зеленеев // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 144.

18. Зеленеев, Ю. А. Гончарный горн города Мохши (по результатам исследований 1989–1990 гг.) / Ю. А. Зеленев, Е. Е. Филиппова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 44–52.

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры анатомии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: ikonnikof-ds@mail.ru

Карев Игорь Николаевич, генеральный директор, ООО «Научно-производственный центр “Цера”».
E-mail: npc-cera@mail.ru

Баишева Мария Ивановна, методист информационно-методического центра, Отдел образования Администрации Спасского района Пензенской области.
E-mail: poisonous11@gmail.com

Образец цитирования:
Иконников, Д. С. Наровчатское городище XIV века: историографический обзор / Д. С. Иконников, И. Н. Карев, М. И. Баишева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 12–19.

ЭКОНОМИКА, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО

УДК 340.12, 342.7

Е. А. Капитонова

ГЕНЕЗИС ПОНИМАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ПУТЕЙ ВОСТОКА И РОССИИ

Аннотация. На основе анализа широкого спектра политико-правовых воззрений философов и правоведов автор выделяет фазисы понимания соотношения свободы личности и необходимого поведения в обществе, характерные для Востока и России. Сформулированы и обоснованы основные черты, определяющие содержание каждого из этих этапов. Проведено сравнение с западным путем развития этого вопроса и сделан вывод о том, что Россия занимает промежуточное положение между Западом и Востоком.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод, обязанности, ответственность, правовой статус личности, история политико-правовых учений.

Генезис понимания соотношения свободы и необходимости, допустимого и должного, дифференциации и уравнительности в истории политико-правовой мысли западного мира, при всем многообразии высказывавшихся различными авторами суждений, можно свести к шести основным этапам, которые предлагается называть фазисами (от греческого слова «phasis», обозначающего отдельную стадию в развитии какого-либо явления либо процесса). Каждый из выделенных фазисов характеризуется собственными признаками.

Фазис метазапретов охватывает догосударственный период развития человеческого общества, когда права в его современном понимании еще не существовало, а поведение людей регулировалось посредством табу. Характерными чертами этого этапа являются понимание неписаного запрета как ограничения поведения, использование страха наказания в качестве средства обеспечения понимания ответственности и применение коллективной ответственности как средства уравнительности.

Фазис добровольных ограничений относится ко временам античных западных государств (Древней Греции и Древнего Рима). Кардинальная смена парадигмы понимания оснований и сущности ограничения поведения человека в обществе характеризуется следующими признаками: использование в качестве основания ограничений идеи взаимодействия во имя общего блага, вера в возможность законопослушности людей по доброй воле, а также в заложенную в природе людей основу правомерного поведения, признание различий в статусе людей в силу непохожести от рождения и принадлежности к различным слоям общества.

Фазис высшей ответственности охватывает период Средневековья – с момента падения Римской империи и до эпохи европейских буржуазных революций, знаменовавших собой наступление Нового времени. Характерными чертами этого этапа являются: восприятие религиозных догм как источника обязанностей и ответственности, поло-

© Капитонова Е. А., 2019.

жительная оценка принуждения в качестве главного способа воздействия на поведение человека в обществе и признание разницы в правовом статусе людей не только в зависимости от принадлежности к определенной социальной страте, но и, к примеру, по возрасту.

Фазис добровольно-принудительных ограничений относится ко времени буржуазных революций и последовавшей за ними эпохи становления цивилизаций нового формата. Основными тезисами на этом этапе являются следующие: объяснение необходимости ограничений самой человеческой природой (а точнее – ее негативными чертами), признание правовых запретов частью соглашения между людьми в рамках образования государства, понимание ограничений как проявления свободы воли личности и сочетание идей всеобщего равенства с природным неравенством.

Фазис обязанностей как основания ответственности начинается примерно со второй половины XVIII в. с идей И. Канта о категорическом императиве. Базовыми чертами этого этапа можно назвать следующие: отношение к обязанностям как к средству обеспечения равенства, оценка основанного на законе принуждения как не только допустимого, но и справедливого, понимание ответственности как главного условия исполнения обязанностей.

Имеющий место на настоящем этапе развития общества **фазис примата прав** сводится в большей степени к акцентированию значимости прав личности и их защиты, чем к анализу места обязанностей и ответственности в структуре правового статуса личности. Подобный подход следует признать оправданным в условиях непростой социальной ситуации первой половины XX в., однако в настоящее время он не может быть признан единственно возможным.

Что касается восточного пути генезиса понимания соотношения свободы личности и необходимого поведения в обществе, то его анализ приводит к тем же выводам, но выявляет меньшее количество этапов. С некоторой долей условности их можно выделить всего два – фазис высшей ответственности, по содержанию напоминающий третий фазис западного пути, и современный фазис примата прав, который развился по большей части благодаря принятию соответствующих международно-правовых актов и необходимости согласовывать их положения с подходами национального законодательства. В то же время переход к современному фазису понимания соотношения свободы личности и необходимого поведения в обществе случился в восточных странах не везде, и во многих государствах в социальных (и даже государственных) убеждениях по-прежнему доминируют идеи фазиса высшей ответственности.

Среди признаков, схожих с западной версией этого фазиса, можно выделить следующие:

1. *Религиозные догмы как источник обязанностей и ответственности.*

На протяжении многих веков на Востоке религиозно-нравственные идеи преобладали над позитивным правом или, как минимум, дополняли их. Трактаты Древнего Китая, основанные на политической мифологии наставления Древнего Египта, воззрения мыслителей Арабского Востока, поначалу сочетавшие догматы Корана с идеями греческих философов, но впоследствии сводившиеся лишь к анализу догм, – все это заложило прочную основу для оценки поведения в первую очередь с точки зрения греховного, морально неправильного, а не противозаконного. Как верно отметил Б. Ф. Чалаби, главное предназначение законов на древнем Ближнем Востоке было идеологическим, что сочетало в себе воспитательную, ориентационную, интегрирующую и мотивирующую функции [1, с. 12].

С течением времени взаимосвязь законов и религиозных норм ослабла, но не искоренилась полностью. Р. Давид утверждает, что даже современное право в мусульманских странах имеет не столько рациональную, сколько религиозную природу («Мусульманское право, вплоть до мельчайших деталей, – неотъемлемая часть религии ислама» [2, с. 390]), а граждане Японии долгие годы считают писаное кодифицированное право

«искусственно импортированным», отличаются антиюридической направленностью мышления и предпочитают решать многие вопросы частного права примирительными процедурами [2, с. 458–462].

2. *Принуждение как главный способ воздействия на человека.*

За исключением древнекитайского философа Конфуция, чьи воззрения были ближе к идеям представителей античного фазиса добровольных ограничений, остальные восточные мыслители считали, что стремление к гармонии и справедливости как главную ценность общества допустимо достигать посредством принуждения. Государство и право оценивались ими с позиций господства (но не произвола), а наказание – как необходимая насильственная мера подчинения, призванная гарантировать надлежащее поведение каждого в социуме: «Весь мир подчиняется только посредством Наказания, ибо трудно найти человека чистого, ведь только из страха Наказания весь мир служит пользе» [3, с. 128]. При этом последователи ислама считают боязнь Аллаха и возмездие главным средством не только регулирования поведения человека, но и обеспечения необходимого равенства.

3. *Разница в правовом статусе людей.*

Строгое разделение людей на неравные классы прослеживалось со времен древнейших источников права Востока (например, выделение варн в Законах Ману) и в определенном смысле поддерживалось тамошними философами. Человеку в традиционном восточном обществе до сих пор не полагается настаивать на своих правах, поскольку долг каждого заключается в первую очередь в стремлении к общей гармонии, а ради интересов общества в целом должно забыть о собственных целях.

Главным отличием от западного пути можно назвать более тесную связь понимания обязанностей и ответственности с системой религиозных и мифологических воззрений, что обусловливалось, в том числе, их преобладанием над нормами права на протяжении многих веков (либо параллельным существованием в обществе двух систем регулирования поведения – правовой и религиозной, что имело место, к примеру, в Индии, даже в эпоху колонизации ее Великобританией сочетавшей индийское национальное и индусское религиозное право, регулировавшее отношения по частным спорам, затрагивающим интересы мусульман или индусов [2, с. 424–425]).

В целом, восточный путь хотя и отличается определенным своеобразием, но подтверждает сделанные выводы о повсеместном признании на протяжении всей истории человечества допустимости и необходимости ограничения поведения личности в обществе, основанного на нормах права (пусть даже религиозного) и подкрепленного силой государственного принуждения (страхом божественной кары).

Генезис российского понимания соотношения свободы личности и необходимого поведения в обществе в период после появления на территории нашей страны государства, по нашему мнению, можно свести к четырем фазисам – с третьего по шестой в контексте западного пути развития этого вопроса.

1. Фазис высшей ответственности.

С момента принятия на Руси христианства в 988 г. правитель государства преподносился подданным как человек, высшая легитимность деяний которого определялась его богоизбранностью. Особенно ярко это стало проявляться после формирования концепции «Москва – третий Рим», призванной оправдать начатое в XVI в. объединение русских земель под началом Московского княжества. В итоге фазис высшей ответственности продержался в России максимально долго, вплоть до XIX в. Следует отметить, что представители политико-правовой мысли этого периода основное внимание уделяли не столько праву, сколько науке управления государством и оценке действий правителя в контексте необходимых политических и социальных преобразований. Именно этой проблематике посвящены все главные источники – от переписки князя Курбского с Иваном

Грозным в XVI в. и «Временника» Ивана Тимофеева XVII в. до более поздних трактатов Юрия Крижанича, Феофана Прокоповича, Ивана Посошкова, Василия Татищева и других. В то же время анализ данных сочинений дает возможность предположить, что там можно найти подтверждение всем главным признакам рассматриваемого фазиса: восприятие религиозных догм как источника обязанностей и ответственности, понимание принуждения как главного способа воздействия на человека и констатация разницы в правовом статусе людей. Более того, основные идеи этого фазиса сохранились в работах отдельных представителей религиозно-нравственной философии и много позже, и их можно встретить, к примеру, в трудах В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина.

2. Фазис добровольно-принудительных ограничений.

Увлечение Запада идеями естественного права и теорией договорного происхождения государства, как и принятие за рубежом первых конституций, не прошло в России незамеченным – в стране появились сторонники подобного подхода к пониманию многих политико-правовых явлений. Главными его представителями в классическом понимании вопроса можно назвать П. И. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, В. М. Гессена, Б. А. Кистяковского, С. А. Котляревского и других. Большинство из них объясняло необходимость ограничений прав и свобод личности человеческой природой, отстаивало значение юридических запретов как части добровольного соглашения между людьми, видело в ограничениях проявление свободы воли и сочетало идеи всеобщего равенства с природным неравенством. Так, Б. А. Кистяковский писал о естественности законно установленных ограничений при осуществлении свобод личности во всяком правовом государстве, что объясняется неизбежностью столкновения интересов лиц при реализации разнообразных желаний и потребностей и необходимостью избежать негативных последствий этого [4, с. 128]. С. А. Котляревский указывал на особое значение ограничений прав и свобод «в минуты внешней и внутренней опасности», когда «даже отречение общества от обеспечивающих его права гарантий может сознаваться как неизбежное самоограничение» [5, с. 426].

3. Фазис обязанностей как основания ответственности.

Появившиеся в России на рубеже XIX–XX вв. представители позитивистского направления в праве (Г. Ф. Шершеневич, М. М. Ковалевский), как и сторонники социологической (С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов) и психологической школ права (Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер), отошли от идей естественного права и изменили понимание оснований обязанностей и ответственности.

В их представлении обязанности выступали средством обеспечения равенства людей, а основанное на законе принуждение было не только допустимо, но и справедливо (Н. И. Палиенко объяснял это тем, что правовые нормы являются принудительными «по самому смыслу своему», поскольку признаются мерилом взаимоотношения членов общества, с которым они «должны сообразовываться, независимо от своего личного отношения к этим нормам» [6, с. 256]). Ответственность в таком контексте мыслилась как главное условие исполнения обязанностей. По мнению Г. Ф. Шершеневича, правовые нормы «не предлагают только, не убеждают, не советуют, не просят, не учат поступать таким именно образом, но повелевают, требуют» [7, с. 114], что составляет смысл силы государственного принуждения, которое не может пониматься в смысле физического насилия, но вполне способно «соединяться с угрозой страданием, как последствием» [7, с. 135], т.е. с определенным законом наказанием.

4. Фазис примата прав.

Наступление данного периода можно считать состоявшимся только после отказа страны от советского политического строя, с принятием в России Конституции 1993 г. Именно с этого момента отечественная правовая наука отступает от теории юридического позитивизма, в полной мере обращается к общепризнанным, закрепленным на международно-правовом уровне правам и свободам и выдвигает их на первый план, отчасти

заслонив этим интересом факт существования обязанностей и ответственности личности, что подтверждается тематикой монографических и диссертационных исследований, уделяющих гораздо больше внимания изучению конституционных прав и их ограничений, чем конституционным обязанностям.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать вывод, что понимание соотношения свободы личности и ограничений ее поведения в обществе в истории российской политико-правовой мысли можно охарактеризовать как занимающее промежуточное положение между западным путем, включающим шесть фазисов, и восточным, ограниченным лишь двумя из них. Это во многом объясняется особенностями зарождения и развития самой российской государственности, которая, с одной стороны, не имела древней истории, подобной античным Греции и Риму, но всегда поглядывала (хотя и с разным настроем) в сторону Запада, а с другой – довольно быстро и уверенно сразу после эпохи Киевской Руси переняла в силу двухвекового монголо-татарского владычества многие азиатские черты не только непосредственно государственного устройства, но и отношения ко всему происходящему в политико-правовой сфере.

Библиографический список

1. Чалаби, Б. Ф. Справедливость и законы в мифопоэтической мысли и философских воззрениях народов Древнего мира (Египет, Вавилония, Греция) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чалаби Б. Ф. – Москва, 2014. – 26 с.

2. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид. – Москва : Прогресс, 1988. – 496 с.

3. Законы Ману / пер. С. Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. – Москва : Изд-во восточной лит-ры, 1960. – 362 с.

4. Кистяковский, Б. А. Государство правовое и социалистическое / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 141–159.

5. Котляревский, С. А. Правовое государство и внешняя политика / С. А. Котляревский. – Москва : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1909. – 428 с.

6. Палиенко, Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства / Н. И. Палиенко. – Харьков : Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908. – 351 с.

7. Шершеневич, Г. Ф. Определение понятия о праве / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Типо-Литография Императорского Казанского Университета, 1896. – 83 с.

Капитонова Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права, Пензенский государственный университет.
E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Образец цитирования:
Капитонова, Е. А. Генезис понимания ограничений прав и свобод личности: анализ путей Востока и России // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 20–24.

УДК 343

Г. В. Синцов, А. В. Первушкин

ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРИЧИНЫ ЗАРОЖДЕНИЯ

Аннотация. Проведен анализ научной литературы по теме исследования. Актуальность обращения к истории экстремизма обусловлена реалиями современной России и появлением новых и возрождении забытых экстремистских идей. Любое государство, столкнувшееся с проблемой экстремизма, всегда будет заинтересовано в эффективной борьбе с этим явлением. При анализе экстремизма и его проявления – терроризма можно прийти к выводу, что в обществе в зависимости от существующего строя или общественного мнения применяются двойные стандарты. Оценивая истоки зарождения экстремизма, особенно среди молодежи, следует отметить, что большее внимание в его предотвращении следует уделять учебно-воспитательному процессу, чем пренебрегали власти в Российской империи.

Ключевые слова: экстремизм, Российская империя, терроризм, история экстремизма.

Актуальность обращения к истории экстремизма обусловлена реалиями современной России и появлением новых и возрождением забытых экстремистских идей. Любая страна, осознав проблему экстремизма, всегда будет стараться эффективно бороться с этим явлением.

Первые десятилетия после реформы 1861 г. занимают важное место в истории России. Этот период характеризуется колоссальными изменениями в социально-политической сфере страны. Подобного рода масштабные реформы приводили и к вооруженным волнениям населения. Однако первые выступления мы не можем относить к проявлению экстремизма, так как они не носили политической окраски и мало чем отличались по составу и методам от предыдущих восстаний.

Впервые термин «экстремизм» появляется в работах ученых и просветителей в середине XIX в. и понимается как проявление воли крайних политический сил. В 1870-х гг. французские журналисты зачастую взаимозаменяемо использовали термины «экстремизм» и «радикализм». Необходимо отметить, что до 1950-х гг. термин «экстремизм» в научной литературе не получил такого широкого распространения, как понятие «радикализм». Ситуация стала меняться сразу после выхода в свет ряда исследований американских политологов, основными идеями которых было представление «экстремизма» как отрицания демократии и ее либеральных свобод и как этап перехода к крайней форме радикализма, ведущей, в свою очередь, общество к «тоталитаризму». Подобного рода формулировка позволила ряду европейских стран (Франция, Германия, Италия и др.) обосновать необходимость репрессий против своей политической оппозиции.

Стоит отметить, что в СССР до второй половины 1950-х гг. понятие «экстремизм» редко применялось в средствах массовой информации и научных исследованиях. Это было вызвано позитивными представлениями партийного руководства страны и всего советского общества о революционном и радикальном левом направлении. С другой стороны, все правые радикальные течения, которые были образованы с конца 1920-х гг., обозначались понятием «фашизм». Характеризуя «экстремизм», необходимо отметить, что он постепенно входил в научный оборот и рассматривался как сугубо негативный. Такое положение вещей объяснялось тем, что партийное руководство Советского Союза отрицательно относилось к зарубежным левым террористическим организациям, например

© Синцов Г. В., Первушкин А. В., 2019.

«Красным бригадам» (Италия) и т.д. Негатив советского руководства распространялся и на наиболее радикальные правые военизированные организации и политические течения, появляющиеся в отдельных развивающихся странах. Поэтому публицистические издания в Советском Союзе вплоть до 1991 г. связывал термин «экстремизм» с вооруженным насилием террористического характера. Однако с распадом СССР в официальных документах стали появляться альтернативные трактовки понятия «экстремизм». В новой политической обстановке руководство страны стало считать экстремизмом уже не только вооруженное насилие, но и стачки и радикальную националистическую пропаганду.

Таким образом, историческое формирование термина «экстремизм» вначале носило сугубо политическую окраску, однако окончательное определение сложилось лишь к концу XX в. На сегодняшний день данный термин включает любые крайние проявления политических, социальных и религиозных взглядов [1].

Исходя из современного понимания экстремизма, первый признак данного явления следует относить к 1862 г., когда П. Г. Заичневским в Москве была опубликована прокламация с призывом свергнуть существующий в стране социально-политический строй. Автор прокламации, впоследствии получившей название «Молодая России», растиражировал текст и вместе с соратниками распространял их на улицах города [2, с. 449].

Важным фактором в становлении экстремистской идеологии в России явилась крестьянская реформа 1861 г., которая была половинчатой и полностью не решала сложившийся социальный кризис [3]. Поэтому в 1860-х гг. происходит усиленная радикализация интеллигенции и российского студенчества, несогласных с этой реформой. Одновременно с обострением крестьянского вопроса началось студенческое движение.

Российская база экстремизма зарождалась на зарубежном опыте. П. Г. Заичневский брал за основу историю французской революции, считая, что придется пролить больше крови, чем было пролито в 1790-х гг. [3, с. 30].

В появившейся прокламации впервые в истории России убийство признавалось необходимым средством для достижения социально-политических целей. Основной целью являлся император и его семья, что также было впервые. Идея убийство императора во многом определит характер террористической деятельности революционеров 1860–1870-х гг.

Подобного рода призыв, изложенный в прокламации, был с энтузиазмом воспринят радикальной молодежью, которая считала, что это единственный короткий путь для свержения монархии в России и установления гражданских свобод.

Однако деятельность П. Г. Заичневского дальше слов не пошла: кроме небольшой группы студентов, его призыв не был воспринят. В итоге П. Г. Заичневский был признан виновным в произнесении речей, направленных против верховной власти. Его осудили на пожизненную ссылку сначала в Сибирь (Иркутская губерния), а затем разрешили переехать в Пензенскую губернию. С 1872 г. по прошению отца ему было разрешено переехать и проживать в Орле. Впоследствии П. Г. Заичневский многократно высылался полицией в различные районы страны, в конечном итоге он был отправлен на каторгу.

Немногочисленные последователи идей П. Г. Заичневского до образования организации «Народная воля» не смогли себя проявить. Ситуация изменилась, когда 4 апреля 1866 г. Д. В. Каракозов совершил покушение на императора, в результате чего произошел разгром организации ишутинцев и усилились правительственные репрессии. Именно с этого момента в стране появляется политический экстремизм [4].

На этом этапе знаковой фигурой становится С. Г. Нечаев. Он создал тайное общество «Народная расправа». Отличие данной организации от других радикальных групп,

в том числе и «кружка Ишутина», заключалось в том, что он первый разработал идею строгой конспирации. Его общество было построено согласно иерархической системе, где рядовые члены группы не имели контакта с организаторами и руководителями «Народной расправы». В перспективе «Народная расправа» должна была стать разветвленной революционной сетью [2, с. 138].

Идеологическим обоснованием своей организации стал написанный С. Г. Нечаевым «Катехизис революционера». Это был устав общества, который полностью регламентировал всю жизнедеятельность члена группы. Согласно его представлениям, человек, посвятивший себя революции, должен отказаться от всех своих корыстных интересов, личных чувств и связей, даже от собственного имени. Все должно было посвящено исключительно интересам одной идеи – революции. Цель революционера, считал С. Г. Нечаев, разрушение существующего строя [5].

Список дел и врагов определяла коллегиально сама организация. Первоначально следовало уничтожить тех людей, которые представляли опасность для революционной организации, и тех, чья насильственная смерть произведет наибольшее впечатление на правительство. Для «Народной расправы» и С. Г. Нечаева цареубийство не являлось ближайшей задачей. Однако, несмотря на всю свою конспирацию, организация была раскрыта, и к следствию по делу было привлечено 152 человека.

Процесс по данному делу широко освещался официальной прессой, но в силу претенциозности изложения материала судебного дела в обществе, и прежде всего среди молодежи, подсудимые вызвали больше сочувствие, чем опасение. А радикально настроенные круги стали искать другие методы и формы организации для достижения целей, озвученных П. Г. Заичневским и С. Г. Нечаевым. Поэтому экстремизм в 1870–1880 гг. получил новую форму развития в виде создания организации «Земля и воля», а впоследствии и «Народная воля». Уже в начале XX в. идейным преемником их экстремистских традиций становится партия социалистов-революционеров (эсеров) [6].

Необходимо отметить, что экстремизм в России зародился во второй половине XIX в. и на сегодняшний день имеет давние исторические корни. Ярким проявлением экстремизма является терроризм. В Российской империи относительно быстро осознали вновь возникшую угрозу обществу, о чем нам говорит оперативное изменение законодательства. Уличенные в терроризме злоумышленники должны были привлекаться к уголовной ответственности, о чем нам говорит уголовно-процессуальное законодательство того периода. Юридическими источниками по данному виду преступления являлись: «Устав уголовного производства» 1864 г.; «Военно-судебный устав» 1867 г.; «Военно-морской судебный устав» 1867 г.; «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» 1871 г. Наличие обширной правовой базы, которая предусматривала всевозможные трактовки и наказания за деяния, которые попадали под понятие «терроризм», приводило к тому, что к судебные слушания могли происходить в судах разных инстанций. Обвиняемые в «терроре» могли быть привлечены к ответственности инстанциями: судебными палатами; судебными палатами в усиленном составе с участием сословных представителей; особым присутствием Правительствующего сената (с 1872 г.) с участием сословных представителей; военно-окружными или военно-морскими судами.

Законодатель предусматривал и особый режим рассмотрения уголовных дел. К особому режиму могли быть отнесены уголовные дела, в составе преступления которых содержался бы призыв к свержению существующего строя, общественного порядка и традиций. В подобном случае специально создавался Верховный уголовный суд. За период с начала реформы 1864 г. и до 1906 г., когда дела по особо важным политическим преступлениям были изъяты из юрисдикции, Верховный уголовный суд учреждался дважды. Впервые это произошло 28 июня 1866 г., когда рассматривалось дело о покуше-

нии Дмитрия Владимировича Каракозова на императора Александра II. И последний раз Верховный уголовный суд учреждался 11 апреля 1879 г. с целью рассмотрения дела о покушении Александра Константиновича Соловьева на императора Александра II.

Говоря о стадиях уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что принятые «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» 1871 г., дали жандармам право проводить дознание по всем преступлениям, которые можно было бы отнести к «террору». Другими словами, жандармы получали права судебных следователей и становились участниками судебного процесса. Такое нововведение ускоряло процедуру расследования политических преступлений террористической направленности, объединяя розыск, дознание и предварительное следствие.

Однако контроль по проведению дознания по политическим делам, к которым, согласно пониманию того времени, относился и терроризм, оставался за III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В 1880 г. данная структура была упразднена, и все политические дела были переданы Департаменту государственной полиции. Однако правительство понимало особую опасность террористических политических преступлений, поэтому полномочия общего надзора и дознания были также оставлены за прокурором, который обязан был продолжать осуществлять контроль.

«Временные правила об особых мерах к ограждению общественного спокойствия», утвержденные в 1878 г., смогли ограничить прокурорский надзор. Данный нормативно-правовой акт наделял жандармов не только правом на ареста всех подозреваемых в совершении государственных преступлений, но и не спрашивать на это разрешение прокурора, а только уведомлять его о произведенном аресте. Но такие правила существовали лишь до 1881 г.

Наш анализ уголовно-процессуального законодательства второй половины XIX в. говорит о том, что в большинстве случаев дознание жандармским корпусом проводилось без соблюдения тех формальных и ограничительных рамок, которые являются на сегодняшний день самоочевидными при проведении предварительного следствия. Но правительство наделило жандармский корпус большими правами, чем обладали судебные следователи. Таким образом, правительство Российской империи стремилось бороться со злоупотреблениями со стороны дознавательных органов. Это было сделано для того, чтобы при расследовании политических дел, касающихся терроризма, осуществлялся двойной контроль, во-первых, со стороны Министерства юстиции, которое должно было осуществлять общий контроль за проведением предварительного следствия, а во-вторых, со стороны Министерства внутренних дел, которое осуществляло контроль через Департамент государственной полиции.

Правительство считало, что именно двойной контроль положительно повлияет на качественный уровень проводимых расследований, что приведет к большему количеству раскрытых дел и к максимально полному и всестороннему исследованию доказательной базы. В итоге и судебный следователь, и жандарм производили одни и те же следственные действия, дополняя пробелы и недостатки друг друга.

При анализе экстремизма и проявлении терроризма можно прийти к выводу, что в обществе в зависимости от существующего строя или общественного мнения применяются двойные стандарты. Так, например, в советский период деятельность всех подпольных экстремистских и явно террористических групп понималась как положительное явление, направленное на излечение больного общества. Оценивая истоки зарождения экстремизма, особенно среди молодежи, следует отметить, что большую роль в его предотвращении следует уделять учебно-воспитательному процессу, чем пренебрегали власти Российской империи, уделяя основное внимание карательным мерам.

Библиографический список

1. Грачев, А. С. Политический экстремизм / А. С. Грачев. – Москва : Мысль, 1986. – 276 с.

2. Кропоткин, П. А. Записки революционера / П. А. Кропоткин. – Москва : Мысль, 1966. – 504 с.

3. Будницкий, О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века) / О. В. Будницкий. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2000. – 399 с.

4. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. – Москва : Археографический центр, 1997. – 576 с.

5. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 1.

6. Прайсман, Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л. Г. Прайсман. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 368 с.

Синцов Глеб Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного и публичного права, Пензенский государственный университет.
E-mail: g_sintsov@mail.ru

Первушкин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра частного и публичного права, Пензенский государственный университет.
E-mail: avpervushkin@mail.ru

Образец цитирования:
Синцов, Г. В. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения / Г. В. Синцов, А. В. Первушкин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 25–29.

УДК 342.7

И. В. Зернов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА СПАССКА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Дается историко-правовой анализ развития института почетных граждан в правовой системе России. Исследовано развитие института почетного гражданства в г. Спасске (Беднодемьяновске) Пензенской области. Проанализирован юридический процесс присвоения и награждения званием «Почетный гражданин города Спасска». Представлены научные комментарии по правовому положению почетных граждан г. Спасска Пензенской области.

Ключевые слова: почетное гражданство, звание, правовой статус, награда, поощрение, Пензенская область, г. Спасск.

Институт почетных граждан впервые появился в правовой системе Российской империи в 1785 г. и нашел отражение в Жалованной грамоте городам Екатерины II. Ими могли стать люди, которые имели большой капитал (не менее 50 тыс. руб.), которые наделялись рядом преимуществ перед другими разрядами городского населения: освобождение от повинностей и телесных наказаний, налоговые льготы (освобождение от подушной подати), получение права на собственность земельных участков в целях ведения огородничества и садоводства, наделение избирательным правом (возможностью участия в выборах органов местного самоуправления и правом на выдвижение своей кандидатуры для участия в выборах).

Претенденты на данное звание обращались в городскую думу по месту жительства с ходатайством. После одобрения ходатайства думой документы направлялись в департамент геральдии Сената (в г. Санкт-Петербург), который выдавал документ установленного образца. Для потомственных почетных граждан была предусмотрена грамота, а для личных почетных граждан – свидетельство [1].

В Советском Союзе институт почетного гражданства был возрожден в 1961 г. (в г. Калуге), что было связано с успехами в освоении космоса. Первыми почетными гражданами г. Калуги (по факту первыми почетными гражданами в СССР) стали: основоположник теории космонавтики К. Э. Циолковский и летчики-космонавты (Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, В. В. Терешкова и др.). В 1962 г. данное звание было учреждено в Смоленске, в 1964 г. – в Вологде, Калининграде, Пензе, Симферополе и других городах. Постепенно присвоение звания почетного гражданина города, области, поселка, района получило всесоюзное распространение [2].

Звание «Почетный гражданин города Беднодемьяновска» было учреждено в 1988 г. решением городского исполкома. Оно присваивалось гражданам СССР за особые заслуги перед г. Беднодемьяновском и его населением в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах деятельности, позволившим существенным образом улучшить условия жизни населения города; за заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров, в воспитании подрастающего поколения, поддержании законности и правопорядка, за мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного и гражданского долга [3, с. 232].

Впервые почетными гражданами г. Беднодемьяновска стали: заслуженный учитель школы РСФСР В. А. Шпагин, Герой Социалистического Труда П. П. Агапова и ветеран ВОВ, директор профтехучилища № 9 И. В. Ползунов (1988).

© Зернов И. В., 2019.

В связи с переименованием в 2005 г. г. Беднодемьяновска в г. Спасск [4] изменилось и наименование почетного звания следующим образом: «Почетный гражданин города Спасска».

После этого в разное время почетного звания были удостоены: Председатель Законодательного Собрания Пензенской области (ныне ректор ПГУ) А. Д. Гуляков; заслуженный учитель Пензенской области, директор Спасского колледжа профессиональных технологий и бизнеса В. И. Никирин; заслуженный врач РФ А. А. Дружинина, индивидуальные предприниматели В. А. Названов и А. М. Свищев, Герой Советского Союза А. Ф. Левин; художник-график, известный теоретик и практик в области русской народной графики В. П. Пензин [5].

Согласно ст. 1 Положения о звании, звание «Почетный гражданин города Спасска» (далее по тексту – Положение) «присваивается гражданам Российской Федерации, внесшим большой вклад в развитие города Спасска: в экономическую, социальную, культурную и иные сферы деятельности, позволивший существенным образом улучшить условия жизни жителей города Спасска» [6].

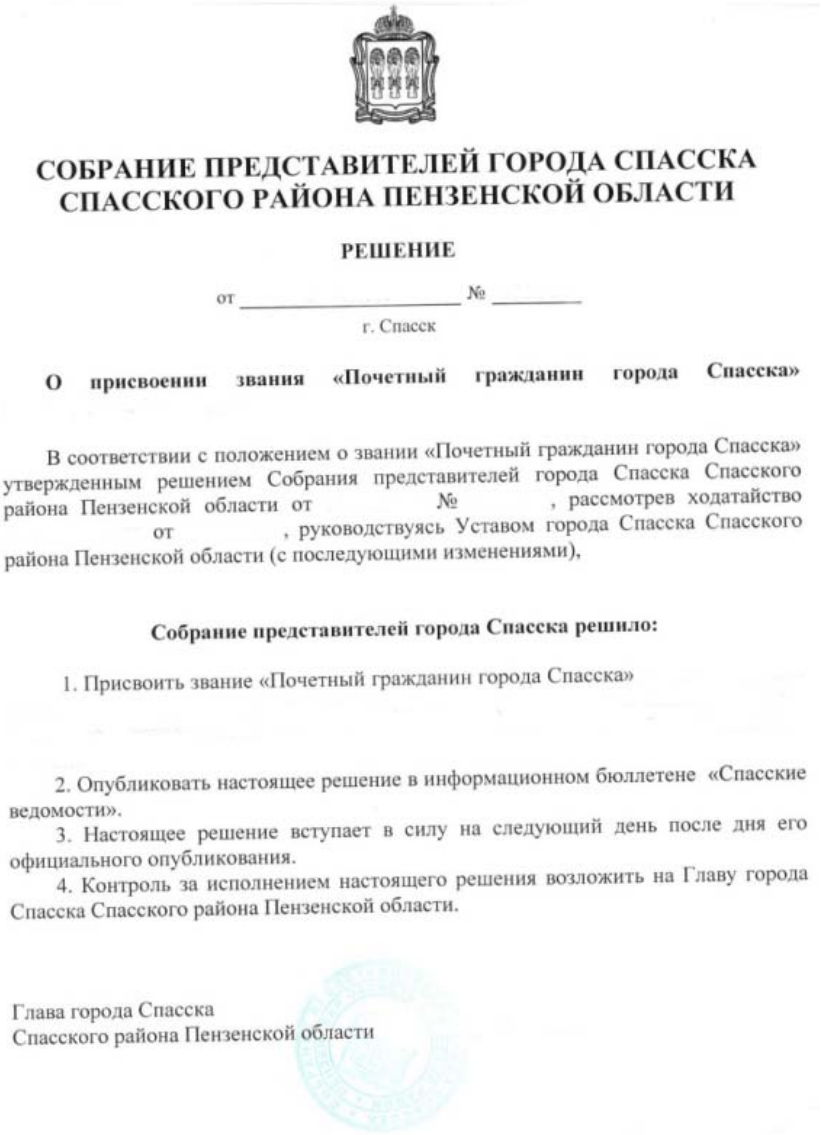
В связи с тем, что звание почетного гражданина является высшей наградой города Спасска как муниципального образования, его присвоение представляет собой целый юридический процесс, который состоит из нескольких стадий [7]. Рассмотрим их подробнее.

Первая стадия – внесение документально оформленной инициативы о присвоении звания, которая исходит от специальных субъектов [8]. Согласно ст. 2 Положения правом обращения в Собрание представителей г. Спасска с инициативой о присвоении звания обладают государственные органы, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации. К государственным органам можно отнести Правительство Пензенской области, Законодательное Собрание Пензенской области, Спасский районный суд Пензенской области, отделение МВД России по Спасскому району, военный комиссариат Наровчатского и Спасского районов. К органам местного самоуправления следует отнести Администрацию Спасского района, Собрание представителей Спасского района, Администрацию г. Спасска, Собрание представителей г. Спасска. К категории «предприятия, учреждения, организации» относятся: Спасский колледж профессиональных технологий и бизнеса, межпоселенческий центральный районный дом культуры, библиотечно-культурный центр Спасского района, средняя школа № 1 г. Спасска, Совет ветеранов войны и труда Спасского района.

Вторая стадия – рассмотрение документально оформленных инициатив (ходатайств) и принятие решения о присвоении звания. Данная стадия проходит на заседании (сессии) Собрания представителей города Спасска [9, 10]. Согласно положениям ч. 8. ст. 21 Устава г. Спасска «сессия правомочна принимать решения, если на ней присутствует не менее 50 % от числа депутатов (не менее шести из одиннадцати депутатов) Собрания представителей» [11]. То есть решение о присвоении звания принимается на заседании Собрания представителей депутатами по итогам рассмотрения ходатайств в форме открытого голосования, большинством голосов от установленного числа депутатов. Имена почетных граждан города Спасска в хронологическом порядке заносятся в Книгу почета города Спасска, которая постоянно хранится в Администрации города Спасска.

Третья стадия – вручение регалий звания «Почетный гражданин города Спасска». Лицам, удостоенным данного звания, в торжественной обстановке главой города Спасска вручается копия решения о присвоении звания (рис. 1) с указанием юридической формулировки награждения, удостоверение Почетного гражданина (рис. 2) и символическая лента Почетного гражданина (рис. 3).

Вниманию читателей представлен рис. 4, на котором изображены обладатели звания «Почетный гражданин города Спасска (Беднодемьяновска)».



СОБРАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДА СПАССКА СПАССКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

РЕШЕНИЕ

от _____ № _____

г. Спасск

О присвоении звания «Почетный гражданин города Спасска»

В соответствии с положением о звании «Почетный гражданин города Спасска» утвержденным решением Собрания представителей города Спасска Спасского района Пензенской области от № , рассмотрев ходатайство от , руководствуясь Уставом города Спасска Спасского района Пензенской области (с последующими изменениями),

Собрание представителей города Спасска решило:

1. Присвоить звание «Почетный гражданин города Спасска»

2. Опубликовать настоящее решение в информационном бюллетене «Спасские ведомости».

3. Настоящее решение вступает в силу на следующий день после дня его официального опубликования.

4. Контроль за исполнением настоящего решения возложить на Главу города Спасска Спасского района Пензенской области.

Глава города Спасска
Спасского района Пензенской области

Рис. 1. Образец решения о присвоении звания

Рис. 2. Образец удостоверения

Рис. 3. Лента Почетного гражданина

Рис. 4. Почетные граждане г. Спасска Пензенской области

Согласно наградным документам, большинство почетных граждан удостоены данного звания за выдающийся вклад в социально-экономическое и культурное развитие города.

По сложившейся традиции, в случае смерти почетного гражданина г. Спасска наградные документы и регалии остаются на хранении у родственников. По их желанию они могут передаваться в городские музеи на постоянное хранение или предоставляться на различные выставки на временное хранение.

По нашему мнению, в действующее положение о звании следует внести дополнительную статью, указывающую на то, что лица, удостоенные звания «Почетный гражданин города Беднодемьяновска», в своих правах приравниваются к лицам, удостоенным звания «Почетный гражданин города Спасска». Данная поправка позволит юридически уравнять почетных граждан, закрепить ранее установленные льготы и привилегии, а также устранить возможные проблемы в двусмысленном толковании рассматриваемого почетного звания.

Правовой статус Почетного гражданина г. Спасска представляет собой совокупность льгот и привилегий, приобретаемых в момент получения данного почетного звания, а также соблюдение мер ответственности.

Перечень прав Почетного гражданина г. Спасска указан в ст. 7 Положения [5]. Почетный гражданин города Спасска имеет право:

1) по удостоверению Почетного гражданина беспрепятственно посещать органы местного самоуправления города Спасска, муниципальные предприятия, учреждения и организации[1];

2) на безотлагательный прием соответствующими должностными лицами;

3) на участие в решении вопросов местного значения в органах местного самоуправления. Последняя привилегия дает возможность почетным гражданам присутствовать на сессиях Собрания представителей г. Спасска, а также участвовать в проведении рабочих совещаний в Администрации г. Спасска по согласованию с руководителями данных органов местного самоуправления г. Спасска.

Ответственность почетного гражданина г. Спасска наступает только в случае несоответствия его действий и поступков этому высокому званию (ст. 7 Положения) и заключается в отмене решения о присвоении звания, которое принимается городским Собранием представителей. Комментируя данное положение, отметим, что поводом для принятия Собранием представителей г. Спасска решения о лишении почетного звания могут быть следующие обстоятельства:

– вступление в законную силу обвинительного приговора суда за совершение преступлений или правонарушений;

– совершение почетным гражданином действий, порочащих его честь и достоинство.

Таким образом, институт почетных граждан г. Спасска Пензенской области за сравнительно небольшой период своего существования приобрел авторитет среди жителей г. Спасска и Спасского района Пензенской области. Положение о почетных гражданах содержит нормативные основы правового статуса почетных граждан г. Спасска, изложенные в краткой форме путем буквального толкования (смысл норм, изложенных в статьях Положения, полностью совпадает с его текстом). То есть текст Положения будет понятен в равной форме как юристам, так и лицам, не имеющим специального юридического образования. В общем смысле правовой статус Почетного гражданина г. Спасска представляет собой совокупность льгот и привилегий, приобретаемых в момент получения данного почетного звания, а также соблюдение мер ответственности.

Библиографический список

1. Акуленко, И. В. Почетное гражданство в Российской империи / И. В. Акуленко // Исторический журнал: научные исследования. – 2014. – № 4. – С. 425–431. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.4.13944

2. Гуляков, А. Д. К проблеме создания модели развития местного самоуправления в современной России / А. Д. Гуляков // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». – 2013. – Т. 2. – С. 403–407.

3. Гуляков, А. Д. Правотворческая политика в условиях федеративного государства (на примере Российской Федерации) / А. Д. Гуляков // Ленинградский юридический журнал. – 2014.– № 4. – С. 56–67.

4. Мальцева, Е. Пополнились ряды почетных граждан г. Спасска / Е. Мальцева // Вестник. Газета Спасского района. – 2018. – № 28 (9409). – 20 июля.

5. О переименовании города Беднодемьяновска Беднодемьяновского района Пензенской области в город Спасск : федер. закон № 128-ФЗ от 12.10.2005 // Российская газета. – 2005. – № 233 (18 октября).

[1] Примерный перечень таких организаций и учреждений указывается в комментарии к первой стадии присвоения звания.

6. Об утверждении Положения о звании «Почетный гражданин города Спасска» : решение Собрания представителей города Спасска № 144 – 20/4 от 01.02.2006 // Спасские ведомости. – 2006. – № 2.

7. Романовская, О. В. Правовой режим наград в Российской Федерации / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 1 (25).

8. Романовская, О. В. Правовые основы наградного производства в Пензенской области / О. В. Романовская // Вестник Пензенского государственного университета. – 2018. – № 2 (22). – С. 45–49.

9. Саунин, В. П. Снова к Спасскому краю: очерки / В. П. Саунин. – Спасск, 2010. – 464 с.

10. Тюстин, А. В. История Пензы. Причастны… / А. В. Тюстин. – Пенза, 2009. – 88 с.

11. Устав города Спасска Спасского района Пензенской области (в ред. от 16.04.2018) // Спасские ведомости. – 2006. – № 1.

Зернов Илья Владимирович, магистрант, Пензенский государственный университет.
E-mail: serega.beglov@yandex.ru

Образец цитирования:
Зернов, И. В. Правовые основы института почетных граждан (на примере города Спасска Пензенской области) / И. В. Зернов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 30–35.

УДК 343

А. А. Чернова

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы пожизненного лишения свободы – максимального наказания и тенденции к отмене смертной казни. Этот вид наказания связан с началом социальных и политических реформ в Российской Федерации. Исполняется данное наказание исправительными колониями особого режима.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, вид уголовного наказания, особо тяжкие преступления, исправительная колония особого режима.

Совершение человеком преступления может иметь много причин, и зачастую, когда непоправимое уже случилось, приходит осознание несоразмерности полученной выгоды и причиненного вреда, а за ним раскаяние и сожаление. Такой сценарий более вероятен, если злоумышленник уличен, арестован и ему грозит лишение свободы, которое оградит преступника от законопослушных граждан. Изоляция от нормальной жизни, полной радостей и удовольствий, становится серьезным испытанием. Поэтому необходимо говорить о росте преступности в современном государстве, необходима борьба с преступностью на нынешнем этапе развития уголовного права и в связи с ростом преступных посягательств на жизнь и здоровье, честь и достоинство личности. Значительную роль в борьбе с особо тяжкими преступлениями играет уголовное наказание.

Уголовное наказание – основное средство в борьбе с преступностью. В российской уголовно-правовой науке уделяют большое внимание институту наказания. Сложным является вопрос о сущности и целях наказания.

Исходя из разных видов уголовных наказаний, предусмотренных УК Российской Федерации, особо можно выделить лишение свободы. Лишение свободы – изоляция человека от общества, наказание за совершенное человеком преступление, ограничение определенных его прав.

Лишение свободы является, пожалуй, самым сильным воздействием на осужденного, особенно на лиц, к которым данная мера применена впервые. Лишение свободы способствует восстановлению социальной справедливости, предупреждению совершения новых преступлений. Кроме этого, лишение свободы обладает ограниченностью, так как у осужденного нет возможности тесно общаться с родственниками и близкими, у него ограничено передвижение, ограничена возможность выбора вида трудовой деятельности.

Кроме этого, лишение свободы разрывает прежние социальные связи осужденного, он не имеет возможности вести привычный ему образ жизни, осужденному приходится переносить физические нагрузки и тяготы, он зависим от других людей, включая лиц, которые склонны к противоправному поведению и агрессии.

Уголовно-правовое противодействие преступности осуществляется путем уголовных наказаний, перечень которых претерпел существенные изменения за последние годы. Так, в Уголовном кодексе России появился новый вид наказания – пожизненное лишение свободы. Общественный резонанс, который вызывает применение ряда

© Чернова А. А., 2019.

уголовных наказаний, невозможно игнорировать, поскольку они касаются интересов не только самого осужденного, но и иных лиц (члены семьи, родственники, иждивенцы, сотрудники), а также и интересов общества в целом.

В основе заложенного законодателем понятия системы наказаний лежит общее понятие системы в современном знании, а также методы системных и структурных исследований правовых явлений. В нынешнее время большинство специалистов одинаково понимают систему – как совокупность элементов, которые находятся во взаимодействии. Для теории и практики важное значение приобретает изучение основного функционального элемента системы наказаний – перечня видов наказаний, отвечающего требованиям системности.

Ограничение свободы должно исполняться в учреждениях специального типа – центрах исправления, находящихся на территории постоянного проживания осужденного [1]. В теории уголовного права высказывались различные мнения по поводу целесообразности и эффективности применения данного вида наказания. Как говорил Юрий Иванович Калинин, нужно отказаться от такого вида наказания, полагая, что данная мера наказания неэффективна. Он недоволен возможностью перемещения осужденного из его постоянного места жительства в другое, потому что такое перемещение негативно сказывается на дальнейших действиях, ведь осужденный должен зарабатывать на потребности, а кто ж его ждет на чужой территории, как он сможет там найти работу и заработок? И где смысл такого наказания? Если осужденный, придя в данный центр, обнаружит, что есть нечего, семье помочь он не может, он пойдет совершать новые преступления для того, что накормить себя, или пойдет домой, чтобы там утолить свой голод. В первом случае привлекут за совершенное преступление, а в другом за то, что покинул место заключения. Сидеть, правда, ему придется в тюрьме реальный срок.

С другой стороны, отмечу, что создание такого наказания, «полусвободы», которое включает в себя постоянное наблюдение и различные правовые ограничения, является довольно значимым видом наказания, однако позволяет осужденному почувствовать себя в выгодном положении по сравнению с теми, кто осужден к реальному лишению свободы; если сравнивать с другими странами, то данный опыт показывает его высокий потенциал [2].

А. И. Марцев уверен, что для ликвидации несоответствия наказания необходимо правильно выбрать критерий в сопоставлении тяжести преступления и наказания. Тут же А. И. Марцев противоречит сам себе, говоря о том, что разделения наказаний по степени строгости в уголовном праве нет, хотя она очень нужна для увеличения эффективности наказания осужденных. На мой взгляд, данное противоречие является не простой случайностью, а, скорее, носит закономерный характер.

В основу построения перечня видов наказаний необходимо вложить новый классификатор наказания, такой как строгость. По моему мнению, такой критерий послужит верным шагом к решению сложившейся проблемы.

Различные виды наказания представляют собой своеобразную систему конкретных правовых ограничений, которые осуществляются в виде лишения либо ограничения того или иного блага. В перечне видов наказаний, описанных в ст. 44 УК РФ, видно, какие правовые ограничения, связанные жизненными благами, характерны для разных видов наказания [3].

Заметим, что при написании законных актов видно стремление к увеличению числа наказаний. Существующее в Уголовном кодексе большое число наказаний помогает сделать вывод, что наша система наказания более усовершенствованная по сравнению с большинством цивилизованных государств.

Поэтому можно подвести итог: различные виды наказания носят индивидуальный характер, что, собственно, дает возможность судам назначить эффективное наказание.

В мире ведутся поиски эффективного исправления осужденного, не связанные с лишением свободы, но близкие к этому, которые будут более экономичные.

На примере европейских стран опишем популярные методы наказания, не связанные с лишением свободы. В США довольно распространен домашний арест, пробация с интенсивным надзором (ПИН), «шоковые» лагеря, реституционные центры. А в интенсивно развивающейся Швеции были предложены тюрьмы для ночного пребывания, т.е. осужденные работают на свободе, а ночь проводят в тюрьме; тюрьмы, в которых осужденные проводят выходные дни (в конце недели), а остальное время проводят на свободе; назначение надзора с усиленным контролем; направление на общественные работы (службы); наркоманы и алкоголики договариваются с органами опеки, добровольно подвергаясь различными видам медицинского и другого обращения, вместо тюремного заключения, проводимого этим органом в срок договора – до двух лет.

Любое наказание несет в себе некий оттенок возмездия, но никак не является им, наказание регулируется напрямую только законом [4].

Что касается сущности уголовного наказания, то она заключена в наказуемости преступления, и, как следствие, сам закон уголовного характера является своего рода способом манипулирования людским поведением.

Наказание уголовного порядка по своей сути несет некий карательный процесс, который имеет различия у разных видов предусмотренного наказания, и будет учитывать все факторы, которые относятся к каждому конкретному делу. Для того, чтобы назначить наказание преступнику, необходимо рассмотреть различные факторы, относящиеся к осужденному: тяжесть совершенного им преступления, личностные качества преступника.

Осужденный может быть наказан таким способом, как:

– полная его изоляция от общества путем лишения свободы;

– ограничение лишь в определенных правах трудового характера;

– лишение определенных материальных благ, например ежемесячной заработной платы.

Следует помнить, что за судом остается последнее слово касательно самого наказания и его сроков. Поэтому наказание и его меры напрямую зависят от судебного разбирательства.

Таким образом, наказание как один из центральных институтов уголовного права является, пожалуй, самым важным инструментом в руках государства и позволяет осуществлять охрану наиболее значимых общественных отношений. Оно является главной и распространенной формой реализации уголовной ответственности, одновременно призвано обеспечивать поведение людей в рамках закона.

Библиографический список

1. Абельцев, С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С. Н. Абельцев. – Москва : Закон и право, 2016.

2. Аксенов, А. А. Проблемы государственного управления в уголовно-исполнительной системе России. Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект) / А. А. Аксенов. – Рязань : РИПЭ МВД РФ, 1996.

3. Защита прав человека в местах лишения свободы. – Москва : Юриспруденция, 2013.

4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общ. ред. П. Г. Мищенкова. – Москва : Экспертное бюро-М, 1997. (СПС «КонсультантПлюс»).

Чернова Анна Александровна, магистрант, Пензенский государственный университет.
E-mail: Annamakar2014@mail.ru

Образец цитирования:
Чернова, А. А. Пожизненное лишение свободы в системе уголовных наказаний / А. А. Чернова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 36–39.

УДК 347.4

М. М. Геращенко, С. М. Геращенко

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассмотрен проект Федерального закона № 601732-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" и статью 28 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли)», внесенный Правительством Российской Федерации, позволяющий устранить различные правовые основания и условия для размещения нестационарных торговых объектов в субъектах РФ, унифицировать процедуры, сроки, права и терминологию в рассматриваемом вопросе, учитывать особенности развозной торговли с мобильных торговых объектов на базе автотранспортных и иных механических средств, что, в свою очередь, ведет к упрощению ведения торговой деятельности на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: регулирование торговой деятельности, нестационарный торговый объект, торговый объект, мобильный торговый объект.

Рассмотрен проект федерального закона № 601732-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" и ст. 28 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" [1] (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли)» (далее – законопроект), внесенный Правительством Российской Федерации. Проектируемыми нормами данного законопроекта предполагается комплексное совершенствование Федерального закона от 28.12.2009 №381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [2] (далее – Федеральный закон № 381-ФЗ) в части уточнения понятийного аппарата в сфере торговли и порядка правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли с внесением корреспондирующих дополнений в ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ).

Законопроектом, в частности, закрепляются определения понятий: «торговый объект», «нестационарный торговый объект», «мобильный торговый объект», «объект общественного питания» и пр. (ч. 7–10 ст. 1 Федерального закона № 381-ФЗ); проектируемыми нормами ст. 10 Федерального закона № 381-ФЗ определяются общие требования к организации розничной торговли с использованием нестационарных торговых объектов и развозной торговли, а также среди прочего подробно закрепляются процедура и условия формирования схемы размещения нестационарных торговых объектов на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и определяется необходимость рассмотрения проектов схем размещения нестационарных объектов на публичных слушаниях (общественных обсуждениях).

Глава 2 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта дополняется ст. 10.1–10.5, регулирующими условия, процедуру подготовки и утверждение схемы размещения нестационарных мобильных торговых объектов, внесение в нее изменений с

© Геращенко М. М., Геращенко С. М., 2019.

учетом положения о том, что схема размещения торговых объектов утверждается органами местного самоуправления в порядке, установленном уполномоченным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации с учетом требований Федерального закона № 381-ФЗ.

Положения отдельных статей законопроекта (ст. 10.1–10.2, ст. 10.4, ст. 11.1 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта) устанавливают новые полномочия органов местного самоуправления различных видов муниципальных образований, закрепляя их профильной статьей Федерального закона № 381-ФЗ.

По действующему законодательству, в отдельных муниципальных образованиях могут устанавливаться различные условия размещения нестационарных торговых объектов и, соответственно, различная «последовательность действий» со стороны органов местного самоуправления (как, например, проведение аукциона, что рекомендуется Федеральной антимонопольной службой России, так и иное).

По мнению автора статьи, отсутствие в настоящее время унифицированного порядка и условий включения нестационарных торговых объектов в схему размещения нестационарных торговых объектов вызывает определенные сложности и противоречия в правоприменительной практике муниципальных образований, что, в свою очередь, обусловливает целесообразность упорядочения требований к формированию «универсальных» условий и унификации порядка включения нестационарных торговых объектов в схему размещения на конкурентной основе на местном уровне в федеральном законодательстве, в связи с чем проектируемые нормы представленного законопроекта представляются весьма актуальными.

С учетом неоднозначной правоприменительной практики проектируемыми нормами ч. 6 ст. 10.4 законопроекта устанавливается, что в случае, если в срок, предусмотренный ч. 5 ст. 10.4 (десятидневный срок), в орган местного самоуправления поступило более одного обращения о заключении договора на размещение в соответствующем общедоступном месте, договор на размещение заключается по результатам торгов, проводимых в соответствии со ст. 10. 3 Федерального закона № 381-ФЗ.

В свою очередь, нормами ст. 10.3 Федерального закона № 381-ФЗ устанавливается порядок организации и проведения торгов на право заключения договора на размещение соответствующих торговых объектов. Статьей 11.1 законопроекта определяется порядок организации развозной торговли, предусматривающий осуществление развозной торговли при наличии свидетельства об осуществлении развозной торговли, выдача которого осуществляется уполномоченными органами государственной власти субъекта Российской Федерации, которыми также в установленном им порядке на основании выданных свидетельств формируется и ведется реестр мобильных торговых объектов на соответствующей территории (ч. 5 ст. 11.1).

Согласно ч. 6 ст. 11.1 законопроекта сведения, содержащиеся в реестре, размещаются на официальном сайте уполномоченного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Частью 13 ст. 11.1 законопроекта вводится положение о том, что органы местного самоуправления среди прочего вправе устанавливать запрет на осуществление развозной торговли в ночное время в пределах не более чем с 22 ч до 6 ч, а также иные ограничения при организации развозной торговли с учетом требований Федерального закона № 381-ФЗ.

При этом следует отметить, что для населенных пунктов с численностью населения не более 50 тыс. человек (преимущественно сельские поселения и малые городские поселения) устанавливаются лишь общие требования к организации развозной торговли, в населенных пунктах с численностью населения от 50 до 100 тыс. человек органам местного самоуправления предоставляется право устанавливать полностью или частично

предусмотренные законопроектом требования к организации развозной торговли. Для населенных пунктов с численностью более 100 тыс. человек законопроектом устанавливаются наиболее жесткие требования, касающиеся, в том числе, технического состояния и функционального оснащения транспортного средства, с помощью которого осуществляется развозная торговля.

Также органам местного самоуправления и органам государственной власти субъектов Российской Федерации предлагается предоставить право определять конкретизированные условия, требования и ограничения к организации развозной торговли.

Стоит отметить следующие вопросы, которые могут быть учтены при доработке законопроекта ко второму чтению:

1. Согласно проектируемым положениям ч. 2 ст. 10.1 предусматривается, что схема размещения торговых объектов должна соответствовать документам территориального планирования муниципальных образований, правилам благоустройства территории, а проект схемы размещения торговых объектов до утверждения схемы размещения торговых объектов подлежит рассмотрению на общественных обсуждениях с участием населения, проживающего на соответствующей территории.

В соответствии с нормой ст. 5.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации [4] (далее – ГрсК РФ) градостроительные документы в настоящее время утверждаются представительным органом местного самоуправления соответствующих муниципальных образований с учетом протокола общественных обсуждений или публичных слушаний, заключения о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний (ст. 28 Федерального закона № 131-ФЗ, ст. 5.1 ГрсК РФ), в связи с чем представляется целесообразным закрепление возможности рассмотрения проектов схем размещения нестационарных объектов как посредством общественных обсуждений, так и путем проведения публичных слушаний в порядке, установленном градостроительным законодательством.

2. Проектируемые нормы ст. 10.1 законопроекта требуют учета следующих предложений.

Поскольку положения п. 2 ст. 10.1 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта содержат категории субъективно-оценочного характера, не содержащие четких критериев для их фиксации, такие как «необходимость обеспечения устойчивого развития территорий», «негативное влияние нестационарных и мобильных торговых объектов на движение пешеходов и (или) транспортных средств», «комплексное развитие территорий и формирование благоприятной городской среды», это может привести к неоднозначному толкованию соответствующих положений Федерального закона № 381-ФЗ.

В п. 5 ст. 10.1 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта определены случаи, при которых не допускается размещение нестационарных и мобильных торговых объектов. В целях формирования единообразной правоприменительной практики представляется целесообразным уточнение органа местного самоуправления (представительного (законодательного) или исполнительного), в компетенции которого находится утверждение схемы размещения торговых объектов.

Кроме того, в п. 5 ст. 10.1 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта следует указать, что перечисленные в нем требования устанавливаются в отношении органов местного самоуправления при утверждении схем размещения торговых объектов.

3. Представленный законопроект направлен преимущественно на защиту интересов предпринимательства и предусматривает как предоставление компенсационного места в случае исключения места размещения нестационарного или мобильного торгового объекта из схемы размещения торговых объектов (ст. 10.5 Федерального закона № 381-ФЗ), так и возмещение хозяйствующим субъектам, осуществляющим торговую деятельность, реального ущерба, причиненного расторжением договора на размещение

в случае исключения соответствующего места размещения нестационарного или мобильного торгового объекта из схемы размещения.

Частью 7 проектируемой ст. 10.2 законопроекта предусматривается, что договор на размещение нестационарного или мобильного торгового объекта заключается на срок от пяти до семи лет и предусматривает однократное продление на новый срок на условиях действующего договора.

Частью 4 ст. 10.5 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта закрепляется право хозяйствующего субъекта (юридического лица или индивидуального предпринимателя) на требование возмещения реального ущерба в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации в случае отказа от заключения дополнительного соглашения к договору, предусматривающему право осуществления торговой деятельности в компенсационном месте в соответствии с ч. 12 ст. 10.2 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта.

При этом в ч. 12 ст. 10.2 Федерального закона № 381-ФЗ в редакции законопроекта предусмотрены конкретные условия для возмещения убытков.

По мнению автора статьи, изменения, предлагаемые для внесения в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и ст. 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», своевременны и актуальны, они позволяют устранить различные правовые основания и условия для размещения нестационарных торговых объектов в субъектах РФ, унифицировать процедуры, сроки, права и терминологию в рассматриваемом вопросе, учитывают особенности развозной торговли с мобильных торговых объектов на базе автотранспортных и иных механических средств, что, в свою очередь, ведет к упрощению ведения торговой деятельности на территории Российской Федерации.

Библиографический список

1. План законопроектной деятельности Торгово-промышленной палаты Российской Федерации на 2019 год (утв. ТПП РФ 11.02.2019). – URL: http://tpprf.ru/ (по состоянию на 21.02.2019).

2. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федер. закон № 381-ФЗ от 28.12.2009 (в ред. от 25.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс». – 2019.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 (в ред. от 06.02.2019) // СПС «КонсультантПлюс». – 2019.

4. Градостроительный кодекс Российской Федерации № 190-ФЗ от 29.12.2004 (в ред. от 25.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс». – 2019.

Геращенко Марина Михайловна, кандидат экономических наук, магистрант, кафедра частного и публичного права, Пензенский государственный университет.
E-mail: stp_penza@mail.ru

Геращенко Сергей Михайлович, доктор технических наук, профессор, кафедра медицинской кибернетики и информатики, председатель Совета молодых ученых и специалистов, Пензенский государственный университет.
E-mail: gsm@pnzgu.ru

Образец цитирования:
Геращенко, М. М. Правовое регулирование торговой деятельности в Российской Федерации / М. М. Геращенко, С. М. Геращенко // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 40–43.

УДК 33

О. В. Уланова, Ю. А. Щеглов

ПРОБЛЕМА РЕЙДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Показаны основные проблемы российского института рейдерства. Проанализировано нынешнее его положение в России. Произведены исследования появления и последующего распространения результатов данного вида деятельности – недружественного поглощения предприятия, рассмотрена статистика последних лет направления «недружественные поглощения». Подведены итоги.

Ключевые слова: рейдерский захват, российский институт рейдерства, рейдерство, активность рейдерских захватов.

Формирование в Российской Федерации института рейдерства связывают с неразвитостью (рыночных) инструментов непосредственно по перераспределению собственности, а также с постоянным отсутствием оценки активов предприятия, которые считаются наиболее ликвидными. Создание данного недружественного института также связывают с увеличением внутрикорпоративных конфликтов, с недочетами и с непрозрачностью системы регистрации прав собственности. Все выше перечисленные факторы способствуют развитию такой формы «экономического терроризма», как рейдерство.

Наиболее известные на сегодня методы рейдерских захватов предприятий представлены на рис. 1.

Методы рейдерских захватов

Покупка акций
Мошенники скупают долю акций компании, достаточную для инициирования проведения совета директоров/акционеров. На совете выносится решение о смене руководства или другие значимые для них темы. Чаще всего покупка акций начинается от 10–15 % акций предприятия

Наемное руководство
Через наемный топ-менеджмент можно вывести активы на рейдерские структуры или закредитовать компанию под залог собственности, таким образом подводя компанию к последующему банкротству

Кредиторская задолженность
Рейдеры могут скупить несколько задолженностей, существующих у предприятия, а затем предъявить их к единой оплате

Оспаривание приватизации
Если вначале приватизация прошла с правовыми нарушениями или неточностями, то рейдеры могут оспорить проведенную приватизацию или инициировать бизнес-конфликты для последующего захвата активов

Мошенничество или административный ресурс
Могут быть подделаны документы, протоколы собраний акционеров, печати организации и уставные документы, проведены коррупционные сделки с представителями органов власти

Применение силы и «гринмэйл»
Эти способы применяются реже, однако насильственные методы захвата, применение физической силы встречаются, как и психологическое давление, что носит название «гринмейл»

© Уланова О. В., Щеглов Ю. А., 2019.

Действующее законодательство не было способно создать эффективную демократичную методику защиты предприятий от силовых захватов, т.е. законную систему защиты права владельцев предприятий от подобного.

Еще 1 июля 2010 г. был подписан ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который был направлен на противодействие рейдерским захватам и создание эффективности данных мероприятий, т.е. противодействие как неимущественному, так имущественному захвату, а также захвату денежных средств организации [2].

Привлечь к уголовной ответственности данных «захватчиков» на момент непринятия выше указанного закона было возможно только при наличии оснований, позволяющих полагать, что недружественное поглощение (захват) организации является частью другого деяния, носящего правонарушительный характер. Примером будет являться «злоупотребление полномочиями» и т.д.

Так, дополнительно внесенные корректировки в статье не подразумевают наличие доказательств умысла, носящего злобный характер захвата компании, внесенные поправки лишь ужесточили ответственность за совершение рейдерских деяний и позволили правоохранительным структурам использовать в практической деятельности методы борьбы, касающиеся имущественного разбоя.

Данные статистики говорят об эффективности корректировок. ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и в ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» работает, не потерял своей актуальности сейчас. РБК сообщил о проведенных исследованиях, по результатам которых было выявлено, что сейчас большее число злоумышленников отказывается от своих намерений [2].

К сожалению, этот вид правонарушения полностью не исчез, в связи с чем не стоит обольщаться, так как криминальные слои населения будут придумывать и воплощать в жизнь новые варианты «обхода» существующего закона.

Данные, представленные руководителем МВД, Генеральной прокуратурой РФ и Следственным комитетом 03.04.2018 на Совете при Правительстве РФ, направленном на противодействие коррупции, показывают, что количество правонарушений рейдерского характера все-таки поступательно растет. Так, если к началу 2016 г. было зафиксировано 70 жалоб о рейдерстве, то в 2017 г. их количество возросло, составив примерно 700. По данным, предоставленным СКР, наблюдается рост и уголовных дел, связанных с рейдерством: в 2016 г. – 81 дело, в 2017 г. – 162, и по приближенным подсчетам число уголовных дел по захвату предприятий рейдерским путем на данный момент 2018 г. составило уже 102 дела [3].

Эффективно противодействовать рейдерству можно только при наличии условий систематического подхода к данному вопросу, при котором будет вестись работа одновременно по трем направлениям.

Для начала необходима проработка тактики отпора с юридической точки зрения уловкам рейдеров, далее нужна серьезная работа, нацеленная на борьбу с коррупцией, и основополагающим пунктом систематического подхода должно быть принципиально важное устранение существующих несоответствий внутренних документов действующему на настоящий момент законодательству.

Особо организация уязвима, когда отсутствует в штате знающий свое дело юрист или финансовый директор, что, к сожалению, очень распространено в малом, да и в среднем бизнесах в силу экономии ресурсов. Захват такой организации, разумеется, не составит особого труда для рейдера. При таком исходе рейдеры отказываются от качества захвата, а обращают больше свое внимание на количество, при этом нисколько не проигрывают, а, наоборот, процветают на некомпетентности других. Таким образом, рейдеры прораба-

тывают свое «мастерство», изобретая все новые и новые варианты методов захвата, тогда как жертвы в буквальном смысле увязают в своем непрофессионализме.

Библиографический список

1. Буксман, А. России необходим закон о рейдерстве / А. Буксман // Независимая газета. – 2014. – № 236.

2. Официальный сайт Министерства внутренних дел. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/show_11507

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (УК РФ) (в ред. от 15.07.2016) // СПС «Гарант». – URL: http://ivo.garant.ru/#/basesearch/

Уланова Олеся Валерьевна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: olesya-ulanova@bk.ru

Щеглов Юрий Александрович, старший преподаватель, кафедра менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет.
E-mail: sheglov.pgy@mail.ru

Образец цитирования:
Уланова, О. Проблема рейдерства в современной России / О. Уланова, Ю. А. Щеглов // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 44–46.

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

УДК 572

Д. С. Иконников, О. В. Калмин, О. А. Калмина

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ БЕДНОДЕМЬЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА XIII–XIV вв.

Аннотация. Характеризуются краниологические материалы Беднодемьяновского могильника (Спасский район Пензенской области). Этот могильник принадлежал средневековой мордве-мокше. Археологический памятник датируется XIII–XIV вв. Антропологические материалы имеют плохую сохранность и частично депаспортизированы. Это затрудняет исследование. По-видимому, беднодемьяновская мордва была мезодолихокранной и низколицей. Наблюдается большое разнообразие по степени выступания переносья.

Ключевые слова: Беднодемьяновский могильник, краниометрия, мордва-мокша, Средние века.

Вопрос об антропологическом типе средневековой мордвы исследован сравнительно слабо. Вместе с тем данные палеоантропологии чрезвычайно важны для понимания этнической истории мордовского народа. Любые данные о физической антропологии мордвы имеют большое научное значение. В данной работе будут рассмотрены краниологические материалы, происходящие из Беднодемьяновского мордовского могильника, датирующегося XIII–XIV вв. [1, с. 13].

Данный могильник был обнаружен в 1958 г. в ходе рытья водоотводной канавы из пруда [2, с. 93]. В том же году М. Р. Полесских, археолог, сотрудник Пензенского краеведческого музея, провел раскопки на этом памятнике. Им было вскрыто 20 погребений, из которых пять принадлежали мужчинам, шесть – женщинам, четыре – детям. Опираясь на особенности погребального обряда и инвентаря, исследователь отнес могильник к мордве-мокше XIV в. [1, с. 13; 3, с. 63–64; 2, с. 92]. Большая часть антропологических материалов, происходящих с памятника, хранится в антропологической лаборатории кафедры «Анатомия человека» Медицинского института Пензенского государственного университета.

Материал и методы. Материалы, хранящиеся в антропологической лаборатории, характеризуются сравнительно плохой сохранностью. Многие из черепов восстановлены из множественных фрагментов.

Мужские черепа представлены сильно поврежденным черепом из погребения № 3 (инв. № Бд. 7), нижней челюстью из погребения № 7 (инв. № Бд. 2) и депаспортизированными фрагментами черепов (инв. № Бд. 10), происходящими из неизвестных погребений. Из этих фрагментов наибольший интерес представляет часть лобной кости с частично сохранившимися носовыми костями.

У черепа из *погребения № 3* (рис. 1) практически полностью утрачена левая половина мозгового и лицевого отделов. Линия разрушения приблизительно совпадает с сагиттальной плоскостью, хотя справа также наблюдаются заметные повреждения лобной

© Иконников Д. С., Калмин О. В., Калмина О. А., 2019.

и теменной костей. Утрачены решетчатая кость, правая латеральная и базилярная части затылочной кости. В области лицевого скелета участки разрушения наблюдаются на теле верхней челюсти, посмертно утрачен височный отросток скуловой кости, так что нарушена целостность скуловой дуги. Поврежден нижний край носовых костей, полностью утрачены небные кости. Разрушена передняя часть альвеолярного отростка верхней челюсти, в том числе альвеолы передних зубов. Череп имеет коричневый цвет, на наружной поверхности – с желтоватым оттенком.

Рис. 1. Мужской череп из погребения № 3 (инв. № Бд. 7)

От нижней челюсти сохранились правая ветвь и смежная с ней часть правой половины тела со значительными повреждениями наружной поверхности. Разрушены вершина венечного отростка и латеральная треть мыщелка. Наблюдается сильная скарификация поверхности кости. Челюсть имеет коричневый цвет с кофейным оттенком.

Череп принадлежал мужчине в возрасте 20–30 лет.

У нижней челюсти из *погребения № 7* (рис. 2) посмертно утрачен правый мыщелок и смежная с ним часть мыщелкового отростка, разрушена вершина правого венечного отростка. В области правого угла челюсти наблюдаются заметные посмертные разрушения. В остальном кость характеризуется хорошей сохранностью, за исключением небольших участков поверхностных разрушений.

Рис. 2. Нижняя челюсть мужчины из погребения № 7 (инв. № Бд. 2)

Нижняя челюсть имеет коричневый цвет, причем в правой части кости интенсивность окраски возрастает. Челюсть массивная, тяжелая, с заметным рельефом в местах прикрепления связок и мышц. У индивида наблюдалась прижизненная утрата некоторых зубов справа (M_1, M_2, M_3) и слева (P_2 и M_1).

Челюсть принадлежала взрослому мужчине. Определение возраста затруднено, вероятно, индивид относился к возрастной когорте Maturus.

Депаспортизированные материалы (инв. № Бд-10) из неизвестных погребений представляют собой разрозненные фрагменты различных черепов. С большой долей вероятности фрагмент лобной кости с носовыми костями и верхними частями лобных отростков верхних челюстей принадлежал мужчине. Этот фрагмент представляет наибольший интерес, так как позволяет определить степень выступания переносья.

Женские черепа происходили из погребений № 1 (инв. № Бд. 8), № 2 (инв. № Бд. 4) и трех депаспортизированных погребений (инв. № Бд. 1, 5, 11).

У черепа из *погребения № 1* (рис. 3) разрушена большая часть правой половины мозгового отдела, в том числе праволатеральная треть лобной чешуи, праволатеральная половина правой теменной кости и праволатеральная четверть затылочной чешуи. Полностью утрачена правая височная кость, за исключением небольшого фрагмента чешуи, соединенного с фрагментом большого крыла клиновидной кости, не сопоставляющихся с черепом. Посмертно разрушены решетчатая кость и большая часть тела и правой половины клиновидной кости. Сильные посмертные повреждения наблюдаются также в области брегмы, в центральной части чешуи левой височной кости, ламбдовидного шва. Практически полностью разрушено основание мозгового отдела черепа, за исключением левой половины клиновидной кости и левой височной кости, которые сохранились почти полностью.

Рис. 3. Женский череп из погребения № 1 (инв. № Бд. 8)

Посмертно утрачена правая половина лицевого скелета, за исключением передней части альвеолярного отростка правой верхней челюсти. Разрушены носовые кости. В левой половине лицевого скелета наблюдаются повреждения в области тела верхней челюсти, в области медиальной стенки глазницы, в задней части альвеолярного отростка верхней челюсти. Разрушена скуловая дуга. В альвеолах сохранились зубы – клык справа и первый моляр слева.

От нижней челюсти сохранились тело и левая ветвь. Правая ветвь и часть тела до уровня M_2 разрушены. Наблюдается сильная поверхностная скарификация, особенно на наружной поверхности. Кость имеет коричневый цвет. В альвеолах сохранились справа клык, премоляры и первый моляр, слева – латеральный резец и три моляра. Кроме того, сохранны отдельно лежащие зубы: нижний правый третий моляр и второй и третий верхние левые моляры.

Череп имеет коричневый цвет и отличается грацильностью строения. Он принадлежал молодому индивиду в возрасте 20–25 лет.

Череп из *погребения № 2* (рис. 4) имеет ряд крупных посмертных повреждений. Одно из них распространяется на левую глазничную часть, на левую треть чешуи лобной кости (разрушена большая часть левой надбровной дуги) и на район лобных бугров и переднюю часть левой теменной кости. Другое прослеживается в области правого птериона и на смежных участках лобной и правой теменных костей с распространением вверх по венечному шву (не доходит до брегмы приблизительно 3 см). Третий участок разрушения охватывает правую латеральную часть затылочной кости, так что правый затылочный мыщелок оказывается полностью разрушен. Кроме того, посмертно утрачена большая часть решетчатой кости, повреждены задняя половина правой глазничной части лобной и тело клиновидной костей, разрушены вершины крыловидных отростков клиновидной кости. Нарушена целостность обеих скуловых дуг. Разрушена большая часть лобного отростка левой верхней челюсти, сильно повреждено тело правой и левой верхних челюстей. Утрачены небные кости и смежные с ним участки альвеолярных отростков верхней челюсти.

Рис. 4. Женский череп из погребения № 2 (инв. № Бд. 4)

Череп имеет светло-коричневый цвет. Его характерной особенностью является сохранение метопического шва и других швов мозгового отдела черепа в сочетание с прижизненной утратой всех зубов.

У нижней челюсти слева разрушена задняя половина ветви, справа разрушен мыщелок. На передней поверхности тела наблюдаются участки поверхностного разрушения, особенно значительные в левой половине. Кость имеет светло-коричневый цвет. Наблюдается прижизненная утрата большинства зубов.

Антропологические материалы из неизвестного погребения (инв. № Бд. 1) представлены фрагментом альвеолярного отростка левой верхней челюсти и фрагментом

нижней челюсти. У фрагмента верхней челюсти сохранились альвеолы клыка, обоих премоляров и первого моляра, частично латерального резца. В альвеоле сохранился двухкорневой первый моляр. Кость имеет светло-коричневый цвет и характеризуется грацильным строением. Фрагмент нижней челюсти представлен телом с разрушенными ветвями, в левой части кости граница разрушения распространяется до уровня подбородочного отверстия. Все альвеолы в неразрушенной области сохранны. В альвеоле справа сохранился первый моляр.

Антропологические материалы из другого неизвестного погребения (инв. № Бд. 5) представлены черепом с сильно поврежденной правой половиной свода (рис. 5). Разрушены праволатеральная треть лобной чешуи и правая глазничная часть лобной кости, латеральная треть правой теменной кости. Полностью утрачена правая височная кость. Наблюдается заметная посмертная скарификация и участки разрушения в праволатеральной части затылочной чешуи. Утрачена правая половина клиновидной кости. В левой части черепа также наблюдаются заметные повреждения. Частично разрушена левая половина клиновидной кости (утрачены часть тела, большая часть малого крыла и крыловидного отростка). Разрушены базилярная часть затылочной кости, решетчатая кость и сошник.

Рис. 5. Женский череп из неизвестного погребения (инв. № Бд. 5)

Утрачена правая половина лицевого скелета. Сохранны обе носовые кости, хотя их нижний край частично разрушен. Поврежден медиальный край альвеолярного и небного отростков верхней челюсти, утрачены небные кости и височный отросток левой скуловой кости. Местами наблюдается посмертная поверхностная скарификация.

Череп имеет светло-коричневый цвет с песочно-желтым оттенком на наружной поверхности. В районе лобных бугров наблюдается небольшое оливково-зеленое пятно. Череп имеет грацильное строение. Он принадлежал взрослой молодой женщине (до 30 лет). В ламбдовидном шве, близ ламбды, справа и слева от нее – две небольшие вставочные кости.

Депаспортизированный женский череп (инв. № Бд. 11) представлен сохранившимся сильно поврежденным сводом (рис. 6). У лобной кости разрушена левая глазничная часть, наблюдается обширный участок глубокой скарификации в левопередней части чешуи. Теменные кости посмертно деформированы, утрачена правая височная кость. У затылочной кости разрушены базальная и латеральные части и нижняя часть чешуи.

Наружная поверхность свода покрыта сетью неглубоких трещин. Череп имеет песочно-желтый цвет.

Рис. 6. Женский череп из неизвестного погребения (инв. № Бд.-11)

Краниологические материалы исследованы в соответствии с общепринятой краниометрической методикой [4]. Плохая сохранность черепов приводила к тому, что в отдельных случаях приходилось делать существенные допущения в ходе измерений.

Результаты и обсуждение. Определение средних величин краниологической серии из-за сильных посмертных разрушений и немногочисленности черепов нецелесообразно. Далее помещено отдельное описание каждого черепа.

Мужские черепа.

Череп из погребения № 3 (инв. № Бд. 7) характеризуется малой по общемировому масштабу величиной (108,0 мм) лобной хорды (29. Март.) и средним на рубеже с малыми (125,0 мм) значением лобной дуги (26. Март.). При этом высота изгиба лба (Биом. Sub.Nβ) большая (27,5 мм). Полный (47. Март.) и верхний (48. Март.) высотные размеры лица соответственно составляют 102,0 мм и 59,0 мм. Несмотря на то что есть сомнения в точности двух последних измерений, несомненно, обе величины были малыми. О пропорциях лица судить можно только приблизительно, так как левая половина лицевого скелета разрушена. Путем умножения расстояния между наиболее латеральной точкой скуловой дуги и сагиттальной плоскостью на два получена приблизительная величина скулового диаметра (45. Март.). Он составляет около 132,0 мм (средняя по общемировому масштабу величина). Это говорит о том, то индивид отличался эурипрозопическим строением лица по лицевому и верхнелицевому указателям (47:45. Март., 48:45. Март.).

Кроме того, лицевой скелет отличается малой (48,0 мм) высотой носа (55. Март.) в сочетании с малой (2,2 мм) симотической высотой (Биом. SS) и очень малым (23,4) симотическим указателем (Биом. SS:SC). Так как левая орбита была разрушена, измерена правая. Орбита имеет средние максилло-фронтальный (51. Март.) и дакриальный (51а. Март.) широтные размеры (42,1 мм и 39,7 мм соответственно) в сочетании с очень малой (27,8 мм) высотой (52. Март.). Безусловно, глазницы черепа имели выраженное хамеконхное строение по максилло-фронтальному и дакриальному указателям (52:51. Март., 52:51а. Март.).

По фрагменту нижней челюсти оказалось возможным определить высоту ветви (70. Март.), составившую 62,0 мм, и наименьшую ширину ветви (71а. Март.), равную 33,0 мм. Обе величины средние по общемировому масштабу.

По описательным характеристикам череп отличается средней степенью развития надпереносья (3,5 балла) и надбровных дуг (2,0 балла) в сочетании с сильным развитием сосцевидного отростка (3,0 балла)

Нижняя челюсть из погребения № 7 (инв. № Бд 2) отличается большой величиной (67,0 мм и 36,0 мм соответственно) высоты и наименьшей шириной ветви (70. Март., 71а. Март.). Мыщелковый (65. Март.) и передний (67. Март.) широтные размеры кости большие (124,0 мм и 48,0 мм соответственно), угловая ширина (66. Март.) – средняя (102,0 мм). Вместе с тем наблюдаются малая (29,0 мм) высота симфиза (69. Март.) и средняя (31,0 мм) высота тела (29 (1). Март.). Толщина тела (69 (3). Март.) малая (11,0 мм). Челюсть имеет массивное строение и характеризуется выраженным рельефом в местах прикрепления мышц.

Фрагмент свода черепа в виде лобной кости, соединенной с носовыми костями (инв. № Бд 10), отличается малой (6,1 мм) симотической шириной (Биом. SC) и большой (4,1 мм) симотической высотой (Биом. SS), симотический указатель (Биом. SS:SC) большой (67,2) по общемировому масштабу.

Мужская часть краниологической серии представлена немногочисленными останками плохой сохранности. Наибольшей сохранностью отличается череп из погребения № 3. Но даже он не дает возможности судить о форме мозгового отдела черепа. Лицевой отдел черепа отличается малой высотой, возможно, эурипрозопическим строением, хамеконхией и малым симотическим указателем. Примечательно, что у депаспортизированного фрагмента черепа инв. № Бд.-10 наблюдается большая величина симотического указателя, что говорит о заметной вариативности этой величины (табл. 1).

Таблица 1

Метрические характеристики и индексы мужских черепов

Номер погребения	Инв. №	29. Лобная хорда	26. Лобная дуга	SubNβ. Высота изгиба лба	48. Верхняя высота лица	47. Полная высота лица	55. Высота носа	51. Максилло-фронтальная ширина орбиты	51a. Дакриальная ширина орбиты	52. Высота орбиты	SC. Симотическая ширина	SS. Симотическая высота	70. Высота ветви	71a. Наименьшая ширина ветви
3	Бд.7	108,0	125,0	27,5	*59,0*	*102,0*	48,0	**42,1**	**39,7**	**27,8**	*9,4*	*2,2*	*62,0*	33,0
7	Бд. 2												67	36
	Бд. 10										6.1	4.1		
N		1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2
M		108,0	125,0	27,5	59,0	102,0	48,0	42,1	39,7	27,8	7,75	3,15	64,5	34,5
		65. Мыщелковая ширина	66. Угловая ширина	67. Передняя ширина	69. Высота симфиза	69(1). Высота тела	69(3). Толщина тела	SubNb:29. Указатель выпуклости лба	29:26. Указатель изгиба лба	SS:SC. Симотический указатель	52:51. Орбитный указатель (мф.)	52:51a. Орбитный указатель (д.)	71a:70. Указатель ветви нижней челюсти	69(3):69(1). Указатель толщины тела
3	Бд. 7							25,5	86,4	*23,4*	**66,0**	**69,3**	53,2	
7	Бд. 2	*124,0*	*102,0*	48,0	29,0	**31,0**	**11,0**						53,7	**35,5**
	Бд. 10									67,2				
N		1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1
M		124,0	102,0	48,0	29,5	29,5	10,5	25,5	86,4	45,3	66,0	69,3	53,5	35,6

Примечание: *курсивом* отмечены величины, определенные с небольшой долей погрешности, **полужирным** шрифтом отмечены величины, определенные по правой стороне лицевого скелета.

Женские черепа.

Череп из погребения № 1 (инв. № Бд 8) отличается малой на рубеже со средними (169,0 мм) величиной продольного диаметра (1. Март.), большими (соответственно 110,0 мм и 115,0 мм) лобной и теменной хордами (29. Март. и 30. Март.), средней (25,0 мм) высотой изгиба лба (Биом. SubNβ).

Верхняя высота лица (48. Март.) средняя (65,0 мм), полная высота лица (47. Март.) малая (105,0 мм). К последней величине следует отнестись критически, так как ее измерение на черепе с сильными повреждениями возможно только со значительными допущениями.

Высота носа (55. Март.) малая на рубеже со средними (47,0 мм). Определить ширину носа (54. Март.) невозможно, так как разрушена правая половина лицевого скелета. Если судить по расстоянию между наиболее латеральной точкой грушевидного отверстия и сагиттальной плоскостью, эта величина была малой (около 23,0 мм), а сам нос, вероятно, имел мезоринное строение. Высота орбиты (52. Март.) малая (32,3 мм), максилло-фронтальная ширина и дакриальная ширина (51. Март. и 51а. Март.) средние (соответственно 39,5 мм и 37,6 мм). Орбита мезоконхная (81,8 мм) по максилло-фронтальному указателю (52:51. Март.) и хамеконхная (85,9 мм) по дакриальному указателю (52:51а. Март.).

Череп из погребения № 2 (инв. № Бд. 8) характеризуется средним на рубеже с большими величинами (175,0 мм) продольным диаметром (1. Март.), малым (132,0 мм) поперечным диаметром (8. Март.) в сочетании со средним (128,0 мм) высотным диаметром (17. Март.).

Череп долихокранный (75,4) по черепному указателю (8:1. Март.) и выраженно ортогнатный (89,8) по указателю Фогта-Флауэра (40:5. Март.).

Верхняя высота лица (48. Март.) очень малая (*58,0* мм). К величине следует отнестись критически, так как измерение осуществлялось на черепе, у которого при жизни были утрачены все зубы, но вероятность того, что высота лица действительно была малой, очень велика. Скуловой диаметр (45. Март.) малый (*119,0* мм). Вероятно, лицевой скелет имел эурипрозопическое строение по верхнелицевому указателю (48:45. Март.), что косвенно подтверждается тем, что верхний среднелицевой указатель (48:46. Март.), коррелирующий с лицевыми индексами, также имеет малую величину (65,2).

Череп отличается резкой горизонтальной профилировкой. Назомалярный (77. Март.) и зигомаксиллярный (Биом. zm') углы очень малые (соответственно 131,9° и *118,2*°). При этом, череп характеризуется сравнительно низким переносьем. Симотическая высота (Биом. SS) малая (2,2 мм), так же как симотический указатель (Биом. SS:SC), составляющий 26,5. Дакриальная высота (Биом DS) большая (10,8 мм), но из-за большого значения (22,1 мм) дакриальной ширины (Биом. SC) дакриальный указатель (Биом. DS:DC) средний (48,9). Высота носа (55. Март.) средняя (49,0 мм).

Из-за разрушений левой орбиты измерена правая. Максилло-фронтальный (51. Март.) и дакриальный (51а. Март.) широтные размеры большие (42,5 мм и 39,3 мм соответственно), высота орбиты (52. Март.) малая (32,4 мм), орбита имеет выраженное хамеконхное строение.

Череп из неопределенного погребения (инв. № Бд. 5) характеризуется большим (177,0 мм) продольным диаметром (1. Март.). Из-за посмертных разрушений невозможно судить о других метрических характеристиках и индексах мозгового отдела черепа, но визуально форма черепа эллипсоидная, так что, вероятнее всего, индивид характеризовался долихокранией. Верхняя высота лица (48. Март.) очень малая (56,0 мм). Весь лицевой скелет также отличается грацильностью. Нос имеет малую (41,0 мм) высоту (55. Март.), орбита очень низкая (29,6 мм), максилло-фронтальная ширина (51. Март.) также очень мала (37,2 мм). По указателю (52:51. Март.) орбита хамеконхная (79,6).

Депаспортизированный череп (инв. № Бд. 11) отличается очень большим (182,0 мм) продольным диаметром (1. Март.) в сочетании с малым (132,0 мм) поперечным диамет-

ром (8. Март.) и долихокранией (72,5) по черепному поперечно-продольному указателю (8:1. Март.). Лобная (29. Март.) и теменная (30. Март.) хорды закономерно большие (соответственно 112,0 мм и 111,0 мм).

Характерной особенностью черепа является малая (87,0 мм) наименьшая ширина лба (9. Март.). Высота изгиба лба (Биом. SubNβ) большая (29,9 мм), так что указатель выпуклости лба (Биом. Март. SubNβ:29) очень большой (27,0), несмотря на большую величину лобной хорды.

У черепа определены симотические ширина и высота (Биом. SC, Биом. SS). Обе величины большие (соответственно 10,5 мм и 4,2 мм). Симотический указатель (Биом. SS:SC) большой на рубеже со средними (40,0).

В женской части серии преобладают удлиненная, долихокранная форма мозгового отдела черепа, низкое лицо и хамеконхия. Назомалярный и зигомаксиллярный углы определены только у одного черепа, характеризующегося резкой горизонтальной профилировкой верхней и средней части лица. У женщин, так же как у мужчин, наблюдается заметная вариативность симотической высоты (табл. 2).

Таблица 2

Метрические характеристики и индексы женских черепов

Номер погребения	Инв. №	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	10. Наибольшая ширина лба	11. Ширина основания черепа	12. Ширина затылка	29. Лобная хорда	30. Теменная хорда	31. Затылочная хорда	25. Сагиттальная дуга	26. Лобная дуга
1	Бд. 8	169,0								110,0	115,0			125,0
2	Бд. 4	175,0	132,0	128,0	98,0			114,0	99,0	107,0	106,0	91,0		
	Бд. 1													
	Бд. 5	177,0								101,0	104,0	87,0	337,0	115,0
	Бд. 11	182,0	132,0			87,0	114,0			112,0	111,0			132,0
N		4	2	1	1	1	1	1	1	4	4	2	1	3
M		175,8	132,0	128,0	98,0	87,0	114,0	114,0	99,0	107,5	109,0	89,0	337,0	124,0
σ		5,38								4,8	5,0			8,54

Номер погребения	Инв. №	27. Теменная дуга	28. Затылочная дуга	SubNβ. Высота изгиба лба	Высота изгиба затылка	45. Скуловой диаметр	40. Длина основания лица	48. Верхняя высота лица	47. Полная высота лица	43. Верхняя ширина лица	46. Средняя ширина лица	63. Ширина неба	55. Высота носа	51. Ширина орбиты (мф.)
1	Бд. 8	*126*		25				65	105			34	47	39,5
2	Бд. 4	116	105	21,7		*119*	*88*	*58*	*112*	*97*	*89*		*49*	**42,5**
	Бд. 1													
	Бд. 5	112	108	23,8	28.1			*56*					41	*37,2*
	Бд. 11	118		29,9						*92*				
N		4	2	4	1	1	1	3	2	2	1	1	3	3
M		118	106,5	25,1				4,73	4,95	3,54			4,16	2,66
σ		5,89		3,48									17:8	1:25

Продолжение табл. 2

Номер погребения	Инв. №	51a. Ширина орбиты (д.)	52. Высота орбиты	77. Назомалярный угол	zm'. Зигомаксиллярный угол	SC. Симотическая ширина	SS. Симотическая высота	MC. Максилло-фронтальная ширина	MS. Максилло-фронтальная высота	DC. Дакриальная ширина	DS. Дакриальная высота	70. Высота ветви	71a. Наименьшая ширина ветви	67. Передняя ширина
1	Бд. 8	37,6	*32,3*									*53,1*	27,0	41,0
2	Бд. 4	**39,3**	**32,4**	131,9	*118,2*	8,3	2,2	20,6	6,4	22,1	10,8		**31,0**	
	Бд. 1													43,0
	Бд. 5		*29,6*											
	Бд. 11					*10,5*	*4,2*							
N		2	3	1	1	2	2	1	1	1	1	1	2	2
M		38,5	31,43	131,9	118,2	9,4	3,2	20,6	6,4	22,1	10,8	53,1	29,0	42
σ		1,20	1,59										2,83	1,41

Номер погребения	Инв. №	69. Высота симфиза	69(1). Высота тела	69(3). Толщина тела	8:1. Черепной указатель	17:1. Высотно-продольный указатель	17:8. Высотно-поперечный указатель	1:25. Продольно-сагиттальный указатель	(29+30+31):1. Трех хорд	5:1. Базилярно-продольный указатель	5:30. Базилярно-теменной указатель	11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	27:26. Дуговой теменно-лобный	28:26. Дуговой затылочно-лобный
1	Бд. 8	28,0	23,0	8,0									100,8	
2	Бд. 4		*24,0*	9,0	75,4	73,1	97,0			56,0	92,5	86,4		
	Бд. 1	28,0	**23,0**	**11,0**										
	Бд. 5							52,5	165,0				97,4	93,9
	Бд.				72,5								89,4	
N		2	3	3	2	1	1	1	1	1	1	1	3	1
M		28,0	23,3	9,3	74,0	73,1	97,0	52,5	165,0	56,0	92,5	86,4	95,9	93,9
σ			0,58	1,53	2,05								5,85	

Номер погребения	Инв. №	28:27. Дуговой затылочно-теменной	SubNb:29. Указатель выпуклости лба	29:26. Указатель изгиба лба	29:1. Лобно-продольный указатель	9:8. Лобно-поперечный указатель	10:8. Корональнo-поперечный указатель	9:10. Широтный лобный указатель	10:29. Лобный широтно-продольный	30:27. Указатель изгиба темени	30:1. Теменно-продольный указатель	12:30. Теменной широтно-продольный	31:28. Указатель изгиба затылка	31:1. Затылочно-продольный указатель
1	Бд. 8		22,7	88	65,1					91,3	68,1			
2	Бд. 4	90,5	20,3		61,1					91,4	60,6	93,4	86,7	52
	Бд. 1													
	Бд. 5	96,4	23,6	87,8	57,1					92,9	58,8		80,6	49,2
	Бд. 11		27	84,9	61,5	65,9	86,4	76,3	101,8	94,1	61			
N		2	4	3	4	1	1	1	1	4	4	1	2	2
M		93,45	23,4	86,9	61,2	65,9	86,4	76,3	101,8	92,42	62,12	93,4	83,65	50,6
σ		4,17	2,78	1,74	3,27					1,34	4,10		4,31	1,98

Окончание табл. 2

Номер погребения	Инв. №	12:8. Затылочно-поперечный указатель	12:31. Затылочный широтно-продольный	45:8. Поперечный фациоцеребральный	48:17. Вертикальный фациоцеребральный	40:5. Указатель выступания лица	48:45. Верхний лицевой указатель	48:46. Верхний среднелицевой	DS:DC. Дакриальный указатель	SS:SC. Симотический указатель	52:51. Орбитный (мф.) указатель	52:51a. Орбитный (д.) указатель	71a:70. Ветви нижней челюсти	69(3):69(1). Толщины нижней челюсти
1	Бд. 8										81,8	85,9	50,0	34,8
2	Бд. 4	75,0	108,8	*90,2*	*45,3*	*89,8*	*48,7*	65,2	48,9	26,5	**76,2**	**82,4**		*37,5*
	Бд. 1													**47,8**
	Бд. 5										*79,6*			
	Бд.									*40,0*				
N		1	1	1	1	1	1	1	1	2	3	2	1	3
M		75,0	108,8	90,2	45,3	89,8	48,7	65,2	48,9	33,3	79,2	84,2	50	40,0
σ										9,55	2,82			6,86

Примечание: *курсивом* отмечены величины, определенные с небольшой долей погрешности, **полужирным** шрифтом отмечены величины, определенные по правой стороне лицевого скелета.

Выводы. Характеристика краниологической серии затруднена плохой сохранностью и малочисленностью черепов, а в ряде случаев – их частичной депаспортизацией.

Большинство черепов, по-видимому, были мезодолихокранными. Еще одной характерной особенностью серии является преобладание индивидов с низким лицом. Вероятно, наблюдается тенденция не только к абсолютному, но и к относительному снижению высоты лица, т.е. к эурипрозопии, хотя это недостоверно. Характерной особенностью серии следует также считать низкую хамеконхную орбиту.

Судить о горизонтальной профилировке лица представляется возможным только по женскому черепу из погребения № 2, который резко профилирован на уровне назомалярого и зигомаксиллярного углов. Оценить степень выступания переносья возможно только по симотическому указателю. Однако этот показатель отличается большой вариативностью. Он колеблется от малых до больших по общемировому масштабу величин. Интерпретировать эти колебания преждевременно. Они могут быть результатом реально существовавшей морфологической неоднородности серии, но могут возникнуть также из-за малочисленности выборки.

Следует отметить, что краниологические серии средневековой мордвы в настоящее время изучены еще сравнительно слабо. Поэтому любые сведения об их морфологических особенностях имеют большое значение. Несмотря на немногочисленность выборки и плохую сохранность материалов, краниологическая коллекция представляет большой научный интерес, так как открывает возможность дальнейшей исследовательской работы по созданию базы данных и обобщению материалов по краниологии средневековой мордвы.

Библиографический список

1. Полесских, М. Р. Археологические памятники Пензенской области : путеводитель / М. Р. Полесских. – Пенза : Приволж. книжн. изд-во, Пенз. отделение, 1970. – 158 с.

2. Ставицкий, В. В. Археологические изыскания М. Р. Полесских / В. В. Ставицкий. – Пенза, 2008. – 176 с.

3. Полесских, М. Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья: Археологические очерки / М. Р. Полесских. – Пенза : Приволж. книжн. изд-во, Пенз. отделение, 1977. – 86 с.

4. Алексеев, В. П. Краниометрия. Методика антропологических исследований / В. П. Алексеев, Г. Ф. Дебец. – Москва : Наука, 1964. – 127 с.

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры анатомии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: ikonnikof-ds@mail.ru

Калмин Олег Витальевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой анатомии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: ovkalmin@gmail.com

Калмина Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры анатомии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: okalmina@gmail.com

Образец цитирования:
Иконников, Д. С. Краниологические материалы Беднодемьяновского могильника XIII–XIV вв. / О. В. Калмин, О. А. Калмина // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 47–58.

УДК 61

А. П. Архипов, Н. Л. Ильина, М. И. Скороделова, Н. И. Микуляк

ОСОБЕННОСТИ АКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ И МОЩНОСТИ РИТМОВ МОЗГА У СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ

Аннотация. Проведено исследование функционального состояния и ритмов мозга у студентов и школьников старших классов. Была использована современная компьютерная скрининг-диагностика «Омега-М» фирмы «Динамика» (г. Санкт-Петербург), позволяющая быстро и достоверно провести диагностику и оценить различные параметры работы организма, в том числе общую работоспособность (Health), индекс вегетативного равновесия (ИВР), индекс напряженности (ИН), а также мощность ритмов мозга до и после фрактального дыхания.

Ключевые слова: индекс вегетативного равновесия, мощность ритмов мозга, общая работоспособность.

Актуальность исследования. В основе многих заболеваний человека лежит нарушение компенсаторных (регуляторных) функций организма, так как именно они ответственны за поддержание гомеостаза и физиологических процессов.

Важно понимать, что нередко болезненное состояние организма, на которое жалуется пациент, может сопровождаться вполне удовлетворительным состоянием регуляторных систем. В то же самое время физически крепкий, по формальным показателям здоровый и хорошо себя чувствующий человек может иметь проблемы с качеством регуляторных систем своего организма, не подозревая о патологическом ходе ряда физиологических процессов, которые в дальнейшем могут привести к заболеванию.

Именно неспособность такого организма к быстрой адаптации в случае заболевания часто приводит к серьезным и даже трагическим последствиям.

По данной причине постоянное динамическое наблюдение за состоянием регуляторных систем организма открывает совершенно новые возможности для анализа и диагностики, которые могут позволить предупредить заболевание [1–6].

Материал и методика. Важными параметрами активности головного мозга являются ритмы мозга. В данной работе проводилось фиксирование четырех видов ритма: альфа-, бета-, тета- и дельта-ритма. Альфа-ритм связан с расслабленным состоянием бодрствования, покоя. Они возникают, когда мы закрываем глаза, и во время отдыха. Бета-ритм в норме связан с высшими когнитивными процессами и фокусированием внимания в обычном бодрствующем состоянии, когда мы с открытыми глазами наблюдаем за происходящими событиями или сосредоточены на решении каких-либо текущих проблем. Дельта-ритм (медленные волны) связан с восстановительными процессами, особенно во время фазы медленного сна, хорошо выражен у детей. Тета-волны появляются тогда, когда спокойное, расслабленное бодрствование переходит в сонливость, человек находится между сном и бодрствованием.

В исследовании приняли участие две группы исследуемых (во время проведения исследований были поделены еще на две группы по половой принадлежности – юноши и девушки): группа студентов Медицинского института (в возрасте 19–20 лет); группа школьников (в возрасте 15–16 лет).

© Архипов А. П., Ильина Н. Л., Скороделова М. И., Микуляк Н. И., 2019.

У испытуемых-добровольцев с помощью скрининг-диагностики «Омега-М» в течение 5 мин записывали электрокардиограмму. После этого компьютерная система «Омега-М» рассчитывала ритм индивидуальной дыхательной программы.

Дыхательное упражнение заключается в следующем: на экране монитора пациент будет видеть изображение в виде мыльного пузыря, в центре которого будут указаны команды – вдох/выдох. Соответственно, когда на экране будет слово «вдох», пациент должен вдохнуть и при этом максимально надуть живот. При выдохе – максимально втянуть живот. Таким образом, данное дыхательное упражнение направлено на работу мышц брюшного пресса.

Результаты исследования. В ходе проведения эксперимента было выявлено, что после проведения дыхательных упражнений у студентов второго курса (юношей) произошло повышение некоторых показателей, кроме значения альфа-ритма мозга, которое снизилось с 13,8 до 12,0 %. Показатели, которые пришли в норму: ИВР – 85,6 у.е., ИН – 99,5 у.е., тета-ритм мозга – 22,5 %, бета-ритм мозга – 35,2 %. Некоторые показатели не достигли нормы. Так, дельта-ритм мозга со значением 30,4 % превышает норму, но он улучшился по сравнению с исходным значением.

Таким образом, у группы юношей-студентов дыхательные упражнения, очевидно, активизировали работу мозга за счет увеличения бета-ритма мозга с 18,8 до 35,2 %. Однако альфа-ритм и дельта-ритм головного мозга в норму так и не пришли, что говорит о «накопленной усталости» среди испытуемых (табл. 1).

Таблица 1

Функциональные показатели группы юношей

Исследуемые	ИМТ	Health (N 60-100)		ИВР (N 35-145)		ИН (N 10-100)		Мощность ритмов мозга							
								Дельта (N 0-25)		Тета (N 10-40)		Альфа (N 20-70)		Бета (N 10-80)	
		до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
Юноши с нормальным ИМТ															
1	20,0	97,0	100,0	56,4	50,0	32,1	28,4	39,9	12,4	11,7	9,5	22,0	9,1	26,4	69,0
2	22,7	87,0	96,0	69,7	73,0	51,2	57,0	44,0	53,7	13,5	9,6	17,7	13,6	24,8	23,1
3*	24,1	71	81	112,3	97,7	87,7	76,4	58,1	40,1	9,7	25,6	16,5	16,9	15,8	17,5
4	24,5	60,0	98,0	128,7	57,9	89,4	45,2	50,3	35,7	15,8	26,2	20,4	10,6	13,5	27,4
5*	26,2	48	53	212,4	285,7	189,6	297,6	67,9	6,7	6,9	69,8	13,5	14,7	11,8	8,7
6	22,5	44,0	78,0	226,8	85,6	166,7	62,9	33,7	59,4	28,6	14,6	13,8	12,0	23,9	14,0
7*	28	13	83	590	165,3	461	129,1	48,2	5,1	15,6	2,3	20,7	6,2	15,4	86,4
Среднее значение	24,0	59,3	84,1	159,5	116,5	154,3	99,5	48,9	30,4	14,5	22,5	17,8	11,9	18,8	35,2
Стандартное отклонение	2,6	27,6	16,3	184,1	83,7	147,3	92,9	11,4	22,5	7,0	22,6	3,4	3,6	6,0	30,1

Результаты исследования группы девушек – студенток второго курса после дыхательных упражнений были следующими. Определяется нормализация ряда показателей: значение функциональной работоспособности – с 63,2 до 72,1 %, значение тета-ритма мозга – с 13,7 до 18,8 %, значение бета-ритма – с 18,3 до 24,1 %.

Тем не менее некоторые показатели не достигли нормы: ИВР со значением 159,6 у.е., ИН со значением 123,3 у.е., дельта-ритм мозга со значением 38,6 % и альфа-ритм мозга со значением 15,8 %.

Необходимо отметить, что показатели, не вошедшие в пределы нормы, приблизились к ней, что говорит о положительном влиянии дыхательных упражнений на функциональные системы организма (табл. 2).

В результате исследования группы школьников (юношей) после проведения дыхательных упражнений определяется нормализация ряда показателей: функциональной

работоспособности с 56,7 до 88,0 %, дельта-ритма мозга с 42,9 до 26,8 %, и бета-ритма мозга с 24,5 до 30,4 %.

Таблица 2

Функциональные показатели группы девушек-студенток 2 курса Медицинского института до и после дыхательного упражнения

Исследуемые	ИМТ	Health (N 60-100)		ИВР (N 35-145)		ИН (N 10-100)		Мощность ритмов мозга							
								Дельта (N 0-25)		Тета (N 10-40)		Альфа (N 20-70)		Бета (N 10-80)	
		до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
1*	23,5	93	97	42,1	50,7	26,3	42,2	70,1	54	6,6	18,6	8,7	16,6	14,6	10,8
2*	20,7	82	92	80,3	91,6	62,7	81,8	48,7	38,7	17,4	11,1	24,6	10,8	9,3	39,3
3	26,1	81,0	88,0	100,4	55,6	69,7	38,6	43,6	63,4	12,5	16,3	20,8	5,5	23,0	14,9
4	23,8	79,0	66,0	98,2	150,9	58,5	94,3	32,5	47,1	13,8	13,3	8,1	17,7	45,5	21,8
5*	26,2	73	91	98	70,5	81,7	63	67	28,5	7,5	19,7	11	12,9	14,6	38,9
6*	30,4	59	99	162,9	66,8	145,4	59,6	56,9	10,2	7,8	7,5	23,9	63,7	11,4	17,6
7	16,8	59,0	46,0	200,1	362,8	131,6	238,7	35,4	32,5	13,1	19,3	16,5	10,1	35,1	38,0
8*	21,7	57	60	203,1	194,9	149,4	143,3	45,3	33,5	16,5	10,6	16,7	25,8	21,6	30,1
9*	24,4	56	69	216,1	161	158,9	134,2	42,6	24,1	16,7	6,6	29,8	25,2	10,9	44,1
10	22,0	54,0	55,0	210,7	143,0	131,7	94,1	43,2	54,6	14,3	19,2	33,3	20,7	9,2	5,5
11	17,5	53,0	50,0	159,7	181,3	133,1	151,1	36,3	37,3	27,0	27,5	22,7	24,9	14,0	10,3
12*	19,6	42	91	211,5	76,5	125,9	43,5	60,6	30,5	12,9	16,2	6,9	29,7	19,6	23,6
13*	19,1	33	33	480	469,1	461,6	418,9	58,2	47,4	11,5	19,6	21,3	14	9	19
Среднее значение	22,4	63,2	72,1	174,1	159,6	133,6	123,3	49,3	38,6	13,7	15,8	18,8	21,4	18,3	24,1
Стандартное отклонение	3,8	17,3	22,2	109,2	125,8	107,1	105,4	12,2	14,5	5,3	5,8	8,4	14,6	11,0	12,8

В пределы нормы вошли показатели ИВР с 225,0 до 95,5 у.е., ИН с 183,1 до 70,0 у.е., альфа-ритма мозга с 13,8 до 29,0 %. Также необходимо отметить снижение показателя тета-ритма мозга после дыхательного упражнения с 15,7 до 13,8 %.

Таким образом, можно сказать, что дыхательные упражнения оказали положительное влияние на функциональные системы организма, однако не сняли полностью «накопленную усталость» (табл. 3).

Таблица 3

Функциональные показатели группы юношей-школьников 10 класса до и после дыхательного упражнения

Исследуемые	ИМТ	Health (N 60-100)		ИВР (N 35-145)		ИН (N 10-100)		Мощность ритмов мозга							
								Дельта (N 0-25)		Тета (N 10-40)		Альфа (20 - 70)		Бета (10 - 80)	
		до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
1	19,7	78,0	92,0	83,9	72,8	49,9	41,4	40,6	15,4	12,0	14,4	9,2	28,1	38,3	42,1
2	23,7	68,0	89,0	143,9	98,1	100,0	72,2	35,9	28,7	22,7	16,0	16,2	38,2	25,2	17,1
3	18,9	24,0	83,0	447,3	115,6	399,4	96,4	52,1	36,2	12,5	11,0	16,1	20,7	10,0	32,0
Среднее значение	20,8	56,7	88,0	225,0	95,5	183,1	70,0	42,9	26,8	15,7	13,8	13,8	29,0	24,5	30,4
Стандартное отклонение	2,5	28,7	4,6	194,8	21,5	189,0	27,6	8,3	10,5	6,0	2,6	4,0	8,8	14,2	12,6

Среди группы школьников (девушек) после проведения дыхательных упражнений были получены данные: в группе девушек-школьниц после дыхательных упражнений

произошло улучшение значений всех показателей, за исключением ИН, который незначительно повысился с 113,5 до 116,4 у.е.

Значение тета-ритма мозга снизилось с 16,1 до 14,6 %. После дыхательных упражнений значение ряда показателей вошли в норму: показатель функциональной работоспособности с 62,1 до 75,9 %, показатель ИВР с 143,0 у.е. до 137,7 у.е., альфа-ритм мозга с 23,5 до 25,0 %, бета-ритм мозга с 15,6 до 23,1 %.

Однако значение показателя дельта-ритма мозга улучшилось, но не вошло в норму с 44,8 до 37,3 %. Таким образом, можно сказать, что дыхательные упражнения оказали положительное влияние на функциональные системы организма, однако не сняли полностью «накопленную усталость» (табл. 4).

Таблица 4

Функциональные показатели группы девушек (школьниц)
до и после дыхательного упражнения

Исследуемые	ИМТ	Health (N 60-100)		ИВР (N 35-145)		ИН (N 10-100)		Мощность ритмов мозга							
								Дельта (N 0-25)		Тета (N 10-40)		Альфа (N 20-70)		Бета (N 10-80)	
		до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
1	19,5	81,0	98,0	73,0	57,2	53,7	47,6	54,6	42,9	18,4	17,6	7,8	22,4	19,3	17,0
2	20,9	77,0	86,0	95,8	122,7	74,8	109,6	49,7	13,2	9,6	16,7	30,8	51,8	9,9	18,3
3	18,4	68,0	80,0	108,5	96,4	79,8	70,9	70,4	45,0	13,0	13,5	9,6	19,7	7,0	21,8
4	22,0	66,0	74,0	125,0	113,8	86,8	83,7	36,0	42,2	14,0	12,5	24,5	6,6	25,5	38,6
5	21,2	50,0	53,0	191,1	240,8	170,6	231,5	26,6	29,1	8,9	16,2	50,3	38,1	14,2	16,6
6	19,9	48,0	60,0	195,7	214,0	163,1	178,3	54,7	38,4	17,1	13,7	15,4	19,5	12,7	28,5
7	21,1	45,0	80,0	212,1	119,3	165,7	93,2	21,5	50,6	31,6	12,0	26,0	16,8	20,9	20,6
Среднее значение	20,4	62,1	75,9	143,0	137,7	113,5	116,4	44,8	37,3	16,1	14,6	23,5	25,0	15,6	23,1
Стандартное отклонение	1,2	14,5	15,3	55,5	65,5	50,6	65,2	17,4	12,5	7,7	2,2	14,6	15,1	6,5	8,0

Заключение. В ходе данной работы были получены показатели функциональных систем организма четырех групп испытуемых с использованием скрининг-диагностики «Омега-М». В ходе проведения исследования были зафиксированы начальные показатели функциональных систем и конечные, после проведения дыхательных упражнений. Становится очевидным, что вышеуказанные упражнения действительно повышают показатели функциональных систем организма испытуемых, тем не менее у нескольких исследуемых показатели так и не пришли в норму за счет долгосрочной «накопленной усталости».

Использование данной скрининг-диагностики позволяет максимально быстро и точно определить показатели систем организма, что открывает новые возможности в экспресс-диагностике человека.

В свою очередь, дыхательные упражнения позволяют вернуть показатели функциональных систем в норму.

Библиографический список

1. Ильина, Н. Л. Альфа-ритм мозга как показатель адаптированности к спортивной деятельности и влияние индивидуальной дыхательной программы «Омега» на его стабилизацию / Н. Л. Ильина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2013. – № 4 (4). – С. 18–24.

2.. Якунина, Н. Н. Влияние занятий кундалини-йогой на психофизиологические показатели женщин среднего возраста / Н. Н. Якунина, Н. Л. Ильина // Personal development: psychological foundation and social conditions. Material softhe III intern. scient. conf. Prague. – 2015. – P. 105–109.

3. Ильина, Н. Л. Особенности параметров оценки биологического возраста с помощью скрининг-диагностики «Омега-С» у лиц, осваивающих методы активного обучения / Н. Л. Ильина, С. В. Тарасов, О. А. Белова, Д. Б. Казанцева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – Вып. 1 (55), ч. 3. – С. 125–128 ; Вып. № 1 (55) Психологические науки. – Январь 2017.

4. Диагностический комплекс «Омега-стандарт». – URL : http://dyn.ru

5. Васильев, А. Н. Латерализация паттернов ЭЭГ у человека при представлении движений руками в интерфейсе мозг-компьютер / А. Н. Васильев, С. П. Либуркина, А. Я. Каплан // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 2016. – № 3. – С. 302–312.

6. Панищев, О. Ю. Использование кросс-корреляционного анализа ЭЭГ-сигналов для выявления предрасположенности к шизофрении / О. Ю. Панищев, С. А. Демин, А. Я. Каплан, Н. Ю. Вараксина // Медицинская техника. – 2013. – № 3. – С. 36–39.

Архипов Антон Павлович, студент, Пензенский государственный университет.
E-mail: anton.stalker.wot@gmail.com

Ильина Наталья Леонардовна, кандидат биологических наук, доцент, кафедра физиологии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: ilinanl@mail.ru

Скороделова Мария Игоревна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: normphis@mail.ru

Микуляк Надежда Ивановна, доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой физиологии человека, Пензенский государственный университет.
E-mail: normphis@mail.ru

Образец цитирования:
Архипов, А. П. Особенности активности функциональных систем и мощности ритмов мозга у студентов и школьников старших классов / А. П. Архипов, Н. Л. Ильина, М. И. Скороделова, Н. И. Микуляк // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 59–63.

УДК 616.98

Е. В. Дьячкова, К. С. Кузнецова, М. В. Никольская

КОМОРБИДНЫЕ СОСТОЯНИЯ ПРИ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ

Аннотация. Проведено изучение структуры и частоты коморбидных состояний у ВИЧ-инфицированных с летальным исходом, наблюдаемых на территории Пензенской области в 2014–2017 гг. Выяснено, что у 100 % больных наблюдалась коморбидная патология – конкурирующие, перенесенные, фоновые и сопутствующие заболевания.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, коморбидность, сопутствующие заболевания, конкурирующие заболевания, фоновые заболевания, перенесенные заболевания.

Актуальность проблемы. Одной из актуальных болезней человечества в настоящее время, несомненно, является инфекция, вызванная вирусом дефицита человека (ВИЧ). Эпидемиологическая ситуация по ВИЧ-инфекции остается неблагоприятной, показатель заболеваемости за десять месяцев 2018 г. составил 58,2 случая на 100 тыс. населения [1]. Для ВИЧ-инфекции часто характерна коморбидность, т.е. наличие у одного больного нескольких заболеваний, в той или иной степени влияющих на исход основной патологии [2]. В структуре коморбидности различают основное заболевание; если у больного имеет место несколько основных заболеваний, то используют понятие конкурирующего заболевания; также выделяют такие понятия, как фоновые, сопутствующие заболевания и осложнения основного заболевания [3]. Значимость коморбидности не вызывает сомнений, так как ухудшается прогноз, оказывается негативное влияние на качество жизни и увеличивается вероятность летального исхода [4].

Цель исследования – изучить частоту и структуру коморбидных состояний у ВИЧ-инфицированных больных с летальным исходом.

Материалы и методы. В исследование включено 156 пациентов в возрасте от 22 до 71 года, находящихся на диспансерном учете в Центре профилактики и борьбы со СПИД Пензенского областного клинического центра специализированных видов медицинской помощи за период 2014–2017 гг. Причиной летального исхода послужило развитие оппортунистических заболеваний вследствие прогрессирования ВИЧ-инфекции. Проведено ретроспективное изучение амбулаторных карт пациентов и протоколов патологоанатомического вскрытия; исследование соответствует этическим нормам, данные по отдельным пациентам не освещаются. Диагноз ВИЧ-инфекции был поставлен с учетом результатов исследований методами ИФА и иммуноблота, диагноз сопутствующей патологии устанавливался по результатам клинических, лабораторных, инструментальных исследований. В исследовании анализировали структуру и частоту конкурирующих, сопутствующих, фоновых и перенесенных заболеваний у умерших ВИЧ-инфицированных пациентов. Статистический анализ и обработка полученных данных проведены с помощью стандартной программы Statistica10.

Результаты и обсуждение. За период 2014–2017 гг. на территории Пензенской области летальный исход наступил у 338 больных с ВИЧ-инфекцией, в 156 случаях причиной смерти явилось прогрессирование ВИЧ-инфекции, у 174 пациентов смерть была вызвана причинами, не связанными с ВИЧ-инфекцией, у восьми больных причина смерти не была установлена. У всех 156 больных, погибших от ВИЧ-инфекции, выявлены коморбидные состояния, что является типичным для данной патологии, протекающей с выра-

© Дьячкова Е. В., Кузнецова К. С., Никольская М. В., 2019.

женным снижением иммунитета. В структуре оппортунистических инфекций наиболее часто причиной смерти послужило развитие микобактериальной инфекции – 92 (58,9 %), у 22 (14,1 %) больных, наряду с туберкулезом, отмечались конкурирующие заболевания (рис. 1).

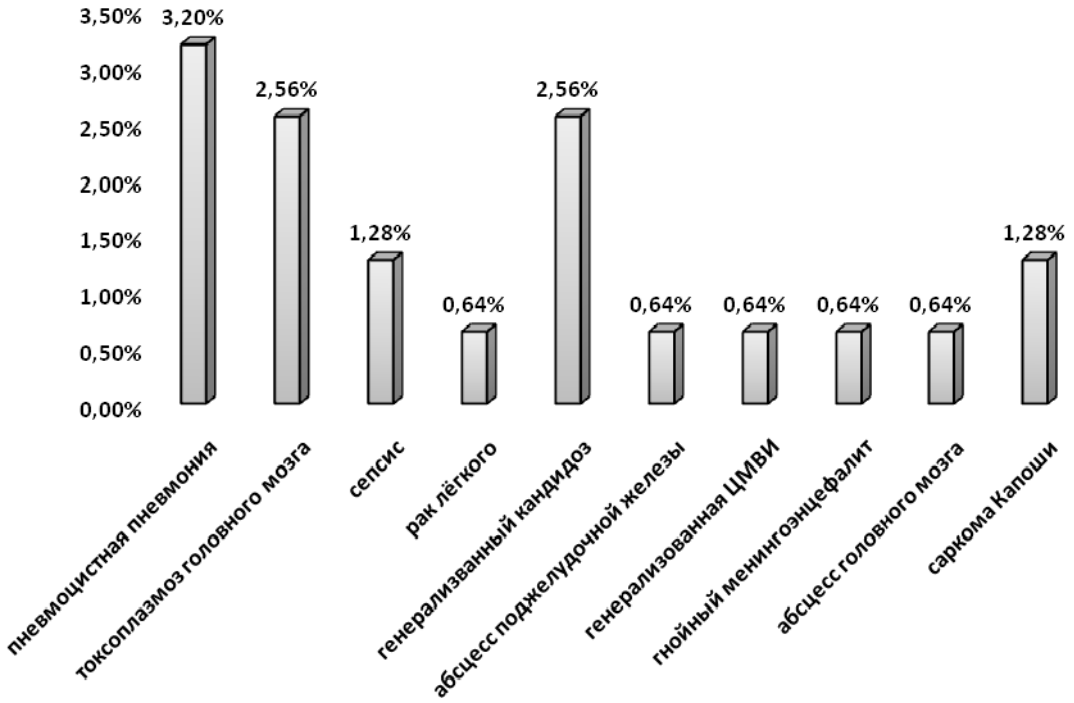


Рис. 1. Структура конкурирующих заболеваний

Среди конкурирующих заболеваний наиболее часто наблюдалось сочетание микобактериальной инфекции и пневмоцистной пневмонии – пять (3,2 %) больных; генерализованной микобактериальной инфекции с токсоплазмозом головного мозга и генерализованным кандидозом – по четыре (2,56 %) случая, у двух (1,28 %) пациентов причиной смерти послужило одновременное развитие туберкулеза и саркомы Капоши.

Среди перенесенных заболеваний наиболее часто наблюдались внебольничная пневмония (у 61,5 % больных), инфекции мочевыводящих путей, вызванные внутриклеточными возбудителями, и поражения кожи – соответственно у 19,8 и 17,3 % ВИЧ-инфицированных (табл. 1).

Таблица 1

Структура и частота перенесенных заболеваний

Нозология	Частота встречаемости (абсолютное значение, %)
Бактериальная пневмония	96 (61,5 %)
Уреаплазменная, микоплазменная, хламидиозная инфекция МВП	31 (19,8 %)
Инфаркт миокарда	18 (11,5 %)
Пиодермия, себорейный дерматит, отрубевидный лишай	27 (17,3 %)
Травмы	8 (5,1 %)
Флегмоны, абсцессы	9 (5,8 %)
Сифилис, гонорея	3 (1,9 %)
Острое нарушение мозгового кровообращения	2 (1,3 %)

Фоновая патология, имеющаяся у больного, способствует более тяжелому течению основного заболевания и может провоцировать развитие осложнений. В наблюдаемой группе фоновая патология выявлена у всех пациентов. У 100 % больных лабораторно подтверждены цитомегаловирусная и токсоплазменная инфекция; полинаркоманией и хроническим алкоголизмом страдали 92 (58,9 %) и 69 (44,2 %) ВИЧ-инфицированных соответственно.

Сопутствующая патология – заболевания, не связанные этиологически и патогенетически с основным заболеванием. При изучении анамнеза больных, умерших от ВИЧ-инфекции, выяснено, что у всех пациентов были сопутствующие нозологии (табл. 2).

Таблица 2

Структура и частота сопутствующей патологии

Нозология	Частота встречаемости (абсолютное значение, %)
Болезнь Бехтерева	1 (0,6 %)
Шизофрения	1 (0,6 %)
Псориаз	1 (0,6 %)
Хронический гепатит С	40 (25,6 %)
Хронический гепатит В	2 (1,3 %)
Микст-гепатит В+С	2 (1,3 %)
Микст-гепатит С+алкогольный гепатит	18 (11,5 %)
Цирроз печени в исходе гепатита С	13 (8,3 %)
Цирроз печени в исходе гепатита С+алкогольный гепатит	11 (7,1 %)
Цирроз печени в исходе гепатита В+С	1 (0,6 %)
Цирроз печени не вирусный	2 (1,3 %)
ЖКБ, хронический холецистит, хронический панкреатит	51 (32,7 %)
МКБ, хронический пиелонефрит, киста почки	40 (25,6 %)
ИБС, артериальная гипертензия, инфаркт миокарда	30 (19,2 %)
ХОБЛ	21 (13,5 %)
Алкогольная полинейропатия	11 (7,1 %)
Язвенная болезнь желудка и ДПК	6 (3,8 %)
Сахарный диабет 1 типа	1 (0,6 %)
Сахарный диабет 2 типа	2 (1,3 %)

Среди сопутствующих болезней преобладают заболевания печени – 89 (57,1 %), причем у 27 (17,3 %) пациентов патология выявлена на стадии цирроза. Достаточно частое обнаруживаются болезни почек – 40 (25,6 %) случаев и заболевания желудочно-кишечного тракта – 57 (36,5 %). У трех больных (1,9 %) наблюдался сахарный диабет.

Выводы:

1. У всех 156 больных, погибших от ВИЧ-инфекции, выявлены коморбидные состояния.

2. У 22 (14,1 %) больных отмечались конкурирующие заболевания. Среди конкурирующих заболеваний наиболее часто наблюдалось сочетание микобактериальной инфекции и пневмоцистной пневмонии – пять (3,2 %) больных.

3. Среди перенесенных заболеваний наиболее часто наблюдалась внебольничная пневмония – у 61,5 % больных.

4. В наблюдаемой группе фоновая патология выявлена у всех пациентов. У 100 % больных выявлены ЦМВИ и латентный токсоплазмоз.

5. Среди сопутствующих болезней преобладают заболевания печени – 89 (57,1 %).

Библиографический список

1. Официальная статистика по ВИЧ в России за 2017–2018 гг. – URL: spid-vich-zppp.ru (дата обращения: 15.12.2018).

2. Коморбидность. – URL: wikipedia.org(дата обращения 15.12.18).

3. Gijsen, R. Causes and consequences of comorbidity: a review/ R. Gijsen, Hoeymans, F. G. Schellevis, D. Ruwaard, W. A. Satariano // J. Clin. Epidemiol. – 2001. – Julyvol. 54, issue 7. – P. 661—674.

4. Белялов, Ф. И. Двенадцать тезисов коморбидности / Ф. И. Белялов // Клиническая медицина. – 2009. – № 12. – С. 69–71.

Дьячкова Елена Владимировна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: cool.enera@yandex.ru

Кузнецова Карина Сергеевна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: cuznetsOva.karina@yandex.ru

Никольская Марина Викторовна, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра микробиологии, эпидемиологии и инфекционных болезней, Пензенский государственный университет.
E-mail: missmarina1956@yandex.ru

Образец цитирования:
Дьячкова, Е. В. Коморбидные состояния при ВИЧ-инфекции / Е. В. Дьячкова, К. С. Кузнецова, М. В. Никольская // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 64–67.

УДК 616.24-002.14

Л. Н. Афтаева, В. Л. Мельников, О. Ю. Кубрина, А. А. Орешкина

ОСОБЕННОСТИ ТЕЧЕНИЯ ВНЕБОЛЬНИЧНЫХ ПНЕВМОНИЙ

Аннотация. Внебольничная пневмония остается важнейшей медицинской проблемой ввиду своей высокой распространенности и летальности. С целью изучения частоты встречаемости, клинических проявлений, результатов лабораторных и инструментальных методов диагностики, лечения пневмонии, нами проанализировано 100 историй болезни с внебольничной пневмонией. По результатам исследования установлено, что пациенты чаще госпитализируются в стационар с третьего по десятый день болезни; внебольничная пневмония чаще проявляется правосторонним поражением легких; лечение большинства пациентов проводится комбинацией цефалоспоринов с аминогликозидами или макролидами.

Ключевые слова: внебольничная пневмония, клиника, лабораторная и инструментальная диагностика, лечение.

Актуальность

Внебольничная пневмония (ВП) является одним из наиболее распространенных острых респираторных заболеваний и представляет одну из актуальных проблем в российском здравоохранении [1]. Актуальность обусловлена достаточно высокой распространенностью в популяции, эволюцией спектра возбудителей заболевания и их резистентностью к традиционным антибактериальным схемам, необходимостью алгоритмизации лечебно-диагностического подхода, а также индивидуализации медицинской помощи у каждого конкретного пациента с учетом оценки всех сопутствующих факторов (коморбидные состояния, чувствительность микрофлоры к медикаментозной терапии, тяжесть заболевания и наличие осложнений) [2]. Пневмония представляет собой комплекс патологических процессов, развивающихся в дистальных отделах легочной ткани. Основным проявлением этих процессов является инфекционное, экссудативное, реже межуточное воспаление, вызванное микроорганизмами различной этиологии и доминирующее во всей картине заболевания. С клинических позиций понятие «внебольничная пневмония» следует определить как острое инфекционное заболевание легких различной (преимущественно бактериальной) этиологии, развившееся вне больницы или в первые 48–72 ч госпитализации, сопровождаемое лихорадкой и симптомами поражения нижних дыхательных путей (одышка, кашель, физикальные данные), подтвержденное рентгенологическими методами диагностики [3].

Заболеваемость пневмониями, входящими в структуру респираторных инфекций, не только остается на высоком уровне, но имеет тенденцию к ежегодному росту [4]. Заболеваемость внебольничной пневмонией на 2016 г. составила 418,02 случая на 100 тыс. населения, что на 24 % выше, чем в предыдущем 2015 г. (337,1), и была максимальной за последние пять лет (2012 г. – 345,0; 2013 г. – 389,2; 2014 г. – 349,5) [5].

Пневмония относится к наиболее частым и серьезным заболеваниям легких у детей. В экономически благополучных странах ее частота у детей первых пяти лет жизни составляет в год в среднем от пяти до десяти случаев на 1000, в России – около 15–20 на 1000 детей первых трех лет жизни и примерно пять–шесть случаев на 1000 детей старше трех лет. При этом наиболее высокий уровень заболеваемости и летальности отмечается у новорожденных и детей первых лет жизни. Эксперты ВОЗ подчеркивают, что

© Афтаева Л. Н., Мельников В. Л., Кубрина О. Ю., Орешкина А. А., 2019.

основными предотвратимыми причинами летальных исходов при данной патологии являются поздняя верификация и отсутствие этиотропной терапии [6].

Согласно данным зарубежных эпидемиологических исследований, заболеваемость внебольничной пневмонией у взрослых (≥ 18 лет) колеблется в широком диапазоне: у лиц молодого и среднего возраста она составляет 1–11,6 %; в старших возрастных группах – 25–44 %. В течение года общее число взрослых больных (≥ 18 лет) ВП в пяти европейских странах (Великобритания, Франция, Италия, Германия, Испания) превышает 3 млн человек [7]. В России официальная статистика учитывает 400–500 тыс. больных ВП в год. Например, в 2015 г. уровень заболеваемости ВП в Российской Федерации составил 337,77 на 100 тыс. населения, а в 2016 г. – 418,18, у детей до 17 лет в 2015 г. – 600,08 на 100 тыс. населения, в 2016 г. – 688,81. В то же время результаты отдельных эпидемиологических исследований и расчетные данные позволяют предположить, что реальная заболеваемость ВП в России составляет 14–15 %, а общее число больных ежегодно превышает 1 500 000 человек [8].

В последние десятилетия имеет место снижение этиологической роли пневмококков, но отмечается увеличение числа вирусных пневмоний с тяжелым течением при возрастании заболеваемости ОРВИ и гриппом. На фоне подъема заболеваемости гриппом частота внебольничной пневмонии бактериальной этиологии в 2016 г. увеличилась на 10,3 % случаев, а вирусной этиологии – на 80 % по сравнению с 2015 г. и составила 112,4 и 6,8 случая на 100 тыс. населения соответственно [5].

Летальность при ВП оказывается наименьшей у лиц молодого и среднего возраста (1–3 %), у пациентов старше 60 лет при наличии сопутствующей патологии – до 15–30 % [9].

Цель исследования

Изучить особенности клинической картины, течение и исходы у больных с внебольничной пневмонией.

Материалы и методы

Проведен ретроспективный анализ историй болезни с направительным диагнозом «внебольничная пневмония». Сравнивались результаты клинических, рентгенологических, бактериологических и вирусологических методов исследования у всех пациентов. Для непосредственного подсчета результатов использовался пакет программ Microsoft Excel-2007. В случае нормального распределения признака для расчета средних значений использовалась формула в виде среднего и квадратичного отклонения. Если признак имел асимметричное распределение, данные приводились в виде медианы и интерквартильного промежутка.

Результаты

В ходе исследования был проведен ретроспективный анализ 100 историй болезни с диагнозом «внебольничная пневмония» у пациентов различного возраста и пола. Возрастной состав исследуемых представлен пациентами от 0 до 18 лет – 82 человека (82 %) и больными >18 лет – 18 человек (18 %). При оценке распределения больных по полу преобладали мужчины – 61 %. Средний возраст мужчин составил 12,8 ± 14,8, женщин – 18 ± 20.

При направлении больных в стационар самостоятельное обращение зарегистрировано в 15 % случаях, с направительным диагнозом «пневмония» поступили 58 % человек, ОРВИ на момент госпитализации в стационар диагностировано у 21 % больных, по 2 % из всех заболевших выявляли острый бронхит и лихорадку неясного генеза (ЛНГ), с острым тонзиллитом и ВЭБ-инфекцией направлено по 1 % больных (рис. 1).

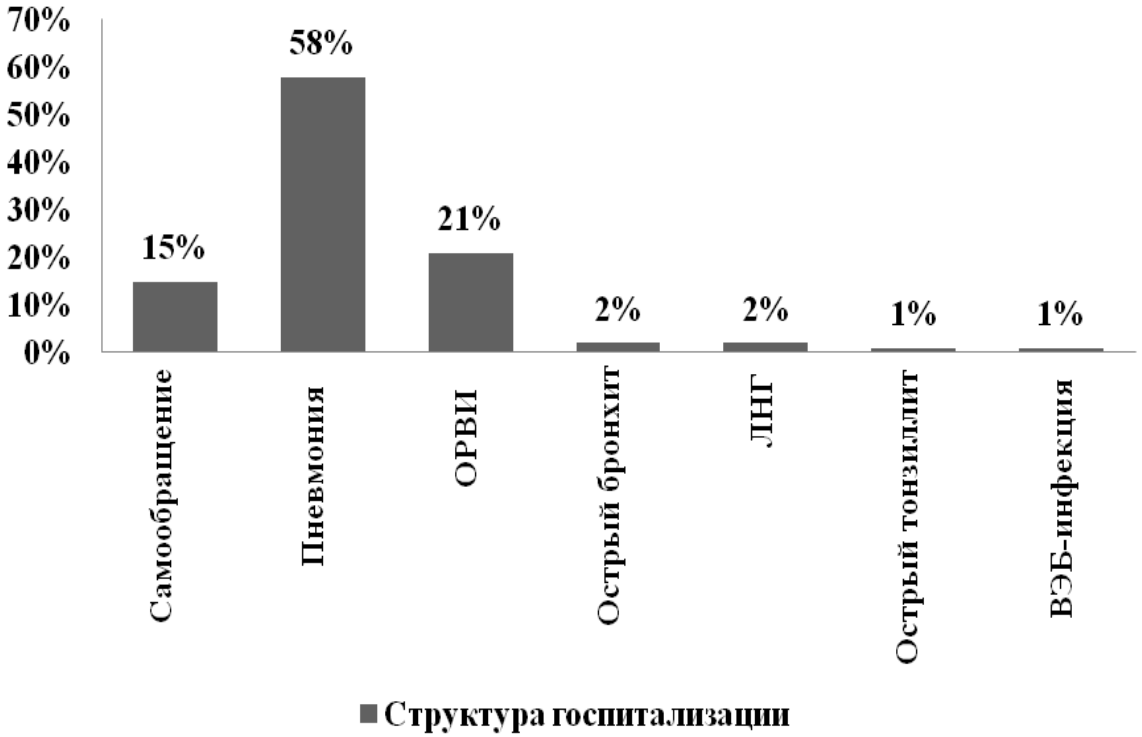


Рис. 1. Структура направительных диагнозов

Большинство пациентов госпитализированы в сроки от трех до десяти дней с момента начала заболевания – 56 % человек, 25 и 19 % заболевших направлены в стационар в срок до трех дней и после десятого дня заболевания соответственно. Средний срок госпитализации составил 8,2 ± 8,8 дня болезни, средний койко-день – 8,8 ± 4,6 дня с момента поступления.

В клинической картине преобладали кашель, лихорадка, озноб, одышка и проявления синдрома интоксикации. У 98 заболевших наблюдался кашель: у 57 пациентов зарегистрирован сухой характер кашля, у 41 больного выявлен влажный кашель.

Данные исследования показали, что температурная реакция отмечена у 52 % больных, а именно: субфебрильная температура (37–38 °С) отмечена в 38 % случаев, фебрильная лихорадка (более 38 °С) у 14 % пациентов.

При госпитализации у 12 человек определено ослабление дыхания с крепитацией, что является классическим аскультативным изменением при пневмонии. 15 пациентов из 100 поступили с нормальными физикальными данными.

Внебольничная пневмония сопровождается признаками дыхательной недостаточности (ДН). При анализе документации степень ДН не указана в 20 историях болезни (20 %). Развитие ДН 0 степени регистрировалось у большинства обследуемых больных – 70 %. ДН 1 и 2 степени устанавливалась в единичных случаях и составила 7 и 3 % соответственно. Данные о регистрации ДН 3 степени не получены. В ОРИТ были направлено все 10 % пациентов с ДН 1 и 2 степени, из них искусственная вентиляция легких потребовалась половине поступивших.

В настоящее время рентгенологическое исследование органов грудной клетки представляет собой обязательный метод диагностики для постановки диагноза «пневмония». Рентгенография была проведена 100 % больных. Правосторонняя пневмония выявлена в 45 % случаев, левостороннее поражение диагностировано у 32 % пациентов, у 19 % поступивших установлен двусторонний процесс в легких, в 4 % случаев имелись признаки бронхита (рис. 2).

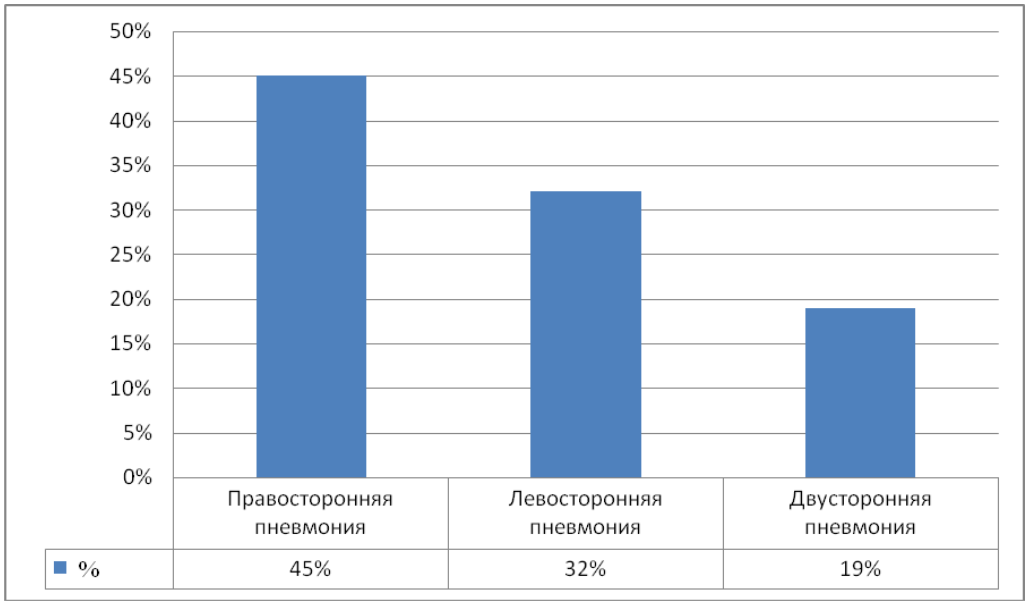


Рис. 2. Структура поражений легких

В качестве верификации возбудителя проводился бактериологический анализ мокроты и метод ПЦР с исследованием слизи из носоглотки. Бактериологическое исследование мокроты проведено 78 % пациентов, отрицательный результат получен в 12 %. В общей структуре возбудителей получено: C. albicans установлена у 18 больных, Str. Viridians выявлен в 12 случаях, N. sicca – у 11 пациентов, St. Aureus – у восьми заболевших, Str. Anginosus – у четырех больных, N. flava, Str. Pneumonia – по три результата, Str. Oralis, M. Catarrhalis, Kl. Pneumonia – два случая, и один пациент с M. Lacunata. Для ПЦР-диагностики исследовалась носоглоточная слизь. Обследованы 27 % больных, при этом отрицательные результаты ПЦР имели 10 % больных. ВЭБ-инфекция выявлена в 4 % случаев, ДНК HHV 6 типа установлен у 7 % обследованных, Infl. VirusA – среди 6 % больных.

Также проводилась оценка степени тяжести заболевания. Пневмония легкой степени тяжести диагностирована у 9 % обследуемых, средняя степень тяжести оказалась преобладающей и составила 76 % заболевших. Тяжелая форма пневмонии установлена у 15 % больных, при этом 10 % имели сопутствующую сочетанную патологию, которая могла привести к тяжелому течению. Данные сопутствующие заболевания представлены: детским церебральным параличом и спастическим тетрапарезом (два случая); инфекционным мононуклеозом микст-этиологии (у одного пациента); симптоматической эпилепсией, энцефалопатией, ИБС (по три случая); хроническим бронхитом (два заболевших); токсической кардиомиопатией и ХСН 2А стадии (по два пациента); злоупотреблением психоактивными веществами (в двух случаях); метаболическим синдромом, болезнью Дауна, цереброваскулярной патологией, синдромом Гудпасчера (по одному больному). В двух случаях тяжесть пневмонии обусловлена иммунодефицитным состоянием – ВИЧ-инфекцией 4 стадии.

У троих человек заболевание имело осложненное течение: два случая плеврита и один больной с кардиомиопатией. Для семи заболевших собственно пневмония стала осложнением гриппа типа А. Стоит отметить, что из семи данных пациентов у пятерых заболевших также имелись следующие осложнения: инфекционно-токсическая кардиомиопатия, синдром системной воспалительной реакции (ССВР), полиорганная недостаточность (ПОН), эндотоксикоз, отек-набухание головного мозга, альвеолярный отек легких, легочно-сердечная недостаточность и геморрагический синдром. Для одной па-

циентки с гриппозной пневмонией, подтвержденной лабораторно, оценить осложнения оказалось невозможно в связи с отсутствием результатов патологоанатомического вскрытия. В двух случаях пневмония протекала на фоне ВИЧ-инфекции 4 стадии и осложнилась эндотоксикозом, ССВР, ПОН, отеком легких, отеком-набуханием головного мозга, белково-энергетической недостаточностью и кахексией.

Антибактериальная терапия проводилась эмпирически с использованием сочетаний антибиотиков (цефалоспорины, макролиды, аминогликозиды). Сочетанная терапия цефалоспоринами и аминогликозидами была назначена 32 больным; у 29 пациентов использовалась комбинация цефалоспоринов и макролидов; лечение только цефалоспоринами III поколения проводилось у 25 заболевших. При безуспешности изначальной эмпирической терапии в последующем были назначены восьми пациентам – фторхинолоны (ципрофлоксацин; левофлоксацин), двум заболевшим дополнительно назначены карбапенемы, одному пациенту – тетрациклины. У одного больного лечение проводилось макролидами II поколения в связи с положительной аллергопробой на цефтриаксон; двум заболевшим было назначено сочетание трех антибактериальных препаратов.

Летальный исход зарегистрирован у девяти больных: один случай (в детской возрастной группе 15 лет) – двусторонняя полисегментарная субтотальная внебольничная пневмония с тяжелым течением, пять случаев – вирусная этиология возбудителя (вирус гриппа серотипа группы А, подтипа H1N1), два случая – пневмоцистная пневмония на фоне ВИЧ-инфекции, в одном случае имело место расхождение клинического и патологоанатомического диагнозов.

Выводы

1. В среднем пациенты госпитализируются в стационар в сроки от трех до десяти дней.
2. Обнаружено преимущественно правостороннее поражение легких (45 %).
3. Чаще внебольничная пневмония имела среднюю степень тяжести.
4. Пневмония вирусной этиологии имела тяжелое, осложненное течение (пять из семи случаев) и для пяти пациентов закончилась летальным исходом.
5. У 10 из 15 пациентов тяжесть заболевания обусловлена сопутствующим коморбидным фоном.
6. В лечении ВП чаще всего применялась комбинация цефалоспоринов и аминогликозидов (32 %) и сочетание цефалоспоринов и макролидов (29 %).

Библиографический список

1. Лещенко, И. В. Внебольничная пневмония: факторы риска неблагоприятного исхода и результаты внедрения территориального стандарта в Свердловской области / И. В. Лещенко, Н. М. Трифанова //Доктор.ру. – 2010. – № 6 (57). – С. 57–63.

2. Прохоров, А. В. Внебольничная пневмония: актуальные проблемы и пути решения (обзор иностранной литературы) / А. В. Прохоров, Н. Д. Прохорова, А. А. Шевелев // Известия российской военно-медицинской академии. – 2017. – № 2. – С. 9–14.

3. Сюткина, Я. А. Внебольничная пневмония у детей, ассоциированная с вирусной инфекцией, и опыт ее реабилитации / Я. А. Сюткина, Н. В. Минаева // Здоровье семьи – 21 век. – 2012. – № 3 (3). – 22 с.

4. Олейник, Н. А. Катамнез детей, перенесших внебольничную пневмонию / Н. А. Олейник, Ф. П. Романюк // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова. – 2016. – № 2. – С. 89–94.

5. Афтаева, Л. Н. Клинические проявления внебольничной пневмонии / Л. Н. Афтаева, В. Л. Мельников, О. Ю. Кубрина, А. А. Орешкина, Ю. В. Червякова // Устойчивое развитие науки и образования. – 2019. – № 2. – С. 258–264.

6. Заплатников, А. Л. Внебольничная пневмония у детей раннего возраста: проблемы диагностики, этиотропной терапии и современные возможности иммунопрофилактики / А. Л. Заплатников, Н. В. Короид // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. – 2011. – № 2 (57). – С. 47–50.

7. Чучалин, А. Г. Внебольничная пневмония у взрослых: практические рекомендации по диагностике, лечению и профилактике / А. Г. Чучалин, А. И. Синопальников, Р. С. Козлов. – Москва : Медицина, 2010. – 106 с.

8. Зайцев, А. А. Внебольничная пневмония: эпидемиология, диагностика и антимикробная терапия / А. А. Зайцев // Терапия. – 2018. – № 1 (19). – С. 63–71.

9. Яковенко, О. Н. Особенности эпидемиологии внебольничных пневмоний / О. Н. Яковенко, Н. А. Кравченко // Сибирский медицинский журнал. – 2014. – № 2. – С. 8–11.

Афтаева Лариса Николаевна, кандидат медицинских наук, доцент, кафедра микробиологии, эпидемиологии и инфекционных болезней, Пензенский государственный университет.
E-mail: l.aftaeva@mail.ru

Мельников Виктор Львович, доктор медицинских наук, заведующий кафедрой микробиологии, эпидемиологии и инфекционных болезней, Пензенский государственный университет.
E-mail: meib@pnzgu.ru

Кубрина Ольга Юрьевна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: ooolya1@mail.ru

Орешкина Анастасия Александровна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: anast.oreschckina@yandex.ru

Образец цитирования:
Афтаева, Л. Н. Особенности течения внебольничных пневмоний / Л. Н. Афтаева, В. Л. Мельников, О. Ю. Кубрина, А. А. Орешкина // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 68–73.

УДК 616.315-007.254

М. В. Лебедев, К. И. Керимова, И. Ю. Захарова

ЧАСТОТА И СТРУКТУРА ВРОЖДЕННЫХ ПОРОКОВ РАЗВИТИЯ ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТДЕЛЕНИЯ ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВОЙ ХИРУРГИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ им. Н. Н. БУРДЕНКО)

Аннотация. Ретроспективно проанализированы 22 истории болезни пациентов с врожденными пороками развития челюстно-лицевой области, обратившихся с 2016 по 2018 г. в отделение челюстно-лицевой хирургии Пензенской областной клинической больницы им. Н. Н. Бурденко.

Ключевые слова: врожденный порок, челюстно-лицевая область.

Врожденные пороки развития челюстно-лицевой области (ЧЛО) в антенатальной патологии по частоте распространенности занимают второе место среди всех врожденных пороков развития человека [1]. По опубликованным данным Всемирной организации здравоохранения, средняя частота встречаемости врожденной расщелины губы и нёба – 1,3 случая на 1000 новорожденных [2]. В разных регионах России частота рождаемости детей с данным врожденным пороком варьирует от 0,6 до 2 случаев на 1000 новорожденных. Врожденные расщелины губ и неба составляют более 75 % пороков, возникающих в ЧЛО [3].

В ходе ретроспективного исследования проведен анализ частоты и структуры врожденных пороков развития ЧЛО пациентов, обратившихся в отделение челюстно-лицевой хирургии Пензенской областной клинической больницы им. Н. Н. Бурденко в период с 2016 по 2018 г., обработаны 22 истории болезни.

В разрезе лет динамика обращений была следующая: 2016 г. – 13,6 %, 2017 г. – 40,9 %, 2018 г. – 45,5 %. Возраст пациентов, обращавшихся за помощью, – от двух месяцев до одного года (81,8 %), от одного года до пяти лет (13,7 %), от пяти до десяти лет (4,5 %) (рис. 1).

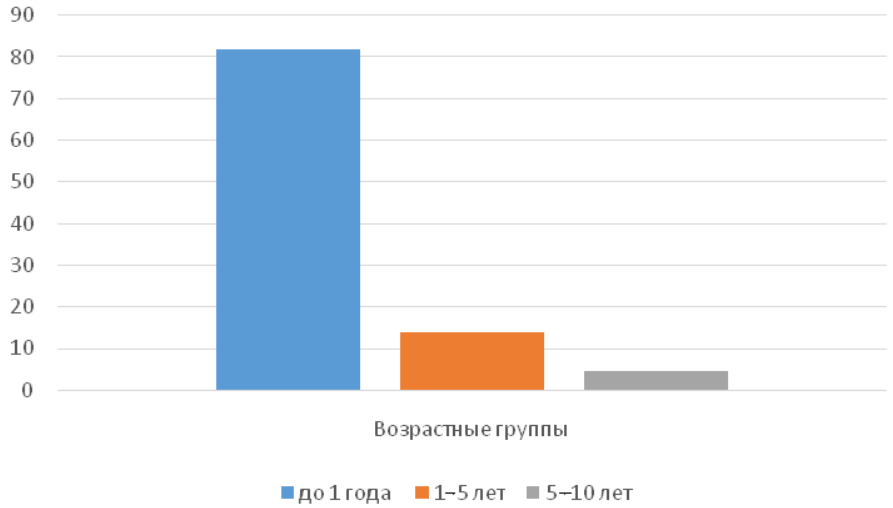


Рис. 1. Распределение детей с врожденными пороками ЧЛО по возрасту

© Лебедев М. В., Керимова К. И., Захарова И. Ю., 2019.

Низкая обращаемость пациентов в возрасте старше пяти лет обусловлена успешным проведением оперативных вмешательств по поводу врожденной патологии ЧЛО на более ранних сроках.

У пациентов, обратившихся в период с 2016 по 2018 г., диагностировались следующие формы врожденной патологии ЧЛО: изолированная полная расщелина нёба – 36,4 %, изолированная неполная расщелина верхней губы – 36,4 %, врожденная изолированная неполная расщелина нёба – 22,7 %, врожденная полная сквозная расщелина губы и нёба 4,5 % (рис. 2–4).

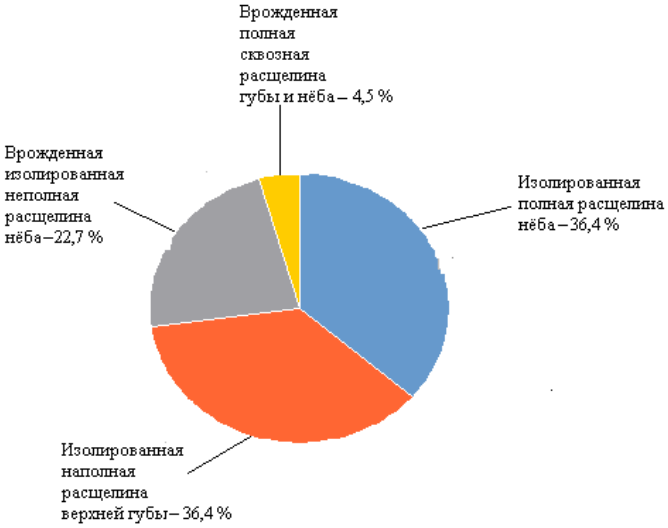


Рис. 2. Формы врожденных пороков ЧЛО

Рис. 3. Внешний вид пациента с расщелиной верхней губы

Рис. 4. Вид пациента с врожденной полной расщелиной нёба

После проведения оперативных вмешательств в 93 % случаев наблюдалось выздоровление.

Врожденные пороки развития челюстно-лицевой области являются причиной как эстетических, так и функциональных нарушений, что приводит к инвалидизации ребенка с первых дней жизни. У детей данной категории регистрируется высокая распространенность сопутствующих заболеваний (заболевая ЛОР-органов, органов желудочно-кишечного тракта, дыхательной, сердечно-сосудистой и центральной нервной систем) [4]. Ранняя диагностика и оперативное лечение способствуют восстановлению функционирования челюстно-лицевой области и сокращают вероятность социальной дезадаптации детей.

Библиографический список

1. Супиев, Т. К. Врожденная расщелина верхней губы и нёба / Т. К. Супиев, Ад. Мамедов, Н. Г. Негаметзянов. – Алматы : КазНМУ, 2013. – 496 с.

2. Данилова, М. А. Сорокалетний опыт комплексного лечения и реабилитации детей с врожденной патологией челюстно-лицевой области в стоматологической поликлинике ПГМУ / М. А. Данилова, О. В. Поздеева, Л. И. Александрова // Актуальные вопросы педиатрии : материалы межрегион. науч.-практ. конф. с международным участием. – Пермь, 2017. – С. 55–58.

3. Чуйкин, С. В. Клинико-анатомические формы врождённой расщелины верхней губы и нёба / С. В. Чуйкин // Уральский медицинский журнал. – 2014. – № 5 (119). – С. 85–87.

4. Токарев, П. В. Комплексный подход в лечении детей с врожденными расщелинами верхней губы и нёба в Республике Татарстан / П. В. Токарев, А. В. Шулаев, Л. В. Плаксина // Вестник современной клинической медицины. – 2015. – Т. 8, № 3. – С. 52–56.

Лебедев Марат Владимирович, кандидат медицинских наук, заведующий отделением челюстно-лицевой хирургии, Пензенская областная клиническая больница им. Н. Н. Бурденко; доцент, кафедра челюстно-лицевой хирургии, Пензенский государственный университет.
E-mail: mrtlebedev@rambler.ru

Керимова Карина Исхаковна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: karina.keri@mail.ru

Захарова Ирина Юрьевна, врач, челюстно-лицевой хирург, Пензенская областная клиническая больница им. Н. Н. Бурденко; ассистент, кафедра челюстно-лицевой хирургии, Пензенский государственный университет.
E-mail: izakharova@mail.ru

Образец цитирования:
Лебедев, М. В. Частота и структура врожденных пороков развития челюстно-лицевой области (по материалам отделения челюстно-лицевой хирургии Пензенской областной клинической больницы им. Н. Н. Бурденко) / М. В. Лебедев, К. И. Керимова, И. Ю. Захарова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 74–76.

УДК 616.316.5

М. В. Лебедев, И. Ю. Захарова, К. И. Керимова

ПЛЕОМОРФНАЯ АДЕНОМА ОКОЛОУШНОЙ СЛЮННОЙ ЖЕЛЕЗЫ

Аннотация. Рассмотрены этиологии, клинические картины, диагностики и методы лечения плеоморфной аденомы околоушной слюнной железы. В настоящее время плеоморфная аденома околоушной слюнной железы является преобладающей формой среди опухолей слюнных желез. Медленный рост, скудная симптоматика приводят к поздней диагностике и значительному поражению околоушной слюнной железы. В процессе хирургического лечения опухоли возникает ряд трудностей, связанных с прохождением в толще железы магистральных сосудов и нервных стволов.

Ключевые слова: плеоморфная аденома, околоушная слюнная железа.

Опухоли слюнных желез, по данным исследований отечественных и зарубежных авторов, составляют 3 % от всех опухолей организма, это 2–4 % всех опухолей головы и шеи. Новообразования околоушных слюнных желез занимают 1–3 % от всех опухолей головы и шеи [1].

Околоушная слюнная железа является самой крупной парной слюнной железой. По характеру выделяемого секрета относится к серозным железам. Локализована непосредственно под кожей, спереди и книзу от ушной раковины, на боковой поверхности нижней челюсти, у заднего края жевательной мышцы. Железу покрывает околоушно-жевательная фасция, которая вдается внутрь железы и делит ее на дольки. По форме железа может быть полулунной, треугольной, овальной или трапециевидной. В толще железы располагаются шесть–восемь лимфатических узлов. Через околоушную слюнную железу проходят внутренняя и наружная сонные артерии, занижнечелюстная и внутренняя яремные вены, ствол лицевого нерва. Иннервация осуществляется ушно-височным нервом и ветвями верхнего шейного симпатического узла в области наружной сонной артерии. Выводной проток железы (Стенонов) открывается в полость рта на уровне второго моляра верхней челюсти [2].

Среди новообразований околоушных слюнных желез наиболее часто встречаются доброкачественные опухоли (75–80 %). Самым распространенным доброкачественным новообразованием является плеоморфная аденома (70–93 %). Чаще всего плеоморфная аденома диагностируется у женщин 30–60 лет. Пятилетняя выживаемость после хирургического лечения составляет 50 %. В 10 % случаев встречаются рецидивы, малигнизация наблюдается в 3,6–30 % случаев.

Этиология плеоморфной аденомы околоушной слюнной железы окончательно не выяснена. Воспалительные заболевания, гормональные нарушения, генетическая предрасположенность являются факторами риска, повышающими вероятность ее образования [3].

Пациенты с плеоморфной аденомой продолжительное время не предъявляют жалоб, опухоль, как правило, диагностируется случайно. Новообразование плотной консистенции располагается в занижнечелюстной ямке, имеет округлую форму с ровной поверхностью. При пальпации безболезненно, относительно подвижно (рис. 1) [4].

При проведении сиалографии обнаруживается оттеснение протоков околоушных слюнных желез, которые расходятся, образуя округлый контур, определяется наличие дефекта наполнения железы.

© Лебедев М. В., Захарова И. Ю., Керимова К. И., 2019.

Рис. 1. Вид плеоморфной аденомы околоушной слюнной железы до операции

Эндоскопическое исследование – сиалоэндоскопия или рентгеносиалодуктоскопия – позволяет выявить минимальные опухолевые процессы потоковой системы околоушных слюнных желез. С помощью ультразвукового исследования определяют объем, структуру и топографические особенности образования. На компьютерной томограмме (КТ) плеоморфная аденома имеет вид одиночного образования округлой формы, в большинстве случаев с четкими границами и ровными контурами (рис. 2).

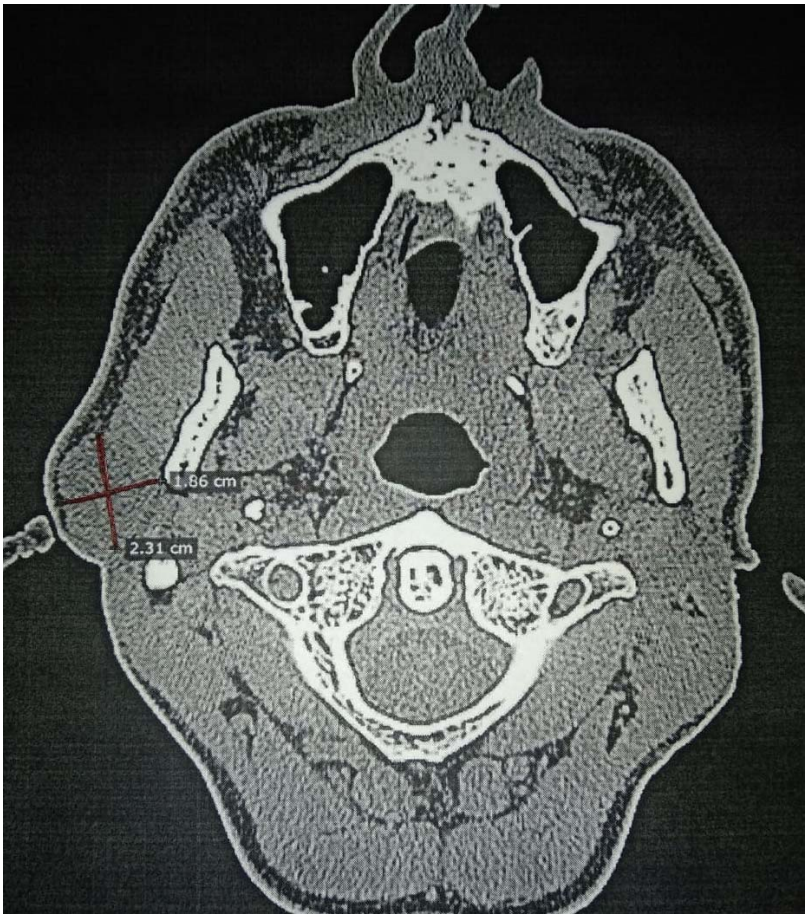


Рис. 2. КТ плеоморфной аденомы околоушной слюнной железы

Лечение плеоморфной аденомы околоушной слюнной железы производится только хирургическим методом в условиях челюстно-лицевого стационара. Способ оперативного лечения зависит от расположения опухоли относительно лицевого нерва. При расположении новообразования вблизи основного ствола лицевого нерва проводят субтотальную резекцию околоушной слюнной железы, в ходе которой выделяют периферические ветви лицевого нерва по Ковтуновичу. Если плеоморфная аденома располагается ближе к краю железы, производят субтотальное удаление железы с новообразованием по Редону. Операция заключается в выделении основного ствола лицевого нерва с постепенным продвижением к опухоли и выделением соответствующей доли околоушной слюнной железы.

Самым распространенным осложнением хирургического лечения плеоморфной аденомы околоушной слюнной железы является неврит лицевого нерва вследствие его прохождения через железу. Также наблюдается убыль существенного объема тканей, и в послеоперационном периоде образуется западение контура лица.

После проведения хирургического лечения прогноз в большинстве случаев благоприятный. Рецидивы возникают только у 35 % пациентов, чаще всего при нарушении техники оперирования, заключающемся в недостаточном объеме резецируемых тканей.

Библиографический список

1. Агеев, И. С. Анализ больных с новообразованиями околоушных слюнных желез (по материалам Пензенской области) / И. С. Агеев, А. А. Гришаев, С. П. Панюшов, В. Б. Тюмин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. – 2007. – № 4. – С. 51–54.

2. Афанасьев, В. В. Слюнные железы. Болезни и травмы: руководство для врачей / В. В. Афанасьев. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 296 с.

3. Пачес, А. И. Опухоли слюнных желез / А. И. Пачес, Т. Д. Таболинская. – Москва : Практическая медицина, 2009. – 470 с.

4. Штраубе, Г. И. Результаты диагностики и хирургического лечения доброкачественных опухолей слюнных желез / Г. И. Штраубе, В. П. Василюк, С. А. Кочержук, В. И. Хохряков // Здоровье семьи – 21 век. – 2012. – Т. 2, № 2. – С. 21.

Лебедев Марат Владимирович, кандидат медицинских наук, заведующий отделением челюстно-лицевой хирургии, Пензенская областная клиническая больница им. Н. Н. Бурденко; доцент, кафедра челюстно-лицевой хирургии, Пензенский государственный университет.
E-mail: mrtlebedev@rambler.ru

Захарова Ирина Юрьевна, врач, челюстно-лицевой хирург, Пензенская областная клиническая больница им. Н. Н. Бурденко; ассистент, кафедра челюстно-лицевой хирургии, Пензенский государственный университет.
E-mail: izakharova@mail.ru

Керимова Карина Исхаковна, студентка, Пензенский государственный университет.
E-mail: karina.keri@mail.ru

Образец цитирования:
Лебедев, М. В. Плеоморфная аденома околоушной слюнной железы / М. В. Лебедев, И. Ю. Захарова, К. И. Керимова // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 77–79.

УДК 616-076

Д. А. Степанов, М. Г. Федорова, Н. С. Аверкин

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТОМАТОЛОГИИ

Аннотация. Проведен анализ литературы, касающейся вопросов морфологических исследований в стоматологии. Широкая распространенность поражений слизистой оболочки, разнообразие нозологических форм и их связь с системными патологиями, трудности в диагностике заболеваний обусловливают актуальность рассмотрения спектра наиболее информативных диагностических методов, таких как гистологический и цитологический методы, вариантов проведения, их положительных сторон и недостатков, области применения. Проделанная работа показала, что врач-стоматолог располагает незаменимой группой морфологических исследований, которые необходимо использовать в клинической практике, так как эффективное лечение заболеваний слизистой оболочки полости рта начинается с правильной диагностики.

Ключевые слова: цитологический метод, гистологический метод, биопсия.

Введение

В настоящее время заболевания слизистой оболочки полости рта являются важной проблемой стоматологии. Это обусловлено широкой распространенностью поражений слизистой оболочки, разнообразием нозологических форм и их связью с системными патологиями, трудностями в диагностике и лечении, успех которого зависит от правильности поставленного диагноза. Особо стоит тема онконастороженности в стоматологии. В имеющихся отечественных работах по анализу причин запущенности онкологических заболеваний наиболее частой установлена низкая грамотность специалистов в плане верификации диагноза и дополнительных методов обследования. Многие заболевания слизистой оболочки полости рта (СОПР) можно диагностировать уже на приеме пациента. Как правило, обследование включает сбор анамнеза, визуальную и тактильную оценку мягких тканей полости рта – расположение, размер, цвет и консистенция или текстура поражения. Однако для подтверждения предварительного диагноза требуется проведение дополнительных диагностических процедур. Данные обстоятельства определяют актуальность рассмотрения спектра наиболее информативных диагностических методик, которыми располагает врач-стоматолог. Среди прочего к ним относятся цитологическое и гистологическое исследования, формирующие группу морфологических методов диагностики [1–4].

Цитологический метод

Цитология дает возможность определить тонкую морфологическую структуру клеток. Взятие материала для данного исследования осуществляется путем отпечатка, соскоба с пораженной слизистой оболочки, серийных полосканий, а также при помощи пункции.

Подготовка препаратов-отпечатков заключается в следующем: предварительно необходимо освободить эрозивную или изъязвленную поверхность от гнойного налета и некротических масс, а затем следует прикладывание стерильного, сухого и обезжиренного предметного стекла к исследуемому участку. В случае расположения эрозии или язвы в труднодоступных местах, с которых взять отпечаток невозможно, выполняется соскоб. Соскоб берется металлическим стоматологическим шпателем или гладилкой, малой кю-

© Степанов Д. А., Федорова М. Г., Аверкин Н. С., 2019.

ретажной ложкой (рис. 1) [5]. Первые два инструмента чаще используют при заборе материала с патологически измененных поверхностей, малую кюретажную ложку – для взятия материала из свищевых ходов. Из взятого материала готовится препарат, который в дальнейшем изучается в цитологической лаборатории [6, 7].

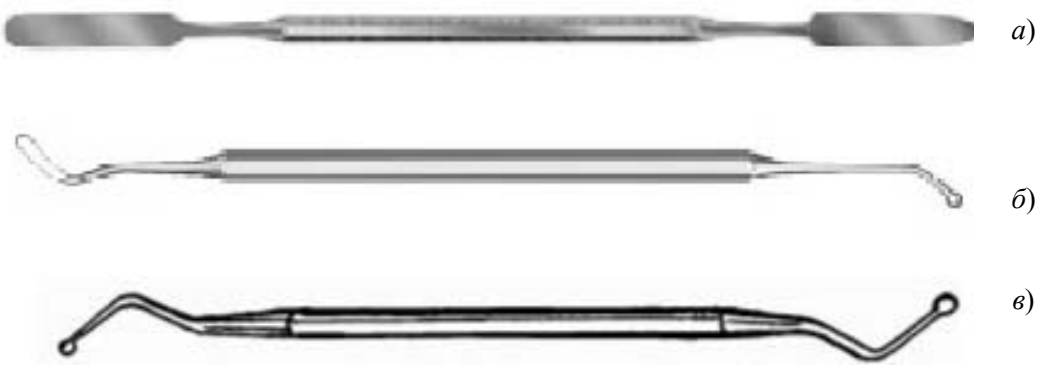


Рис. 1. Стоматологический инструментарий:
а) металлический стоматологический шпатель;
б) гладилка шаровидная; в) кюретажная ложка

Преимущества данного метода в относительной простоте выполнения, малой травматичности для пациента, быстром получении результатов исследования. Недостатками являются трудности трактовки в ряде случаев результатов исследования.

Гистологический метод

Основывается гистологический метод на заборе тканей (биоптата) с последующим изучением их строения. Материалом для исследования служат участки, которые могут быть получены в результате оперативного лечения или плановой биопсии. К биопсии обычно прибегают с целью распознавания опухолевых, преднеопластических и других заболеваний мягких тканей; выявления происхождения язв, которые не заживают в течение двух недель; определения характера поражений, которые не регрессируют после терапии [8].

Биопсии по технике исполнения подразделяются на пункционную, инцизионную, эксцизионную. Для пункции органа (новообразования) пользуются иглами длиной 6–8 см, при трепанации кости можно использовать иглу Куликовского (рис. 2) [9].

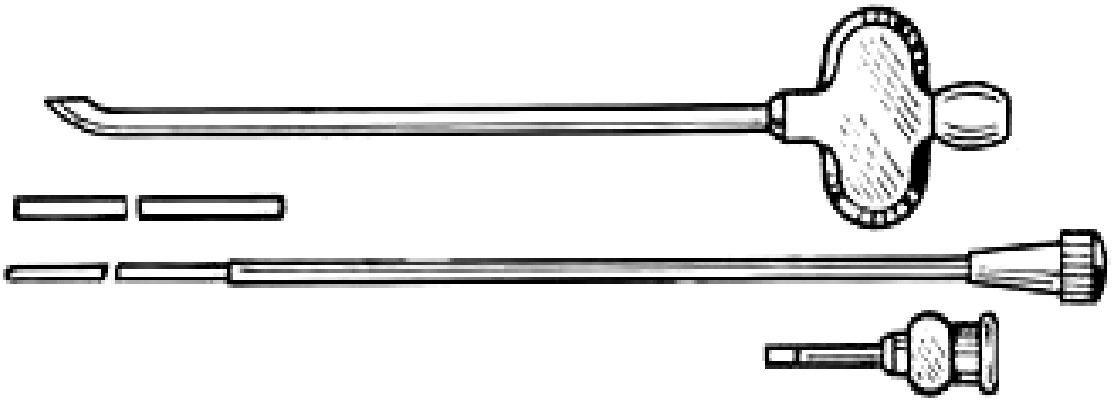


Рис. 2. Игла Куликовского

При пункции игла должна находиться в глубине исследуемого образования. Аспирация осуществляется так, чтобы в полость цилиндра пунктат не попадал, им заполняют

лишь просвет иглы. Для этого после совершения поршнем нескольких всасывающих движений отсоединяют шприц, приводят в исходное положение поршень. После заполнения просвета иглы пунктатом шприц отсоединяют, а иглу извлекают из тканей. Оставшийся в игле столбик материала наносят на стекло и отправляют на гистологическое исследование. При инцизионной биопсии иссекается один или несколько участков органа, при этом необходимо, чтобы в составе иссекаемой ткани были как пораженные, так и здоровые участки. Это дает возможность получить представление не только о патологически измененных тканях, но и о состоянии окружающих здоровых, а при новообразованиях – об их отношении к пограничным тканям. Эксцизионная биопсия заключается в удалении всего пораженного органа, что позволяет одновременно провести диагностическую и терапевтическую процедуры [10–12].

В зависимости от клинических сроков биопсия может быть классифицирована как интраоперационная или экстраоперационная. Интраоперационная биопсия позволяет быстро поставить гистопатологический диагноз. Отобранный материал обрабатывается без фиксации, замораживается сухим льдом. Замораживание при температуре от –40 °С до –60 °С создает консистенцию ткани, которая позволяет подготовить препарат с использованием микротома. Качество препарата при этом низкое, анализ сложнее. Однако результат можно получить в течение короткого периода времени, что позволяет хирургу продолжить операцию по мере необходимости. Эта процедура показана, когда имеются подозрения на злокачественную опухоль, и решение об операции зависит от результатов интраоперационной биопсии. Но методика не всегда надежна, и, если есть сомнения в диагнозе, хирургическое вмешательство откладывается до тех пор, пока не будут получены окончательные результаты исследования ткани. Экстраоперационная биопсия требует более длительного времени проведения подготовки микроскопических препаратов, которая заключается в том, что образец фиксированной ткани обрабатывается, заливается в парафин, микротомом готовятся тонкие срезы, которые затем окрашивают. При данном варианте исполнения препараты получаются лучшего качества, чем замороженные образцы, и поэтому гистопатологическая оценка их легче. Выбор метода окрашивания зависит от типа ткани, проводимого гистологического исследования [13, 14].

Достижения современной медицины позволяют провести биопсию полости рта с использованием двух разных инструментов – скальпеля, электрохирургических и лазерных аппаратов. Скальпель позволяет получить фрагмент ткани, характеризующийся наличием четко очерченных периинцизионных краев без структурных изменений. Однако эта операция всегда требует анестезии и наложения швов, а операционное поле небескровно. Лазерные устройства основаны на использовании излучения с различной длиной волны. Лазеры, используемые для выполнения биопсии, имеют несколько преимуществ перед скальпелем. Фактически в результате их применения осуществляется хороший гемостаз, наблюдается более быстрое заживление. Электрохирургические и лазерные аппараты создают тепловые артефакты, которые могут препятствовать гистологической интерпретации. Например, отмечаются клеточные изменения, изменения соединительной ткани (некроз, денатурация коллагена). Соответственно, эти методы следует использовать с осторожностью для диагностической биопсии. Если использование данных инструментов имеет много преимуществ по сравнению со скальпелем, риск поставить под угрозу результаты гистологического анализа из-за теплового воздействия на периинцизионную область все еще вызывает сомнения при выборе инструмента для биопсии [15, 16].

В зарубежной литературе систематизированы данные в виде рекомендаций, в которых отражен вид биопсии, используемый для подтверждения определенного клинического диагноза. Так, например, при постановке лейкоплакии/эритроплакии проводят инцизионную или пункционную биопсию, при фиброэпителиальном полипе, пиогенной гранулеме, эпулисе – эксцизионную биопсию [17].

Отмечаются ситуации, когда между клиническим предварительным диагнозом и результатами гистопатологических исследований возникает несоответствие, при этом последний считается золотым стандартом диагностики поражений слизистой оболочки рта. Имеются исследования, направленные на оценку степени подтверждения клинического диагноза гистопатологическим диагнозом. Наибольшая степень соответствия диагнозов наблюдалась для периапикальных поражений (92,6 %), потенциально злокачественных заболеваний (90,1 %), а низкая степень – для мезенхимальных опухолей (25,0 %) [18, 19].

Установленные расхождения являются результатом методологических различий в критериях, используемых для диагностики, а также зависят от уровня знаний о клинике, патогномоничных признаках заболеваний, наличия опыта, внимательности специалиста.

Основным методом выявления измененной СОПР является клинический осмотр, проводимый стоматологом. Этот метод имеет достаточно высокую чувствительность (0,85) и специфичность. Рак ротовой полости составляет около 3 % всех злокачественных новообразований, диагностируемых ежегодно у 270 000 пациентов во всем мире. Обращает на себя внимание высокая распространенность среди потенциально злокачественных заболеваний лейкоплакии. Несмотря на высокую чувствительность и специфичность клинического осмотра, проводимого стоматологом при тщательном соблюдении протокола, для окончательного установления диагноза требуется проведение морфологического исследования. Гистологически лейкоплакия может определяться гиперплазией и (или) дисплазией, признаки инвазии должны отсутствовать. Диспластические изменения считаются прогностическим критерием потенциально злокачественных заболеваний. Так, при отсутствии дисплазии возможность злокачественной трансформации лейкоплакии составит около 1 %, а с дисплазией риск озлокачествления выше – 15–17 %. Определенные значения частоты малигнизации лейкоплакии отличаются в разных исследованиях [20–22].

Таким образом, врач-стоматолог располагает незаменимой группой морфологических исследований, которые необходимо использовать в своей клинической практике, так как эффективное лечение заболеваний слизистой оболочки полости рта начинается с правильной диагностики.

Библиографический список

1. Гажва, С. И. Взаимосвязь заболеваний внутренних органов и состояния полости рта / С. И. Гажва, Н. А. Иголкина // Терапевтический архив. – 2013. – № 85 (10).– С. 116–118.

2. Гажва, С. И. Поражения слизистой оболочки полости рта и их структура при системных заболеваниях / С. И. Гажва, Н. С. Касумов, Д. М. Зызов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – С. 41–44.

3. Гилева, О. С. Структура, факторы риска и клинические особенности заболеваний слизистой оболочки полости рта (по данным лечебно-консультативного приема) / О. С. Гилева, Е. Н. Смирнова, А. А. Позднякова [и др.] // Пермский медицинский журнал. – 2012. – № 6. – С. 18–24.

4. Искакова, М. К. Удельный вес заболеваний слизистой оболочки полости рта среди часто встречающихся стоматологических заболеваний / М. К. Искакова, А. Е. Заркумова, Г. К. Нурмухамбетова // Вестник Казахского Национального медицинского университета. – 2018. – № 1. – С. 188–192.

5. Пропедевтическая стоматология / под ред. Э. А. Базикяна, О. О. Янушевича. – 2-е изд. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2013. – 640 с.

6. Монаков, В. А. Цитологическая динамика гнойных ран челюстно-лицевой области при вакуумно-промывном дренировании / В. А. Монаков, А. Л. Савельев, И. А. Селезнева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 11–1. – С. 41–46.

7. Юрмазов, Н. Б. Выбор оптимального метода дооперационной диагностики опухолей слюнных желез в клинике челюстно-лицевой хирургии / Н. Б. Юрмазов, Н. В. Малков, П. Н. Фиалко, Е. П. Хорошко // Медицина в Кузбассе. – 2008. – № 3. – С. 20–22.

8. Ephros, H. Oral Tissue Biopsy / H. Ephros // Medscape. – 2018. – P. 1–13.

9. Классификация медицинских игл по строению // Studwood. – URL: https://studwood.ru (дата обращения: 18.05.2019).

10. Avon, S. L. Oral Soft-Tissue Biopsy: An Overview / S. L. Avon, H. Klieb // J. Can. Dent. Assoc. – 2012. – Vol. 78 (75). – P. 1–9.

11. Logan, R. M. Biopsy of the oral mucosa and use of histopathology services / R. M. Logan, A. N. Goss // Australian Dental Journal. – 2010. – Vol. 55. – P. 9–13.

12. Melrose, R. J. The use of biopsy in dental practice: the position of the American Academy of Oral and Maxillofacial Pathology / R. J. Melrose, J. P. Handlers, S. Kerpel // General Dentistry. – 2007. – Vol. 55, № 5. – P. 457–461.

13. Oral Surgery / D. Fragiskos. – Berlin : Springer, 2007. – 380 p.

14. Mota-Ramírez, A. Oral biopsy in dental practice / A. Mota-Ramírez, J. Silvestre, J. M. Simó // Med. Oral Patol. Oral Cir. Bucal. – 2007. – Vol. 12 (7). – P. 504–510.

15. Romeo, U. Biopsy of different oral soft tissues lesions by KTP and diode laser: histological evaluation / U. Romeo, C. Russo, G. Palaia [et al.] // The Scientific World Journal. – 2014. – Article ID 761704. doi: 10.1155/2014/761704

16. Tomov, G. T. Pathomorphological Distinction Between Er: YAG And Diode Lasers On The Excisional Biopsy Of The Oral Mucosa / G. T. Tomov, S. Y. Bachurska, D. A. Tashkova, G. P. Ivanov // RMOJ. – 2013. – Vol. 2 (1). – P. 107–111.

17. Oliver, R. J. Oral biopsies: methods and applications / R. J. Oliver, P. Sloan, M. N. Pemberton // British Dental Journal. – 2004. – Vol. 196. – P. 329–333.

18. Mendez, M. Agreement between clinical and histopathologic diagnoses and completeness of oral biopsy forms / M. Mendez, A. N. Haas, P. V. Rados, M. S. Filho // Braz. Oral Res. – 2016. – Vol. 30 (1). – P. 94–104.

19. Patel, K. J. Concordance between clinical and histopathologic diagnoses of oral mucosal lesions / K. J. Patel, H. L. De Silva, D. C. Tong, R. M. Love // J. Oral Maxillofac. Surg. – 2011. – Vol. 69 (1). – P. 125–33.

20. Kolenko, Y. G. Precancerous diseases in the structure of oral mucosa pathology / Y. G. Kolenko // European science review. – 2016. – Vol. 1. – P. 67–69.

21. Mortazavi, H. Oral Potentially Malignant Disorders: An Overview of More than 20 Entities / H. Mortazavi, M. Baharvand, M. Mehdipour // J. Dent. Res. Dent. Clin. Dent. Prospects. – 2014. – Vol. 8 (1). – P. 6–14.

22. Skorodumova, L. Leukoplakia of the oral mucosa: Classification, histopathology, diagnosis and treatment / L. Skorodumova, A. Muraev, E. V. Volodina, S. Iu. Ivanov // Voprosy onkologii. – 2013. – Vol. 59 (5). – P. 548–554.

Степанов Дмитрий Алексеевич, студент, Пензенский государственный университет.
E-mail: stomsd@yandex.ru

Федорова Мария Геннадьевна, кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической морфологии и судебной медицины с курсом онкологии, Медицинский институт, Пензенский государственный университет.
E-mail: Fedorovamerry@gmail.com

Аверкин Никита Сергеевич, ассистент, кафедра клинической морфологии и судебной медицины с курсом онкологии, Медицинский институт, Пензенский государственный университет.
E-mail: averkin.n@list.ru

Образец цитирования:
Степанов, Д. А. Морфологические исследования в стоматологии / Д. А. Степанов, М. Г. Федорова, Н. С. Аверкин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 80–84.